

## СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

**Наталия Парыгина**  
(г. Тула)

### ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ



*Наталия Диомидовна Парыгина — старейшая писательница России, продолжающая активно работать в жанре прозы. Почетный гражданин города-героя Тулы, имеет государственные награды. Лауреат литературных премий, в том числе лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова за № 1. Член редколлегии журнала «Приокские зори». Ниже публикуем ее новый рассказ.*

В воскресенье после обеда, когда Андрей вознамерился полежать на диване с недочитанным романом, а женщины с ребятами принарядились, чтобы идти в парк, ворвался в квартиру телефонный звонок. Трубку взял Андрей.

— Вас слушают.

— Здравствуй, Андрюха.

Андрюха? Так называл его брат.

— Гриша? Ты?

— Я. Не ожидал? Ты помнишь, какой сегодня день? Десять лет назад. Наш разговор перед разлукой... Помнишь? Пора подводить итоги.

— По голосу чувствую, что ты процветаешь.

— Угадал. А ты живешь все там же — в благословенной «хрущевке»?

— Да. Там же.

— Мама жива?

— Слава Богу. Жива.

— Через полчаса буду у вас.

Андрей медленно, словно опасаясь сломать, положил трубку на место.

— Андрюша, кто звонил? — поинтересовалась, выйдя в коридорчик, жена.

— Григорий звонил. Черед полчаса придет.

— Что? Кто? Какой Григорий?

Это уже мама Нина Петровна встревожено спрашивала, то ли боясь, то ли желая услышать правду.

— Наш Гриша, мама.

Нина Петровна машинально накрыла ладонью, словно защищая от беды, область сердца. Но произнесла сурово и четко:

— Был наш, да отрекся. Теперь неизвестно чей.

В своей комнате галдели ребяташки. Двухлетняя Катя весело прыгала:

— В палк пойдем! В палк пойдем!

Однако поход в парк чуть не сорвался. Жена Андрея Надя решила, что надо встретить столичного гостя, стол накрыть... Однако бабушка за всех решила по-своему.

— Идем в парк! Все собрались? Готовы?

— Го-то-вы! — хором отозвалась ребячья троица.

— Но как же... — попыталась было возразить Надя.

— Никак! Пошли.

И первой двинулась к двери.

Тот разговор с братом, что случился у них десять лет назад, Андрей и хотел бы забыть, но не мог. Говорил впрочем почти один Григорий.

— Слушай, Андрюха, я много думал в последнее время. Ты видишь, что творится в стране? Новая жизнь. Новые понятия. Новые возможности! Умные люди используют эти возможности. Дураки — упускают.

— Ты, конечно, относишь себя к умным.

— Пока — нет. Но решил взяться за ум. И тебя вразумить.

— Да я вроде бы не нуждаюсь...

— Это — как судить.

Разговор этот состоялся тоже в воскресенье. Мать после завтрака ушла в магазин, а братья так и остались сидеть за пустым столом с потертой клеенкой.

— Я получил диплом. Помню... Помню, о чем мы договаривались... Ты работаешь — я учусь. Потом: я работаю — ты учишься. Знаю, что ты мечтаешь перейти с вечернего отделения на дневное. Но я предложу тебе лучший вариант.

— Есть варианты?

— Варианты всегда есть — надо не упустить лучший. Я предлагаю: уехать в Москву. Вместе! Талантливые и проворные ищут удачу или за границей или в Москве. Посредственности остаются прозябать в провинции. За рубеж мы не осилим... А в столицу — можем. Продадим квартиру — на первое время денег хватит. А дальше — все зависит от нас.

— А квартиру продадим вместе с мамой?

— О маме я думал. Она может поехать в деревню к своей двоюродной сестре.

— А маму ты уже спросил — она стремится переменить место жительства? И тети Галя... Я не помню, чтобы она приглашала маму...

— Мы поставим их перед фактом.

— Это как?

— Скажем, что уезжаем. И нам надо продать квартиру.

— Та-ак...

— Так! Новый век — новые нравы. Человек сам себе — хозяин! Чтобы выбиться в этой жизни наверх, а не остаться в нищенской яме, надо быть сильным.

— И — жестоким?

— И жестоким! Если требуют обстоятельства — даже жестоким! Ну, останемся мы вдвоем караулить нашу мамашу за то, что она когда-то нас родила и на руках носила... Что нас здесь ждет? Меня — жалкая зарплата бухгалтера... А в Москве банки растут, как грибы! Банк — это золотое дно жизни. И у меня — диплом финансиста...

— Мне до диплома — еще три года. И никуда я с тобой не поеду.

— Ладно. Оставайся. Держу пари, что и через десять лет ты будешь прозябать в этой же убогой хрущевке. А я пробьюсь. Пробьюсь в строй богатых и независимых! Чего бы мне это ни стоило.

— А Надя... Она твои намерения одобряет?

— При чем тут Надя?

— Но ведь ты живешь с ней — сколько? Года два?  
— Два с половиной. Но она мне не жена. Узами брака я себя не связал. Я — свободен! Уеду на десять лет и ни звонить, ни писать, ни приезжать не буду. Десять лет — мой старт. Жаль, что ты не захотел вырваться из нужды. Ладно, живи как хочешь. Буду пробиваться в одиночку.  
— И скоро ты уедешь?  
— Скоро. И неожиданно. Потихоньку. У меня к тебе просьба, брат.  
— Говори.  
— Я уеду, не прощаясь. Ни с матерью, ни с Надей не прощусь.  
— Но — почему?  
— Знаешь женщин... Вцепятся ведь, начнут отговаривать, разохаются, разноются. Только настрой собьют! Ни к чему мне это. Хочу уехать спокойно. Объясни им... Объясни, что уезжаю надолго. На годы. Через десять лет дам о себе знать. Или просто приеду. И пусть не пытаются меня искать. Сам найдусь! Объяснишь?  
— Попытаюсь объяснить. Поймут ли?  
— Это их проблемы!

Григорий уехал через три дня, совершив в начале нового пути жизни первую подлость: занял у друзей и знакомых денег сколько удалось с обещанием отдать долг через неделю. Андрею позвонил об отъезде. Матери и Наде ни напрямую, ни намеком не сказал ни слова.

Андрей, исполняя обещание, отправился к Наде вечером после работы — работал он у частного предпринимателя: развозил и разгружал овощи и фрукты для продажи на развалах. Надя, отворив дверь, побледнела.

— Андрюша... Что-то случилось? Что-то случилось с Гришей?

— Нет, нет... Ничего страшного. Можно к тебе войти?

— Да. Проходи. Гриша попал в аварию?

Надина комнатка в коммунальной квартире была крохотная. Кровать, стол, две табуреточки, одежда под занавеской...

— Здоров он, Надя! Ни в какую аварию не попал. Давай сядем, поговорим.

Надя резко опустилась на табурет.

— Говори же... Говори — что с Гришей?

— Ничего. Просто он уехал в Москву.

— Ой! А я уж подумала... Надолго?

— То ли на десять лет... То ли навсегда...

— Что? Я же серьезно спрашиваю! Мне не до шуток...

— Серьезно, Надя. Уехал делать карьеру. Решил стать богатым.

— Вот как... А я? Он просто бросил меня?

— Похоже, что так.

Потом Надя плакала, а Андрей молча жалел ее. Хотел бы пожалеть вслух, но разве ей это надо? Она любит Гришку...

— Не плачь, Надя... Ну, перестань!

— Я считала себя его женой.

— Теперь считай разведенкой. Ему все равно...

— Я думала, что он меня любит. И говорил, что любит!

— Гриша любит только одного человека: себя.

— Не говори о нем плохо!

— Не буду...

Они помолчали. Надя отрешенно глядела куда-то мимо Андрея, а он смотрел на нее. И эта чужая, хотя и давно знакомая женщина в домашнем халате и с растрепанными волосами, с заплаканным, мокрым от слез лицом вдруг по каким-то таинственным законам жизни показалась ему близка и дорога.

— Надюша! А хочешь... Хочешь — я на тебе женюсь?  
Она как будто не сразу поняла смысл его предложения. А поняв, отрицательно покачала головой.  
— Ты не захочешь на мне жениться. И будешь прав.  
— Почему не захочу? Я давно знаю тебя. И маме ты нравишься... Она сколько раз спрашивала Гришу, когда он на тебе по-настоящему женится.  
— Выходит: никогда?  
Андрей промолчал.  
— Я беременна, Андрюша. Будущая мать-одиночка.  
— Ты... беременна? А Григорий знает?  
— Нет. Я боялась ему сказать...  
— Вот и молодец, что не сказала. Это будет и а ш ребенок. Твой и мой. Ну, перестань же плакать! Если он до сих пор не женился на тебе, значит — не любил.  
— Так ты... Ты, правда, женишься на мне?  
— Да. Если перестанешь плакать.  
Андрей встал, обнял Надю и поцеловал в мокрую соленую щеку.  
...Матери он в этот день не сообщил ни одну новость: ни об отъезде (похожем на побег) Григория, ни о своей предстоящей женитьбе. Отложил разговор на утро: после сна человек более расслабленный, меньше будет нервничать.  
— Мама, ты, пожалуйста, не волнуйся.  
— Что случилось?  
— Гриша уехал. В Москву. Делать карьеру. За десять лет намеревается стать богатым и независимым. Но общаться с нами все это время не будет...  
Нина Петровна молчала, темнея лицом. Не сетовала. Не плакала. Молчала. Андрей подумал, что она так ничего и не скажет по поводу странной новости. Но она сказала.  
— Пропадет Гриша...  
— Да что ты, мама! — искренне возразил Андрей.— Он такой напористый. И умный...  
— Душу потеряет,— двумя словами определила мать грядущую драму сына.  
Андрей подвинулся ее прозорливости. А про себя, вспомнив разговор с братом, подумал: «Душу он уже потерял. Или убил».

Столичный гость приехал на такси. Андрей увидел с балкона слегка располневшего господина в светлом костюме и вышел встретить его на лестничную площадку. Братья обнялись и так постояли, ощущая таинственную власть родства и волнующий момент встречи.

Гость первым переступил порог квартиры. Прошел в «зал». Огляделся.  
— Все, как десять лет назад. Те же три клетушки-комнатушки... Диван, кажется, новый. А, и стеллаж с книгами. Покупаешь книги?  
— Купил библиотеку по объявлению. Сейчас многие избавляются от книг.  
— Да, немодный товар. А что это за барышня на диване?  
— Маша. Куклу зовут Маша.  
— Значит, женился. И дочку сотворил.  
— Еще двоих сыновей.  
— Здорово... Где же спрячешь свою ораву?  
— В парк ушли. Только ушли — и ты позвонил.  
— Давай пока вдвоем выпьем и по душам поговорим. Я гостинцев привез. И — коньяк...

Стол накрыть оказалось делом несложным: гостиничные деликатесы были либо в баночках, либо в пакетиках. Вот уже и коньячок золотисто блестит сквозь стекло недорогих стеклянных рюмочек.

— За встречу!

— За встречу...

Андрей пригубил коньяк, посмаковал. Гость опрокинул рюмку до дна и сразу наполнил следующую. И с этой минуты говорил, не умолкая, прерываясь на несколько секунд разве что для очередного возлияния.

— Ну, что, Андрей? Кто был прав? Ты за эти десять лет приобрел всего-навсего утильную библиотеку... А я... Я, приехавший в Москву с жалкими грошами, теперь имею четырехкомнатную квартиру в районе Сокольников и дачу в Подмосковье. А дача — не дача, а двухэтажный дом. На участке — баня, сад, овощные грядки, цветники... В комнатке на первом этаже с отдельным входом живет агроном с женой. Рады, что приютил. Все хозяйство ведут: он — на участке, она — в доме. Приезжаю на дачу как барин.

— И как же тебе удалось стать баринком?

— Удалось... Кто был ничем, тот станет всем. И ты мог бы...

— Не женился?

— Женился. Один раз. По расчету...

— Хватит пить, Гриша!

— Последнюю... В банках для меня места не нашлось — там своих хватает. Вернее, нашлось место... Ох-ран-ни-ка! Стоял в дверях, как сторожевая собака. Но, между прочим, там все и случилось!

— Что случилось?

— Она уронила сумочку. Я поднял. Она поблагодарила. Сорок пять лет — представляешь? Но — вдова миллионера... Через год она приобрела на мое имя — на имя своего супруга... Угадай — что?

— Автомобиль?

— Ресторан!!!

С каждой рюмкой коньяка речь гостя становилась несколько медлительней и туманней. И — хвастливей.

— Я объездил весь мир! Был в Париже. В Риме. В Нью-Йорке! Купался в Средиземном море... Загорал на лучших пляжах Европы...

Андрей, услышав скрип ключа в двери, перебил монолог брата.

— Возвращается мое семейство.

Первой вбежала в зал двухлетняя Катя.

— Папа, мы молодоженное ели! И на калуселях катались.

Между тем вошли в комнату и остальные члены семейства. Григорий, скользнув взглядом по мальчишкам, недоуменно уставился на их мать.

— Что такое! Это же Надя... Надя!

Он с трудом встал из-за стола, покачнулся и обратился к матери со своим открытием.

— Мама, смотри: это же моя Надя!

— Ты приехал к нам через десять лет, чтобы напиться до свинского состояния?

— А... Да... Прости, мама. Я сейчас... Сейчас умоюсь. Но все равно: это Надя! Ты, Андрей, женился на моей девушке. Надя, дай я тебя поцелую!

— Отстань!

— Иди, умойся, — прикрикнула мать, как на мальчишку. И скомандовала внукам: — А ну-ка, ребята, давайте все со стола перетаскаем в кухню.

Все трое ребят проворно принялись за дело. Бутылку с недопитым коньяком она сама убрала в шкафчик.

Григорий вернулся из ванной комнаты с мокрой шевелюрой и почти протрезвевший. Сел на прежнее место за пустым уже столом. Тягостное молчание затянулось. Выручила Катя. Подошла к гостю, положила ручки на его колено. Спросила:

— Хочес танцевать?

— Танцевать? Конечно, хочу! — не растерялся Григорий.

— Клаковяк умеет?

Краковяк... Всплыл в памяти дворец пионеров, кружок бальных танцев.

— Умею краковяк.

— Папа, иглай...

Танец удался не сразу. Танцевальный шаг прошел нормально, но кружиться Григорий, учитывая рост дамы, попытался по принципу хоровода.

— Не так! — возмутилась дама.— На луки бели!

— Да,— подтвердил Андрей.— Бери ее на вытянутые руки и крутись.

Теперь танец обрел нужный ритм и стиль. Звучала гитара, старались танцоры, улыбались взрослые...

— Вот это краковяк! — весело проговорил Григорий.— В жизни не танцевал с такой милой партнершей.

Мальчики ушли в свою комнату. Нина Петровна и Надя как будто помягче, но молча глядели на Григория, кажется, не зная, о чем с ним говорить.

— Пойдем на улицу — покурим,— предложил брату Григорий.

Возле подъезда, как и в прежние времена, стояла крашенная лавочка. На этой лавочке братья посидели и поговорили о высоких материях: о счастье и свободе.

— Напрасно ты, Андрюха, отказался ехать в Москву. Помнишь, отец говорил: «Жизнь состоит из упущенных возможностей». Вот ты и упустил.

— Ошибаешься! Я счастлив. Работаю с строительной фирме, у меня — семья, дети... Это же прекрасный мир жизни.

— Ограниченный мирок, а не мир.

— Мы с тобой по-разному понимаем смысл слова: счастье.

— Да как его ни понимай! Счастье — это один мифов, придуманных человечеством. Нет его на Земле! И тем более — на небе... Самообман — вот что такое счастье. Кто способен на самообман, тот и счастлив.

— А ты счастлив? Твоя жена жива?

— Три года назад умерла от рака.

— И ты больше не женился.

— Нет. Я свободен.

— И одинок...

— Одиночество? Да, свобода и одиночество, как говорится, близнецы... Но я привык. Привык жить среди чужих людей. Целовать чужих женщин... Разнообразное общение... Одно странно... Кажется, я бесплоден.

— Нет! Не может быть...

— Может. В интима обходимся без всяких предохранительных причиндалов, а ни одна любовница не забеременела.

— А ты бы хотел?

— Не знаю. Сейчас много бесплодных мужиков. Медицина считает: из-за стрессов.

— А тебе много досталось стрессов?

— Еще бы! Миллионы, как говорил, не с неба валятся. Но об этом история умалчивает...

И о многом еще они говорили и спорили. Но пути их жизни разошлись, и понятия о ценностях бытия сложились разные.

Григорий, на этот раз простившись со всеми, уехал на другой день. И уже сидя в купе поезда и попивая ароматный чай, подумал: «Напрасно я к ним приезжал. Чужой я им. И они мне чужие».

Но вдруг вспомнил краковяк и заулыбался. Руки ощутили почти невесомую партнершу. А перед мысленным взором возникла загорелая довольная мордашка племянницы.

**Ирина Кедрова**  
(г. Москва)



## МЕСТЬ БОЯРЫНИ НАСТАСЬИ

*Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас».*

Маленькая комната на самом верху боярского дома, куда вхожи только мамки да няньки. Здесь живет красавица Настасья. Живет и дожидается своего часа, когда папенька соизволит пригласить в дом жениха, подпишет с ним сговорную запись и передаст в новые руки свою доченьку. Не то, чтобы плохо жилось Настасье в отцовском доме. Все у нее есть: наряды лучшие, угощения царские, служанки верные и самая верная из них Устинья. Расчесывает Устинья волосы молодой боярышне и приговаривает:

— Ах, краса ты моя, красавица, волосы твои длиннющие, глаза твои яркие, губы сочные. И кому же ты достанешься? Кого счастливым сделаешь?

— Устиньюшка, видела я вчера в окошко моего сердечного, а кто он — не ведаю. Каждый день мимо окон на коне проезжает, то один, то с друзьями. Смеются весело, речи храбрые от них слышатся. Ты бы узнала, какого он роду-племени?

— Душечка моя Настасьюшка, для тебя все сделаю. Дознаюсь обязательно, — пообещала боярской дочери подружка-прислужница.

Других подруг у Настасьи нет. Отец строго дочь содержит, на улицу не выпускает и к ней никого не подпускает. Боится, как бы чего не вышло с его лапушкой. Ведь перед Богом ответ за честь дочери держать придется.

Матушка умерла давно. Грозен был отец с ней. Приставил слуг для присмотра: что та ни сделает, обо всем ему доложат. Им он доверял как себе, ей вовсе не верил. Да и была у него на то причина. Когда женился, ходили слухи, что молодая супруга другого в мужья ожидала и вроде бы даже пыталась с ним свидеться. Только супруг ее решительным оказался, сразу все женины надежды прекратил. Так и сидела на своей половине под надзором слуг. Иногда выходила к мужниным гостям, чтобы одарить их чаркой вина. Красавица была, глаз не оторвать. Все завидовали боярину Лыкову. «Что ж ты такую красу за замками держишь?» — спрашивали.

Годы молодые у Настасьиной матери пробежали быстро: в родах, детских смертях, побоях ревнивого мужа. Однажды так плетью побил, что три дня валялась без памяти. Так, не приходя в себя, и померла. «Сдохла», — сказали о ней ее надсмотрщики. «Отмучилась, болезная», — грустно подумали те, кто видел от несчастной боярыни добро и ласку. «Матушка моя родная, как же без тебя жить стану?» — плакала десятилетняя Настасьюшка, и слезы горячие текли по щекам.

— Ты уже девка большая, скоро замуж пойдешь. Нечего реветь, — приказал отец, и послушаться его было невозможно.

Настасья зажала боль в сердце, чтобы никто эту боль не видел. Так с тех пор и

живет, любит слушать сказки про добрых молодцев и красных девушек, песни грустные поет, будто о себе грустит. Только молодость поворачивает девушку к смеху веселому и мечтам дивным. В этих мечтах папенька находит ей жениха богатого да знатного, поскольку только с таким он и породнится. А еще этот жених люб Настасьюшке: красавец писанный, глазу острого, стану стройного. На коне словно летит, саблей легко помахивает. Любит он ее, свою любушку. В дом свой вводит бережно, речи ее слушает внимательно, и целует любезную женушку. Ох, и неприличные мысли у девушки. Преподобный отец Серафим внушает, что жить следует так, чтобы Господу радость доставлять: молиться, поститься, думать о Боге и неземной жизни.

«Тогда милость Господня с тобою, Настасья, пребудет. И батюшке твоему радость и почет. Должна быть девица благочестива и кротка. Молись, дочь моя, молись неустанно», — поучал преподобный отец свою духовную дочь.

Настасья падала перед иконой на колени и молилась: «Владычица моя, Пречистая Богородица, помилуй меня грешную...» Какие такие грехи совершала она? На батюшку злилась, порой его не слушалась, с няньками иногда ругалась, а, главное, больше о земной, чем о небесной жизни думала: о муже будущем, о детях, о доме, в котором хозяйкой станет и, не в пример матери, никому не позволит надзор за ней держать. Своими греховными мыслями делилась боярышня с Устиньей.

— Только ты, Устиньюшка, никому о том не говори, что я думаю.

— Душенька моя, да чтоб я провалилась, да чтоб я крест нательный потеряла! — отпиралась Устинья. — Да никому я тебя, моя красавица, не выдам.

— А узнала ли ты о молодце моем?

— Узнала. Это Василий — сын боярина Захарьева. Царю служит. Говорят, отец ему знатную невесту высматривает.

— Кабы он меня высмотрел, уж любила бы я свекра своего.

— Да чего его любить? Надо мужа любить. Василий Захарьев всем хорош, а нрава крепкого. Соперника не потерпит.

— Ну что ты, Устя, говоришь? Какой соперник?

Так и переговаривались они, придумывали, как батюшку в дом Захарьевых направить.

Однажды отец поднялся в терем к дочери.

— Сядь Настасья. Надо поговорить. Ты уже выросла, пора семью заводить. Боярин Захарьев желает с нами породниться. И мне такое родство по душе.

— Неужели, батюшка? — вскрикнула Настасья, подскочив с лавки и отвернув от отца краснеющее лицо.

— Что заерзала? — недовольно глянул на нее отец. — Не маленькая, поди. Держать себя в строгости должна. Боярин Захарьев — человек степенный, серьезный. Ему в жены свиристелки не надобно. Ему нужна жена рассудительная, умная, спокойная.

— Батюшка, так он для себя сватов засылает?

— А для кого же? Ты не о Ваське ли думаешь? Не смей. Станешь ему мачехой, и весь сказ.

— Батюшка, родной, — Настины глаза наполнились слезами и страхом, — да ведь боярин Захарьев — старый, в отцы мне годится.

— Никто, кроме меня, в отцы тебе не годится. И не старый он вовсе. Он нас с тобой переживет, а я еще внуков увижу.

— Батюшка, да за что же мне такая участь?

— Какая такая участь? Боярыней в дом войдешь, хозяйкой. И отцу почет: дочь в надежные руки передал. А слов твоих глупых чтоб я больше не слышал.

Поняла Настасья, что судьба ее решена, отца не переспоришь и счастья с нелюбимым старым мужем не увидишь.



Через несколько дней пришел в их дом жених — боярин Иван Петрович. Невесту, как полагается, не вывели. Да и не надо это Захарьеву: помнил он мать Настасьи, видел ее красоту. А здоровье? Так разве может быть больной дочь многожильного Лыкова?

— Я, Семен Федорович,— говорил он Лыкову,— порядок в доме люблю. У меня не забалуешься. Слуги выученные, по указу ходят. Настасья Семеновна сразу хозяйкой станет. А коли трудно будет по молодости, так у меня управитель справный и ключница верная. Они ей помогут хозяйскую обязанность понять. Главное, чтоб не ленива была и женин долг исполняла. Я это очень приветствую.

— Знаю я, Иван Петрович, твою удаль. Настя моя тебе по душе придется, не сомневайся. Только, не обижайся, опасность прямо по твоему дому ходит.

— Ты про Ваську говоришь? Так я его пошлю со службой государевой. Без него пока проживем. А потом женю. Сейчас ему рано. Ты мне скажи, сколько за дочкой полагаешь?

И начался у них разговор о приданном. Сговорились быстро. Было что отдать Семену Федоровичу в придачу к дочери. С рождения ее набирались сундуки в подклети. Да и земля есть богатая, деревня добрая. А из слуг пусть забирает Устинью. Больно непокорная. Не нравятся такие боярину Лыкову. Не понимает, чего барин хочет. Впрочем, если бы он захотел, он бы ей делом объяснил. Только ради дочери не трогал девку.

Позвал боярин Устинью, чтобы показать гостю. Высокая, крепкая, длинная темноволосая коса взметнулась за спиной. Про таких говорят: кровь с молоком. У Ивана Петровича глаза загорелись: одну брал в жены, а тут и вторая будет — в ночных услужницах.

— Иди-ка, Устинья, объяви боярышне, что мы обо всем договорились. Скоро свадьбу сыграем. И не ревите там. Бабы дуры — всегда ревут,— грозно сказал хозяин потупившейся Устинье.— Гей, отсюда.

— Каких еще тебе слуг надобно, Иван Петрович?

— У меня своих девать некуда. А Устинья подойдет. Хитрющая девка. Как ты ее к дочери допускаешь?

— У меня есть, кому следить за ней. Если что, три шкуры спущу и с нее, и с других. Кстати, она мне все о дочери рассказывает.

— И есть что рассказывать? — забеспокоился гость.

— Да что ты! Какие у нее тайны? Сидит себе в тереме, вышивает, сказки слушает. А уж боголюбива, не передать. Только и молится. Отец Серафим на нее не нарадуется. Я, говорит она мне, батюшка, люблю помолиться в ночной тишине.

— Покойная жена твоя, Семен Федорович, тоже набожная была?

— Ох, какая набожная! Царствие ей небесное,— оба перекрестились.— И я теперь женюсь. Многие годы обходился без хозяйки. О Настасьишке думал. А теперь передам дочь тебе, Иван Петрович, и о себе подумаю.

Так за разговором они и порешили готовиться к свадьбе. А наверху горевали несчастные пленницы.

— Устя,— обмирая, спросила Настасья подругу, вернувшуюся от отца.— Что батюшка сказал?

— Приказал твой батюшка к свадьбе готовиться. Сидит жених за столом, глазами зыркает.

— Да каков он?

— Толстый, живот большой. И голова большая, а борода длинная. Сам строгий. Я как увидела, вся задрожала.

— Неужели страшный?

— И страшный, и сердитый очень. Ох, боярышня моя, как ты за него пойдешь?

— Да разве слова батюшкиного ослушаешься? — заплакала Настасья, внезапно поняв, что послушаться нельзя, и красоту свою девичью она погубит в замужестве.

Летел свадебный поезд: мчались колымаги жениха, невесты и гостей, гордо восседали всадники на лошадях. Везли невесту в крытой колымаге, обитой красным бархатом, с закрытыми шелковыми занавесками слюдяными оконцами. Сидела в ней Настасья и думала: обрядили ее в свадебный наряд, прибыл к ним в дом жених — почтительный, тучный, с противным голосом. Сидел и смотрел, как за занавеской расплетали невесте девичью косу. Даже и не пытался заглянуть, чтобы увидеть боярышню. А впрочем, и хорошо, что не пытался. Иначе увидел бы льющиеся слезы и закушенную до боли губу. «Благослови, Господи!» — звучало при каждом обрядовом действии. «На что же Бог благословит? — грустно думала Настасья. Перед выходом к жениху отец ее гневно наставлял:

— Ты, дочь, не вздумай вида показать, что недовольна. Жена да убоится мужа своего. И радуйся, что сам Захарьев нам честь такую оказал. А что муж не нравится, так он и не обязан нравиться. Твое дело — его радовать, доставлять счастье, наследников родить. Да чтоб здоровыми были. А Бог даст, может, и Васька сгинет, отец его далеко отправил. Прости, Господи, шалую мысль,— при этих словах отец перекрестился.— Все твоим детям достанется.

Молчала Настасья. Поздно спорить. Не в обычае русском перечить отцу. И вот везли невесту в церковь, где отец Серафим скажет: «Венчается раба Божия...» Да только ли Божия она раба? Отцовская она раба, а теперь будет мужнина. «Он сейчас в другой колымаге едет, даже на коня не взбирается»,— со злостью подумала Настасья.

Шумный свадебный поезд мчался по Москве. Поезжане — родственники и знакомые Лыковых и Захарьевых — окружали повозки, сопровождая их конными и пешими рядами. Народа собралось видимо-невидимо. Зеваки смотрели на расписные колымаги. Многие радовались, поскольку богатая свадьба всех приветит и угостит.

В церкви Настасья пребывала в полусознании. Батюшка подвел ее к жениху, они двинулись к аналою. Преподобный отец Серафим своим мощным басом вел службу, читал наставления о том, что муж должен строго учить жену. В конце обряда венчания муж, выпив вина из деревянной чаши, протянул эту чашу новобрачной, и та чуть пригубила. Потом он взял ее под руку и повел из церкви: народ что-то кричал радостное и осыпал новобрачных семенами льна и конопли. Потом они ехали в богатый дом бояр Захарьевых, за свадебным столом пили и здравили молодых. А Настасья сидела застывшая, только слезы текли по щекам.

Потом было стыдно и больно. Муж отвел молодую в опочивальню, долго рассматривал, словно лошадь при покупке, и, довольный увиденным, сказал:

— На мать ты похожа. Та-то до свадьбы сумела в сени сбежать, за то папаша твой и бил ее крепко. А ты, надеюсь, не такая прыткая?

Настасья молчала, боясь поднять глаза. Мужнины слова ей не нравились, а то, что он делал с ней, тем более. Грузный, неповоротливый, навалившийся на нее всем своим весом так, что, казалось, косточки девичьи переломятся. Он долго трудился, противно сопя. Настасья терпела, и только раз вскрикнула от нестерпимой боли. Наконец, его прыганье закончилось, он отвалился, довольно хмыкнув, и через несколько минут захрапел так, что, казалось, стены не выдержат и развалятся. Настасья тихо встала, вытерла с себя следы мужниной утехи. «Матушка моя родная, что же ты наделала? Зачем ты меня одну оставила? Почему не сказала, что муж у меня будет зверем диким, ненасытным?»

Рано утром Иван Петрович разбудил Настасью.

— Вставай, женушка, пойдем хозяйство смотреть. Дворовые у меня работающие, верные, да все равно за ними глаз строгий нужен. Встань рано, всех разбуди, на работу направь, чтоб никто без дела не сидел. И букой не смотри. Мне веселая жена нужна. Слезы льют в девках.

Все в доме завертелось. Дворовые с любопытством посматривали на новую хо-

зайку, прилаживаясь к ее характеру. Думали: «Молода еще, обмануть легко, когда хозяина рядом не будет». Управляющий склонился низко: пусть видит, как мы господ уважаем. Ключница смотрела в пол, боясь поднять глаза, поскольку злостью они наполнились. Только Устинья была спокойна и весела, чувствуя себя, словно в родном доме.

— Устиньюшка, как я выдержала эту ночь? Только бы он ко мне не приходил сегодня. Противный, видеть его не могу.

— Боярыня ты моя разнесчастная,— сожалела верная подруга,— все бабы терпят. Муж у тебя серьезный, немолодой. Часто заглядывать не будет. Дай-ка мне волосы твои расчесать. Грех такую красоту прятать от людей. Да и тебя, моя бедная, кто теперь увидит?

И залились обе горячими слезами.

Вечером, после ужина, муж велел жене и прислуге собраться в крестовой. Он долго молился перед образами, а потом отправился в свою опочивальню, приказав всем ложиться спать. К счастью молодой жены ей была выделена своя опочивальня. Устинья помогла Настасье раздеться, поклонилась и ушла в комнату для прислуги. А Настасья встала на колени перед образом Богоматери и долго молилась, впервые ясно осознавая, что одна у нее осталась надежда — на помощь великой заступницы, и просила она о защите от мужниного участия и гнева.

Шло время. Настасья освоилась с хозяйством, знала всякое дело: и стирала, и кушанья готовила. Не всегда, чаще за этими делами следили ключница и управляющий. В основном Настасья занималась шитьем и вышиванием. А еще ждала первенца, который очень скоро заявил о себе слабыми толчками в ее округлившийся живот. Муж не понимал, заходил к ней в опочивальню редко. Устинья служила рьяно, стала ее первой помощницей, сумев всех дворовых себе подчинить. Только вот почему-то часто отводила глаза, стараясь не смотреть на хозяйку.

Однажды ночью, когда Настасье стало совсем худо, она выбралась из постели и пошла в дворницкую звать к себе верную Устю. Той среди слуг не было. Какого же было Настасьино удивление, когда она увидела Устю: та в исподней рубахе выходила из опочивальни Ивана Петровича!

— Боярыня, Настасья Семеновна, смилуйся,— запричитала служанка, бросившись на колени и пытаясь целовать госпоже руки.— Не могу я Ивану Петровичу отказать, требует он к себе.

Это был удар. Бог повелел супругам соблюдать верность. Впрочем, Настасье это нетрудно, поскольку из дома ее одну не выпускают. А муж, оказалось, не соблюдает божескую заповедь, хоть и бьет поклоны перед образами. Верная служанка, подруга, можно сказать, бежит к ее мужу в опочивальню, прислуга смеется над ней. Ничего не сказала Настасья, повернулась и ушла к себе. Боли усиливались, разрывали на части. Настя кричала, не сдерживая себя. От боли кричала, от обиды, от невозможности переменить судьбу. По дому забегали дворовые девки, заглянул муж и велел звать бабу-повитуху.

Роды были долгими, ребенок родился слабеньким и умер на следующий день. Настасья лежала, забытая всеми. Иногда заходила Устинья, подавала ей пить и вытирала пот со лба. Настасья с ней не разговаривала. Ее мучило, что младенца не успели окрестить, и значит Бог его к себе не примет. Ей казалось, что Господь наказал сына за отцовский грех, которому потворствовала Устинья.

Месяца через два она оправилась, только внутри ее погас жизненный огонь. Муж снова стал к ней захаживать, требуя от жены потомства. Теперь Настасья знала, что не было в доме служанки, которая не побывала бы в мужниных руках. Знала, что потворные бабы сводили его с бесстыдными женщинами. Да разве могла она что-нибудь сказать мужу? Малейшее недовольство вызывало в нем гнев, он таскал жену за волосы,

срывал с нее одежду и бил плетью по голому телу. После она с трудом уползала, и долго залечивала раны. Первые роды что-то в ней произвели, а может, муж что-то отбил. Больше жизнь в Настасье не зарождалась. И за это муж ее бил и бил.

От нескончаемых побоев она затвердела в ненависти и стала равнодушной ко всему происходящему. Даже смерть отца не вызвала никаких переживаний. Что переживать, если он так же, наверное, бил ее матушку, а дочь кровную направил на погибель?

Так прошло лет шесть, и однажды в доме появился Василий, вернувшийся из далеких краев. Сердце Настасьино громко забилося. Вспомнилось, как давно смотрела она из окна терема на красавца-молодца, как мечтала о любви и замужестве. Сильный и красивый мужчина разбудил в ней незнакомое доселе чувство. Ей страстно хотелось мужских ласк и объятий. Да и Василий не противился, потому у них все и произошло. Раз, другой, третий, и уже ждала она его в потайном месте, а любила всем сердцем и телом.

Настасья расцвела женской красотой, налились ее бедра, увеличилась грудь. И скоро поняла она, что понесла. Только донесли Ивану Петровичу о ее запретной любви. Кто донес? То ли управляющий, присматривавший за ней, то ли ключница, ненавидевшая хозяйку с первых дней, а может и Устинья, желавшая дом боярский подчинить себе.

Наказание оказалось жестоким. Бил муж ногами и батогами, отбил все внутренности. Обзывал всякими бранными словами. Дом боярский гудел от гнева хозяйского. Василия выслал, пригрозив оставить без наследства. Впрочем, перед отъездом сын с отцом помирился, объяснив, что Настасья его приворожила. Видно к Ульке Чернавке, известной на всю Москву колдунье, бегала.

— Не зря бил покойный Семен Федорович ее мамашу. Ишь, сучье семя оставила после себя. И эту надо бить. Дурь из ее головы я выбью,— кричал в гневе муж, снова и снова хватаясь за плети.

«Матушка моя родная, зачем ты меня на свет родила? Зачем такое горе мне досталось?» — думала Настасья. Ребеночек в ней погиб и выкинулся плодом, похожим на мальчонку. В голове Настасьи рождался страшный план. Пошла она к Ульке Чернавке. Та, похожая на сказочную Бабу Ягу, слушала несчастную терпеливо и участливо.

— Знаю я боярина Захарьева. Его все знают. Двух жен схоронил. А ведь когда-то красивым и статным был. Мать твоя, голубушка, по нему сохла. Ко мне прибежала, просила траву любовную. Траву я дала, а что дальше было, не ведаю. Не приходила она ко мне больше.

— Вот и мне, бабушка, дай зелья опойного, да такого, чтобы извести мне мужа.

— Ты хорошо ли, боярыня, думала? Извести человека — перед Богом ответ держать придется. Нет большего греха. Самоубивец, пожалуй, грешнее.

— Да какой грех, если жизни нет? Терпела я долго, нет больше мочи. Бабушка, помоги от него избавиться.

Просила она, упрасивала. Знала, есть такое зелье у колдуньи. Принесла ей, утащив у мужа, деньги. Срезала, чтобы расплатиться с Улькой Чернавкой, все каменья со своего свадебного платья. Уговорила, получила зелье, и бежала домой, представляя, как скоро, совсем скоро, станет свободной от мужа ненавистного и жестоких побоев. Может, и Вася вернется? Не мог же он, после такой любви ее сильной, забыть свою любушку?

Только все повернулось не так, как задумывалось. Ворвался к ней в опочивальню Иван Петрович с криком:

— Сука, паршивка, извести меня задумала? — он обыскивал ее ларцы и ларчики.— Не дожدهшься, я сам тебя, дрянь подзаборную, изведу. Я тебя на площадь вы-

ставлю, в землю закопаю живой. Червяки тебя пожрут. Не знаешь разве, как с изменницами поступают честные мужья?

Он бешено кричал, топал ногами, бил ее, чем попало. Перевернул все в опочивальне, но зелье, о котором доложила верная Устинья, не обнаружил. Уходя, гневно бросил:

— Не жить нам больше вместе. Выбирай: в монастырь пойдешь или на суд праведный. А пока будешь сидеть взаперти, чтоб не сбежала и меня не опоила.

С того дня сидела Настасья на запоре. Раз в день приносили слуги еду, выносили помойник, в котором справляла затворница естественную нужду. Никто с ней не разговаривал, боясь гнева господского. Устинья давно забыла свою госпожу, всеми силами задабривая хозяина. Он ей доверял и получал от нее всевозможные радости.

Однако свет не без добрых людей, и однажды кто-то из прислуги вечером забыл, случайно ли — нет ли, закрыть на засов дверь Настасьиной темницы. Выбралась та на свободу. Тихо пробиралась, надеясь сбежать из дома. Никто ее не увидел, зато она увидела, что муж идет в баню, стоящую особняком от дома. Туда же поспешила ее бывшая задушевная подруга. Видно, вместе париться надумали. Нет, не могла Настасья пропустить такой случай. Надо было лишь выждать, закрыть банную дверь на засов, как закрывали дверь ее темницы, и запалить огонь.

От того, наверное, что душа боярыни горела ярким злым пламенем, загорелась баня враз со всех концов. Выбежавшие из дома и дворовых пристроек слуги потушить пожар не смогли. Ненавистные Настасье муж и Устинья не выбрались из огненного плена. Рухнула горящая крыша, поглотив их в огне. Огонь перекинулся на другие хозяйственные постройки боярского подворья. «Что я наделала? — горевала Настасья. — Какой грех на душу взяла! Не замолить мне его, не упросить Господа о пощаде!»

К утру пожар потушили. Когда слуги вошли в дом, в темных сенях они увидели повесившуюся Настасью. Не выдержала боярыня греховного дела своего, и от того впала в еще более страшный грех самоубийцы.



**Алексей Яшин**  
(г. Тула)



### **СЧАСТЬЕ ЮНОГО МИЛИТАРИСТА \***

◆ После просмотра по телящику местных и общероссийских новостей доцент военно-технического факультета Тулуповского университета Николай Андреевич впал в хандру. Совершенно дикое происшествие в ихней области, городе Бортянске, а по *ЦТВ* и вовсе докаменный век: милицейский, то есть сейчас полицейский, майор изнасиловал первоклассницу; признанный невменяемым тридцатипятилетний мужик, проживавший с интеллигентной мамой, съел по частям человека, предварительно разрубив тушу на куски и забив ими холодильник... А мама куда смотрела? И все подобное в подобном же колере. Нд-а-а.

Так тоскливо стало в неудобной этой жизни, что Николай Андреевич пошел на кухню, достал початую бутылку водки, хлопнул без закуски стопку. Чуть полегчало от всенародного лекарства. Усмехнулся: это, мол, тебе не рекламируемый ежедневно по «Радио России» с восьми утра и до полудни чудо-аппарат электромагнитной терапии для самолечения всех недугов — от поноса до клинического сумасшествия.

Все же. Подумав, закусил кусочком сервелата, что уже второй день, порезанный, кукожил на тарелочке в том же холодильнике. Попутно вспомнил только что увиденную в перерыве теленоостей надоедливую рекламу биг-мака.

Почему-то и в обжорочной рекламе, и в голливудских фильмах американские мужики жрут свои котлетные бутерброды «на булочке с кунжутом», цепко держа их двумя руками и повернувшись спинами друг к другу. При этом они после каждого укуса этой булки, начиненной всякой мясо-овощной дрянью, ощерив пасти, подозрительно искоса оглядываются друг на друга...

Отчего это так? Долго размышлял Николай Андреевич. Наконец, поинтересовался у много чего знающего знакомого доцента же Язвишина с медико-физкультурного факультета их университета. Доцент-патриот и биолог по совместительству рассмеялся:

— Ну ты даешь, Андреевич! Неужели не видел, как уличные собаки свои кости, добытые на помойке, глодают? Вся стая разворачивается по кругу хвостами друг к другу, каждый пес намертво обеими передними лапами придавливает кость к земле. Погрызет-погрызет, повернет морду к соседу и, оскалив клыки, предупредительно зарычит.

Так и западники, особенно америкосы, памятуя свое разбойничье-ковбойское прошлое, жрут, постоянно опасаясь, что сосед по жрачке, Джон, схрумкав свою булку с кунжутом и котлетой, подбежит к нему и вырвет объедки на добавку.

...Да-а, думал тогда Николай Андреевич, и у нас в стране сейчас за счастье полагается что-нибудь да отнять у соседа: фабрику-завод, миллион «зеленых», а то и просто все ту же булку с кунжутом и химической котлетой. А за бутылку с водовкой

---

\* Глава из романа «Квадратная пустота», над которым автор сейчас работает.

еще и синяков наставят.— От чувственного предвкушения дармовой выпивки. И вспомнил он свое нехитрое, далекое — северное счастье.

◆ Только было предался Николай Андреянович сладостным воспоминаниям, как со двора в открытые форточки и балконную дверь — на дворе жаркий конец мая месяца — раздался запоздалый по времени вопль явно заблудшего кота. Николай Андреянович сам-один даже рассмеялся, вспомнив эпопею, разыгравшуюся в их дворе на переходе апреля месяца в нынешний май.

Где-то в предпасхальные дни — а может, и в саму пасху? Николай Андреянович, как научный атеист не помнил точных церковноприходских дат — в их двор с многочисленными конскими каштанами, березами и тополями, давно вымахавшими выше крыш окрестных пятиэтажек, заявился кот. Очень крупный, пушистый и совершенно белый. Судя по дальнейшему его поведению — чисто домашнего воспитания, но либо за что-то изгнанный, а может и просто выскочивший на улицу и потерявшийся.

Кот, молодой и по-домашнему не знающий реалий современной демократической жизни, явно паниковал, думая: вот и дорвался до вожденной вольной жизни, а что в ней хорошего? Тут на него набежала выпущенная во двор для оправки мелкая собачонка Федосеевых из первого подъезда дома Николая Андреяновича — в половину размера кота. Робко твякнув, китайская мелочь в ужасе убежала от огромного кота. Но и тот, что-то вспомнив смутное в своих генах, мигом вскарабкался по стволу еще не распустившего листву тополя на высоту третьего этажа, уселся на ветвь матерого дерева и жалобно замыкал. Насчет спуска по стволу на землю его гены молчали.

...Почти неделю жители обоих дворовых пятиэтажек испытывали физическое и душевное угнетение. Бедный вольнолюбивый кот замолкал только на короткую уже ночь. Да и днем его голос все более слабел.

Дворовые восьмидесятилетние активистки-общественницы Аллка-дворничиха и Любка-цветочница обошли все окрестные дома, выискивая возможных хозяев кота — но безуспешно. Наверное, из другого квартала заблукал.

Не выдержав морально-нравственных мучений, жильцы скинулись на пол-литру дорогостоящей «путинки», две полторашки «арсенального» пива девятиградусной\* крепости, коляску «краковской» и два батона. Этот сухой, то есть «мокрый» паек передали Аллке-дворничихе, которая вступила в переговоры с Петькой-хворым, сорокалетним неработающим пенсионером по алкогольной инвалидности, бывшим спортсменом-гимнастом.

Аллка поставила ультиматум: «Седни с полудни и ночью не пей, поутру сымешь кота и получишь пакет с припасом!»

Петька, уже почти пропивший апрельский пенсион, с отчаянья согласился, но наутро, стрезву подошел к операции серьезно. Взял у своих собутыльников, ЖЭК-овских слесарей и плотников бросовых деревянных плашек, гвоздей-соток и молоток. Набивая плашки на ствол тополя, он добрался по рукотворной лестнице до страдальца, взял его, безропотного, подмышку и спустил на грешную землю.

Едва Петька-спасатель, вдругорядь спускаясь, успел выворотить из тополя плашки и получить от Аллки пайку на сутки гульбы, как кот, доселе озиравшийся непонимающе, заприметив выведенного во двор бизнесментером Никифоровым бультерьера, опрометью взлетел на еще бóльшую высоту на ближайший каштан. Аллка-дворничиха бросилась было к Петьке, хворому спасителю, но было поздно: тот, усевшись на лавку в дворовом детском городке, уже ушел в запой. Да еще нагло потребовал приплату — чекушку «пятиозерной» — в компенсацию за полученные от кота царапины на руках.

---

\* Натуральное «живое» пиво имеет максимальную крепость 3,2 град/об. Все что выше — это добавленный спирт.— Прим. авт.

...Двор вступил во вторую фазу нравственных мучений. Но сейчас более всех страдал Николай Андреевич: для второй серии кот уселся на дереве прямо напротив окон его квартиры.

Три дня перед майскими праздниками Николай Андреевич старался приходить домой с работы ближе к ночи, чтобы не видеть и не слышать злосчастного белого кота. И за эти дни, вызывая изумление (и подозрение — не выслуживается ли?) своих коллег по кафедре, по-стахановски написал-скомпоновал учебное пособие по проектированию стабилизаторов противотанковых ракет. От этой работы уже полгода дружно отбивались все профессора и доценты кафедры ракетостроения. И домашние его под любым предлогом весь световой день находились где-то вне родных стен.

Только девятилетний полуперсидский их кот Арамис, второй месяц уже как приступивший к весенней линьке, сидел на кухонном подоконнике, задумчиво и немигающе смотрел через окно на неопытного в жизни коллегу по профессии: да-а, брат, поживи с мое на усиленном домашнем доппайке — и поймешь, что свобода — это осознанная необходимость. Никакая кошка-прелестница меня вот даже на лестничную площадку не выманит!

Но вот наступил Первомай, бывший пролетарский праздник, а ныне климатический день весны и торгово-офисного труда. Университетские корпуса на замок закрыты, в соседнем парке еще лужи от тающего снега. Некуда из квартиры уйти!

Выпив бывшеспраздничные сто грамм наркомовских с прицепом, Николай Андреевич, услышав завывания кота на дереве, вспылил и начал звонить по телефонному справочнику во все возможные службы с лестницами: от МЧС и «пожарки» до общества спасения на водах. Всем он, учитывая праздничный день, обещал «на парнас» две заначенные кредитки с видами города Ярославля...

Увы, судя по веселым голосам, везде, даже в МЧС и пожарных депо праздновали социально-климатический праздник. Отчаявшись, Николай Андреевич допил полулитровый «прицеп» к наркомовским, включил на полную громкость телевизор с орущими и пляшущими полуголыми ведьмами, сам же прилег на диван и проспал до темноты.

Видно не один он беспокоил по телефону занятых людей: на другой день пополуни прибыла во двор спасательная машина МЧС. Бравые ребята, развернув металлическую лестницу, сняли кота, но от денег вышедшего во двор Николай Андреевича, нерешительно, поглядывая на старшего, отказались.

Поумневший за десять дней сидения на деревьях кот, даже не обращая внимания на бультерьера купца Никифорова, опрометью метнулся со двора и исчез в досягаемом пространстве и времени.

◆ В ознаменование окончания эпопеи с белым котом и второго дня праздника трудящихся и бизнесментеров Николай Андреевич пошарил по карманам, набрал мелочи на самую дешевую чекушку и вручил ее Петьке-хворому. И сам пошел в магазинчик в торце соседнего дома разменять одну из «ярославских» на четвертинку «зеленой марки», настоящей на кедровых орешках.

В магазинчике, где днем отоваривались водкой пьющие мужики их квартала, а ближе к ночи толпы студентов университета из рядом расположенных общаг покупали пиво и всевозможную фаст-фудовскую дрянь в хрустких пакетах, его радостно приветствовал сам хозяин, розовощекий сорокадвухлетний отставной доцент-подполковник Коля Антипенко. С ним Николай Андреевич познакомился еще в бытность работы в НПО «Меткость», где ему по отделенческой разрядке поручили написать отзыв на кандидатскую диссертацию тогда капитана Антипенко по техобслуживанию стартовых установок противотанковых сверхзвуковых ракет.

...Год назад старейшее в России-СССР Тулуповское ракетно-артиллерийское высшее военное училище, с недавних пор — военный институт, ликвидировали в



целях модернизации армии и придания ей качества компактности и маневренности для борьбы с мировым терроризмом — в юдашкинских куртайках на синтепоне.\*

Пришлось бывшим полковникам и подполковникам, майорам тож, подыскивать иной заработок. Так Коля Антипенко на паях с женой и молодящейся тещей, скинувшись трудовыми и взяв кредит в банке, открыл мелочный продуктовый магазинчик в соседнем доме, переоборудовав под него одну из двух тещиных же квартир — тяжелого наследия советской власти.

...Но не оттого сейчас, в самом исходе жаркого мая, Николай Андреевич радовался жизни, глядя в окно на заросший высоченными деревьями двор, что история с белым котом ушла в прошлое. Нет! Просто впервые за тридцать с лишним лет его проживания здесь со двора не доносился умоисступляющий стоглоточный вороний грай.

Воронье племя, поселившееся в их дворе в незапамятные даже старожилым бабкам Аллке и Любке и каждый год выводившее на ветвях все подрастающих деревьев, попало удивительно дружное между собой и громкоголосное. Каждая птица — сама себе Шаляпин.

Со школьных уроков Николай Андреевич цепко помнил, что не только аисты и гуси-лебеди по весне и осени совершают перелеты длиной в четверть окружности Земли, но и наши среднерусские вороны, грачи и галки тоже улетают-прилетают. Правда, на более короткие расстояния: километров на двести-триста. То есть, для примера, тулуповские каркающие пернатые на лето убывают в командировку для размножения в окрестности Белокаменной, а их место в тулуповских дворах и парках временно занимают под гнезда вороны и грачи из Рязани или Воронежа. И так далее.

...Может так оно и было при царях и генсеках, но сейчас, в эпоху толерантности и необузданной свободы тулуповские грачи и вороны уподобились оседлым цыганам, что живут своими баронствами в предместьях города. И те, и другие перестали кочевать. Ромалы окормляют весь город наркотой, а вороны живут в полюбившихся им дворах, сытно кормясь из окрестных помоек. И все время, исключая темное ночное, каркают. Вот и демократию нам, наверное, накаркали!

А вот здесь начинается самое интересное. Как сообразил Николай Андреевич, да и все жильцы обоих домов двора, первое сидение белого кота на дереве пришлось на период построения воронами своих гнезд. Но их насторожило появление как раз на высоте гнездования самого заклятого врага — поедателя птенцов. Поэтому, посоветовавшись, вороны решили немного обождать со строительством, суть да дело занялись накапливать стройматериал — ветки, бумажки, прутики, комки глины — на земле, в укромных местах дворовой обочины. И терпеливо ждали, когда кот снизойдет с дерева.

Но когда кот оказался уже на другом дереве, вороны заволновались. Ситуация складывалась форс-мажорная: еще несколько дней и сроки кладки яиц, а значит и вылупление из них птенцов, выйдут из плановых, а это ослабит их стаю по сравнению с другими, соседними в борьбе за выживание.

Арендовав на паритетных началах на время огромный каштан в соседнем дворе, вороны устроили многочасовой, крикливый партхозактив; после всестороннего обсуждения сложившейся ситуации пришли к выводу: теперь в их родном дворе коты сошли с ума и будут жить на деревьях, а значит вороньему потомству грозит смертельная опасность. И многомудрый вожак стаи, седой ворон Карагач отдал приказ: считать прежний свой двор выморочным и, потеснив стаю соседнего двора, срочно строить гнезда там.

---

\* Даже верноподданный во втором поколении киношник Никита Михалков демонстративно отказался от какой-то почетной общественной должности в минобороны, увидев «юдашкинцев» на майском параде.— Прим. авт.

Вот так двор Николая Андреевича обрел, как древние иудеи по окончании Вавилонского пленения, свободу от несмолкаемого вороньего грая. Но как представить себе меру отчаянья жителей соседнего двора, в котором отныне стая удвоилась в количестве! Но люди — отчаянные эгоисты; кому какое дело до чужих забот?

Зато в их дворе теперь появились сладкоголосые мелкие птички, которых раньше вороны и близко не подпускали к дворовым деревьям; даже соловьиная пара поселилась на липе, услаждая сердца и души жильцов своими восхитительными трелями и виртуозными коленцами и переходами.

Но особый восторг жителей двора вызвала сова, прилетевшая из соседнего парка и поселившаяся на самой верхушке двадцатиметровой березы. Пенсионная учительница биологии Фаина Аристарховна весело просвещала соседей: «Вот пройдет немного времени, так сова начнет в вечерние сумерки передразнивать — не хуже попугаев — всех обитателей двора!»

И действительно, уже вскоре отдыхающие от дневной жары на скамейках детского городка бабки, курящие на балконах обоих домов мужики с полным восторгом слушали доносящиеся с верхушки березы проделки совы-пересмешницы: то лай купеческого бультерьера сменялся звуками, очень похожими на пьяное бормотанье Петьки-хворого, а потом и вовсе сова на два голоса интерпретировала вопли сцепившихся по пустяковому поводу Аллки и Любки...

Снова заулыбался сам-один Николай Андреевич, наконец-то переходя к счастливым воспоминаниям.

◆ На воспоминания Николая Андреевича навела сегодняшняя пополуденная прогулка по центральному городскому парку, что в двух-трех минутах ходьбы от его дома. По наступившему жаркому, как и месяц май, лету все асфальтированные дорожки и площадки были заполнены школьниками и младшими студентами обоих полов, раскатывающими на роликовых коньках. Оно, конечно, для здоровья полезно, да и отвлекает молодежь от неумеренного потребления пива и легкой наркоты типа «спайс», а также от мимолетных сношений в антисанитарных условиях... как в очень содержательной частушке:

*Как у наших у ворот  
Ветка к ветке клонится,  
Парень девушку ...,  
Хочет познакомиться!*

Но сколько неудобств для мирных гуляющих по парку без «роликов»? — Во-первых, толерантное юношество полагает, что все асфальтированное в парке — только для них. Поэтому всем остальным приходится совершать свои моционы с постоянной оглядкой и перебегать с одного края дорожки на другой, особенно если навстречу или в спину несется, взявшись за руки, целая вязанка «роллингов».

Во-вторых, их коньки дешевой китайской фабрикацией издают тревожащие уши грохотно-скрипящие звуки. Оно также понятно: выполняя лозунг компартии Поднебесной «Из страны вывозить на продажу только хлам», китайские кустари сами ролики мастерят не из умеренно вулканизированной резины, а из какой-то, явно фенолформальдегидно-пластмассовой, дряни. Очень стукотной.

А средства массовой дезинформации, имея установки по поводу и без повода постоянно очернять наше советское прошлое, говоря о «роллингах», никогда не забывают добавить: «Только в новой, демократической России наше славное спортивное юношество, будущий средний класс — спаситель страны, смогло приобщиться к роликовым конькам — чуду западно-восточной цивилизации!» И так далее в этом же ключе.

Слушая подобные вольнолюбивые рассуждения дикторов и телеведущих, причем

явно не дружащих с русским языком, Николай Андреевич сразу вспоминал известное высказывание партайгеноссе Юзи Геббельса, духовного отца современных СМИ: «Ложь, повторенная трижды, становится правдой». И поэтому когда он, особенно выкушав рюмку-другую «путинки», рассказывает, как он старшим школьником, в середине «золотых» шестидесятых годов катался светлыми летними ночами по бетонным (не асфальтовым!) дорогам родного города Полярного на роликовых коньках отечественного, конечно, изготовления, то отравленные ядовитыми словесными жалами СМИ собеседники, приторно-ядовито улыбаясь, на всякий случай согласно кивали головами. А наиболее интеллигентные из них задумчиво переводили тему разговора на дежа вю — явление ложной памяти.

◆ Николка успешно перешел в десятый класс. Им, последним могиканам хрущевской «одинадцатилетки», за девятый класс выдали даже хрустящие «корочки» о неполном среднем образовании — первый в жизни документ, не считая свидетельства о рождении и комсомольского билета.

Сколько себя он помнил с младенчества, каждое лето их большая семья уезжала на весь двухмесячный «полярный» отпуск родителей в калужскую старообрядческую деревню Дворцы — родину отца Андреевна Матвеевича, где останавливались у его сестры Натальи.

Но в этом году, хотя на дворе стояло начало июля месяца, вопрос о поездке пока висел в воздухе. Все дело в том, что Андреев только-только возвратился из трехмесячного пребывания в военном санатории под Выборгом, куда его отправили после лечения в полярнинском госпитале Северного флота. — Открылись каверны «заработанного» в войну, здесь же в Арктике, туберкулеза. Вернулся он из Выборга полностью излеченным, но, оказавшись в домашней обстановке, о поездке в Дворцы пока ничего определенного не говорил, заново — после медицинского перерыва — привыкая к курению «беломора» ленинградской фабрики имени Урицкого.

Николка же не особо интересовался видами на отпуск. И так через пару лет, как только он окончит школу, семья намеревалась распротиться с Севером и переехать в Тулуповск, где дядька отца Лазарь, бывший полковник НКВД, уже пристраивал для семейства племянника — за божескую плату — вторую половину своего дома на пролетарской окраине города.

Но главное — отец привез ему из Выборга роликовые коньки, выпуск которых только-только наладил один из заводов близ Ленинграда. Николкиному восторгу предела не было!

И еще что важно — он на какое-то время становился единственным обладателем такого кунштюка в Полярном. Коньков не имели даже его адмиральские одноклассники Ямщиков и Катасонов, хотя бы их отцы непрерывно мотались в Ленинград читать лекции курсантам ВВМЦПП\*. Один адмирал вспоминал (преимущественно матерными морскими словами) о своем участии в походе бригады подлодок на Кубу во время не столь давнего Карибского кризиса\*\*, а второй делился опытом плавания на атомных лодках первого поколения. За этими военными упражнениями адмиралам было явно не до коньков...

Любуясь только что вынутыми из коробки коньками и попутно размышляя о занятиях адмиралов, Николка в мыслях перескочил все на тот же Карибский кри-

---

\* Высшее военно-морское училище подводного плавания.— Прим. авт.

\*\* Во время Карибского кризиса задача прорыва американской блокады Кубы в случае начала боевых действий была возложена на Северный флот. К моменту начала блокады все советские атомные подлодки Северного флота находились на «доделках» — слишком быстро их построили в Северодвинске, да и дело новое... Поэтому на Кубу была отправлена из Полярного бригада из четырех дизельных лодок. У Кубы три из них американские противолодочные корабли вынудили всплыть. Четвертая, под командованием командира бригады, сумела уйти.— Прим. авт.

зис. Когда кризис случился, семейство их проживало еще на маяке острова Большой Олений. Запомнились с тех удивительно тихих, теплых летних дней два момента. Слова отца, что-де все это ему уже знакомо по июню сорок первого года — такая же тишь да гладь в северной природе и ожидание скорой войны; как человек флотский, да еще и напрямую связанный со службой наблюдения, Андреян Матвеевич многое тогда знал...

И другое, что Николка сам видел: днем и светлой ночью мимо Большого Оленьего шли на выход в Баренцево море друг за другом в кильватер и попеременно крейсера и эсминцы из Североморска, подлодки, противолодочные «морские охотники» и торпедные катера из близкого Полярного. Отец пояснял с видом бывалого моремана: «Готовность номер один. Идут на Кубу», на Новую Землю, на полуостров Рыбачий — ближе к норвежской границе. Занимают боевые позиции».

Также днем и ночью из Сафоново и других аэродромов по берегам Кольского залива безостановочно летели курсом норд-норд-вест тяжело нагруженные транспортные и десантные самолеты — для усиления на Земле Франца-Иосифа дивизии первого удара по натовским базам в Исландии и Шотландии.

...Через год семья перебралась в Полярный. В конце июля Николка отправился со школьным дружкой Сашкой Белозеровым собирать уже перезревающей морошки. Был как раз главный в городе праздник — День военно-морского флота, поэтому на пригородных сопках, куда ни кинь взгляд, живописно расположились сам-трое отдыхающие матросы и ундеры\*. Перед каждой группой на расстеленных листах североморской «На страже Заполярья» веселилась на солнышке одна, а то и две водочные бутылки, приобретенные у бутлеггеров\*\* из Старого Полярного по устоявшейся твердой цене — пять рублей, окруженные вскрытыми банками из щедрого сухпайка подводников: твердый сыр с тмином, консервированная же колбаса, красная икра, всевозможные рыбные консервы в масле и в томате, калиброванная по весу и длине таранка. Даже неуместные к водке стограммовые полотки черного шоколада с вафельными стенками. Все с военной интендантской приемкой.

Как раз и имея в виду пренебрегаемый мореманами шоколад, насобирав по кило морошки, Николка с Сашкой взяли курс на двух — почему-то без третьего — ундеров: поздравить с флотским праздником. За что и были приглашены «к столу», к шоколадным полоткам, по форме смахивающим на увеличенные пластилиновые палочки.

Как тут же выяснилось, оба ундера, один старшина первой статьи, другой — второй, были годками\*\*\* и заодно с военно-морским днем отмечали «сто дней до приказа», готовились на дембель после четырехлетней службы.\*\*\*\* Поэтому-то и бутылок у них имелось две: пол-литровая и четвертинка.

Николка же, увидев на форменках старослужащих редкостные для мирного времени серебряные медали «За боевые заслуги» (такая была у отца за Отечественную), высоко ценимую у моряков, поскольку скрещенные на медали винтовка и шашка напоминали Андреевский крест, поинтересовался причинами столь высокого отличия.

◆ Старшины, горделиво покосившись влево на медали, охотно поведали о том, что подписка не разрешала им разглашать. При этом они вполне разумно и справедливо полагали, что, во-первых, полярнинские пацаны и без них достаточно слышаны о кубинском походе кораблей Северного флота. Во-вторых, нигде окрест в маскхалатах под бурную сопочную растительность не залегли все слышащие и видящие замполиты и особоотдельцы.— Если те где и залегли, то у себя по домам на диванах

\* От «унтера» — флотское прозвание старшин.— Прим. авт.

\*\* В зонах базирования Северного флота в те времена соблюдался полный «сухой закон».— Прим. авт.

\*\*\* То есть одного года призыва и, как правило, служащие на одном корабле. Это как «земели» в сопкутных войсках.— Прим. авт.

\*\*\*\* Тогдашняя длительность службы моряков-срочников.— Прим. авт.

после праздничного обеда все с той же контрабандной водкой. А кто помоложе, тот и вовсе в компании с женой или любовницей, соскучившейся по мужской ласке в долгих отсутствиях визави в хлопотных воинских делах. Да-да, именно в такой конкретике думали старшины, сами на четыре года отлученные от девушек-женщин и досыта нахлебавшиеся флотских борщей, которые корабельный фельдшер щедро заправлял противовозбудительными препаратами брома...

Наконец, действовал неписанный закон, молча принимаемый всем служилым народом — от только что призванного салаги до матерого адмирала: в делах воинских тонкостей и служебных тайн, регламентированных флотскими уставами, гражданские лица, исключая вольнонаемных, а тем более пацаны, нигде не прописывались. А значит, их и вовсе как бы нет в той части природы, где гордо реет бело-синее знамя ВМФ СССР.

Потому что-то рассказать таким пацанам — все одно что выйти в чистое поле у себя на родине и, как болтун в известной сказке, облегчить душу исповедью в пустоте...

Конечно, о кубинском походе подлодок из Полярного Николка с Сашкой знали — все офицерские дети в городе учились в одной и единственной средней школе. Но офицер не матрос или старшина, он не сидит в праздники, да и в будни тоже, на сопочном вороничнике, рассказывая о героических дальних походах. Со своими детьми видится только в домашней обстановке, в присутствии жены и даже тещи. А что касается военных тайн, то в памяти его еще с военно-морского училища сделана зарубка слов ротного наставника: «Когда дома жена или «влево» от дома какая иная бабенка залюбопытствует насчет вашей службы, то либо баланду травите, а лучше займитесь прямым мужским делом. Помните: столько Геббельс за год не наплетет всего, сколько баба за один вечер растреплет!»

А тут Николке с Сашкой повезло: перед ними сидели два моряка с той самой флагманской подлодки бригады, отправленной из Полярного на прорыв блокады Кубы, что единственная сумела оторваться от американских противолодочных кораблей и, не всплывая, уйти в более безопасное место, затаиться. Так что в случае начала войны могла и авианосец штатовский потопить. За что весь экипаж лодки получил боевые награды, матросы — старшинские лычки на погоны, бывшие уже старшинами — мичманские звания, а офицеры — дополнительные звезды. До потопления авианосца со звездно-полосатым флагом дело тогда не дошло...

Захмелевшие от водки и скорой «гражданки» мореманы все в тонкостях рассказали незнакомым им ребятам о карибском походе, не забывая особо оговорить свой героизм в составе боевой части дизелистов. Главное — теперь Николка с Сашкой доподлинно знали: как американцам удалось заставить всплыть наши подлодки.

Выходило так, что во время больших наших или натовских военно-морских учений вступает в действие директива, согласно которой такое учение рассматривается противной стороной как возможный маневр перед началом боевых действий, то есть войны. Поэтому эта супротивная сторона засылает в эпицентр учения свои подлодки. Естественно, что в глубоководном погружении. Для разведки и вступления в бой, не дай бог, в случае начала войны.

Противник, конечно, не дремлет. Его противолодочные «охотники» и БПК\* беспрестанно рыщут по акватории учения. Обнаружив же чужую лодку на глубине погружения, противолодочники «прилипают» к ней, отслеживая ее курс, и начинают сбрасывать муляжи глубинных бомб с песком вместо взрывчатки, но с небольшим детонирующим зарядом навряд пехотного взрыв-пакета, что используется во время их же учений.

При попадании такого бочонка на корпус подлодки этот стук слышит ее экипаж.

---

\* Большой противолодочный корабль — размером со средний крейсер.— Прим. авт.

Слышат и акустики с противолодочника... Конечно, матросы да и офицеры на подлодках не того чина, чтобы знать: существует или нет некая договоренность между нашим и натовским военно-морскими штабами, но командир подлодки в такой ситуации мирного времени по какой-то сверхсекретной инструкции обязан всплыть под язвительный смех на кораблях потенциального противника и, превратившись из угрозы для авианосцев в примитивную мишень для любой слабосильной корабельной пушечки, с позором удалиться восвояси. А как не всплыть? Никто ведь не даст гарантию того, что очередной бочонок окажется не с песком, но с тротилом? Благо все можно списать на «ошибки» при проведении боевых учений.\*

Другое дело в условиях войны: там — по корабельному уставу и инструкциям — обнаруженная подлодка, исчерпав все возможности уйти, должна подвсплыть на перископную глубину и открыть веерный торпедный огонь из носовых и кормовых аппаратов по всему, что наблюдается на поверхности моря...

— ...Вот из нашей бригады,— закончил рассказ усатый старшина первой статьи,— янки таким манером и выудили с глубины три лодки, только наша флагманская и ушла. Опыт у наших командира и старпома еще с Отечественной имелся! До сих пор тот стук бочонков о корпус ночами снится... Ну, салажата, берите остатки шоколада и отчаливайте. Мы сейчас с годком про баб будем балакать, вам еще рано слушать.

Николка с Сашкой, как люди воспитанные, отсыпали на обеденную газету сочной, уже чуток перезревшей морошки, отдав не по уставу честь к пустым головам, взяли курс на ближний к сопке Корабельный городок, где и разошлись в стороны своих домов: Николка через Чертов мост, соединивший по рельефу межсочного оврага Новый и Старый Полярный,— на улицу имени героического матроса Сивко, а Сашка — на пологую улицу героя-подводника Магомеда Гаджиева, что спускалась от их школы, оглавливающей улицу, и упиралась в фасад Дома офицеров флота.

◆ Коньки сверкали девственной никелировкой. Четыре парных колесика на резиновом ходу на коньке давали прочную устойчивость, а подшипники на осях пар, завальцованные в обрешиненные стальные основы колесиков, делали коньки бесшумными. Главное — одевались они с помощью кожаных ремней и регулируемого, раздвижного металлического подпятника, на любую обувь, хоть на валенки принайтовывай! Хорошо продуманная система крепления давала ощущение влитости коньков в подошву ботинок. Никаких вихляний и других криво-копытностей, что так раздражает в школьных, урочных лыжах с мягкими или полужесткими креплениями...— По сравнению с жесткими ротофеллами.

...Николай Андреянович огорченно вздохнул, вспоминая о тех коньках. Как и все советское тех лет, как те же телевизоры, холодильники, даже столь презираемые сейчас легковушки, коньки изготавливались с расчетом на непрерывную работоспособность в течение пятидесяти или даже сотни лет. И сейчас бы Николай Андреянович, вызывая изумление своими скороходами у парковой публики, тряхнул бы стариной на асфальтовых дорожках. Увы, вмешался, как любят сейчас все подряд оправдываться по телевизору, пресловутый «человеческий фактор».— Явно калька с американского.

Два весенне-летних сезона он откатался на коньках в Полярном. И по переезду семьи в Тулуповск, будучи студентом, он катался летними вечерами по городским тротуарам Косолученской рабочей окраины. На зиму же коньки ставились на одну из полок хозяйственного сарая во дворе дома.

Привыкнув на Севере к маячной бане, да еще по старообрядческой брезгливости

---

\* Если отвлечься от официальной версии, то тому ярчайший современный пример — гибель АПЛ «Курск» близ острова Кильдина.— Прим. авт.

не жалуя общественных мочных заведений, Андреян Матвеевич как-то взялся за строительный инструмент (он все умел делать) и в половине сарая соорудил настоящую баню-каменку. Поскольку с дровами в городе туго, то топить пришлось углем. А уголь, как горючий материал, очень коварен: вроде все сгорело, погасло, но какие-то угольки еще долго скрыто тлеют. Не досмотришь — и вот тебе пожар!

Так случилось зимой и с самопальной Андреяновой баней: запылал сарай ночью. В итоге — по доносу добрых соседей — штраф от административно-пожарной инспекции, от коньков остались только стальные остовы. Сгорели лыжи всех трех братьев и казенный — от спорткружка школы — гоночный велосипед младшего из них, Сереги. Кроме коньков Николай (уже не Николка!) лишился и двух ящиков радиодеталей, привезенных с Севера. Удар для активного радиолюбителя-конструктора, что называется, ниже пояса.

◆ Погрустив о досрочной кончине роликовых коньков, Николай Андреянович вернулся к воспоминаниям. И сбросивший на лето свою шубу с пуховым подшерстком кот Арамис, устав отдыхать перед третьим за сутки сном, взгромоздился на подоконник, немигаючи глядел на хозяина и ждал продолжения мысленных его мемуаров.

Коту надоело весь день валяться то на правом, то на левом боку, поэтому он решил здесь же на подоконнике сделать обычное для его породы физкультурное упражнение — размять косточки. То есть этот зверек встает на лапы, сначала выгибает таким верблюдом вверх спину и мелко дрожит изогнутым вопросительным знаком хвостом, становясь похожим на какую-то замысловатую букву из арабского алфавита навряде развернутой на девяносто градусов буквицы «кха» или «сад». Затем он резко подается вперед усатой мордой, опять же до ощутимой дрожи вытягивая лапы. И в заключении делает то же упражнение, но подаваясь корпусом назад. Как рассказывал — не Арамису, конечно, а Николаю Андреяновичу его приятель, доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета их университета, два таких минутных упражнения в сутки у котов равноценны изнурительным многочасовым спортивным гимнасткам у людей... Оно и понятно: человек спит в сутки восемь часов, а куда остальное время девать? Кот же дрыхнет двадцать часов; ему некогда заниматься физкультурными излишествами.

И вот на последнем упражнении, в котором задействованы выпущенные когти передних лап, Арамис зацепился ими намертво за газету, служившую ему подстилкой на подоконнике. Пришлось Николаю Андреяновичу выручать кота, отцепляя поочередно когтистые лапы от газеты.

«Экий ты, брат, неловкий,— добродушно сказал Николай Андреянович,— раз любишь цепляться, так и отшвартовываться надо уметь! Вот как я в детстве: прицеплюсь на своих роликах к машине с тихим ходом, доеду куда нужно — и отчаливаю. Учись!»

...Нет, ну никак нельзя перейти к сладостным воспоминаниям! — Только отцепил кота от газеты и поучительно рассказал ему, как он в полярном зацеплялся-отцеплялся от машин, идущих на малой скорости, как по ассоциации в голову полезла всякая чертовщина из обрыдливых теле- и радиопередач, где дикторы из штанов (дикторши — из микротрусики типа «нитка через зад») высказывают, норовя в очередной раз испоганить великий русский язык, к месту, чаще — не к месту, вернув либо американское жаргонное слово, либо же исковеркав русское на американский лад.

Утром за завтраком по закоренелой советской привычке Николай Андреянович включает кухонный репродуктор: послушать прогноз погоды — брать с собой зонтик или оставить дома. Но до прогноза поневоле приходится выслушивать удивительно однообразные новости-старости: доблестная Антанга, имея в памяти ливийскую нефть, в очередной раз нанесла авиабомбовый удар по Социалистической Джамахи-

рии; президент Лукашенко никак не хочет сдаться на милость победителям — российским олигархам; в Дагестане стреляют по всему, что движется, а на Волго-Вятских просторах (пару лет назад на Дальнем Востоке) планомерно, с периодичностью раз в неделю, взрываются ракетно-артиллерийские арсеналы...

К прогнозу Николай Андреевич уже ввел в организм пару индюшачьих котлет — их трудно подделать, например, из мяса кенгуру или сусликов — с гарниром из рассыпчатой гречки, приступил к чаепитию. Поэтому лень вставать, чтобы выключить радиоточку. А из нее уже льется ежеутренняя передача-болтовня пары «диктор-дикторша» на заданную тему.

Вот сегодняшним утром речь в течение часа шла о таком животрепещущем явлении современности, как хулиганство пацанов, которые либо на роликах своих китайских зацепляются за машины или трамваи в Москве, либо же «зацепляются», то есть забираются на вагонные площадки железнодорожных товарняков и едут себе верст за пятьдесят-сто, а то и более.

Дело понятное и всегдашнее со времен перехода от конной тяги к «чугунке». Николай Андреевич и внимания бы в другое время не обратил на ежеутреннюю трепотню дикторов, которую затем сменит шестичасовая реклама БАД'ов и чудо-аппаратов биорезонансной терапии, но его прямо-таки ужалил новый термин: *зацепинг*. Так выходило по-дикторски, что пацаны сейчас, цепляясь, не хулиганством, а зацепингом — неким видом спорта и «протеста против отсутствия в современной России глобальных молодежных программ» — занимаются. Иногда дикторы путались и называли этот полуспорт-полупротест *прицепингом*.

Спорт этот они же оба (в брюках и в стрингах) относили к *экстриму*. — Через «и» — на американский опять же лад.

...Порой Николай Андреевич даже восхищался: как же сейчас — с подачи СМИ, конечно — умеют «облагородить» все понятия, которые в нормальные времена полагались либо предосудительными, либо второсортными. Так уже никто, исключая людей старого закала, не говорит таких слов, как «торгаш, торгует»... Нет, говорят: «занимается продажами». Это как раньше: «занимается космическими исследованиями»!

И слово «покупать» уже вытеснено американским «шопингом». Правда, с последним иногда случается конфуз. Буквально на днях, раскуривая сигаретку на свежем воздухе, на балконе поутру, после завтрака, услышал Николай Андреевич диалог Аллки с Любкой. Вчера они подрались, не поделив выброшенный кем-то из богатеньких на дворовую помойку почти новый женский плащ турецкого производства, а сегодня с утра помирились, дружно критиковали работу новой дворничихи-таджички, не понимавшей ни слова по-русски...

— Алл! Чегой-то второй день внучки твоей не вижу?

— Да она с подружкой, что имеет машину и родичей в Москве, туды укатила.

— А зачем?

— Да этим... *жопингом* заниматься.

...Даже любимое им «Радио Орфей» увлеклось американизацией. Опять же на днях после прослушивания тридцать шестой симфонии Моцарта дикторша с трепетом в голосе объявила: «А сейчас вы услышите нашего дорогого гостя — руководителя оркестра ударных инструментов Марка Пекарского. Тема нашей с ним беседы: гармонизация перкуссиионизма». Ни много, ни мало...

Бедный, бедный русский язык... Но почему же бедный? Николай Андреевич чуть было не сел на любимого конька, дескать, русский язык обладает чудесным качеством самоочищения. Вот почти два века все привилегированные сословия царской России говорили по-французски. А что сейчас от этого осталось? — Да несколько бранных слов (как от татарского нашествия тож): шваль, шантрапа, шарамыжник.



Дай, бог, чтобы то же самое случилось и с нынешней американщиной. Ведь русский язык здесь можно уподобить той же пирамиде Хеопса. Стоит она сорок с лишним веков в продуваемой знойными ветрами из Нубийской пустыни долине Нила и снисходительно невидящими глазами наблюдает за мельтешащим окрест народом: археологами и туристами со всего света.

А те все изъяны ищут: и углы у пирамиды неровные и несоосные форме тетраэдра, и блоки-камни разного размера, и пивной с фаст-фудом поблизости нет — это для туристов...

Пирамида же с воплощенной в камне душой фараона Хеопса усмехается, положив на всех них свой сфинкс.

Усмехнулся Николай Андреевич своему удачно-грубоватому сравнению и все же окончательно и бесповоротно ушел в воспоминания своего заполярного детства.

◆ В начале третьего часа светлейшей ночи Николка, сидевший у кухонного окна, дочитал шестой том собрания сочинений Виктора Гюго. Подумал было взяться за седьмой, но поостерегся: на днях заведующая абонементом районной библиотеки Нина Тимофеевна заметила, записывая в его формуляр очередную пачку книг: «Николай! Тебе еще два года учиться, то есть жить в Полярном, а ты уже больше половины нашего, не столь уж и малого, фонда прочитал. Ты рассчитай так, чтобы к отъезду на материк без пищи духовной, как говорят, не остаться!»

Опять же роликовые коньки, хотя и обкатанные, требовали совершенствования практики. Но самый главный довод — отложить чтение и размяться на замерших «ночью» полярных дорогах — это сообщение Сашки Белозерова, что-де в Кислой губе уже неделю у пирса без всякой видимой цели стоит на швартовых очень даже странная посуда: огромная, широченная в своих пузатых бортах, деревянная — сколоченная явно в Соломбалах или Кандалакше\* из десяти-пятнадцатидюймовых брусев. Словно шлюпка-шестерня, то есть на шесть весел, увеличенная до размеров эсминца, но с большим тоннажем ввиду пузатости «посудины». На палубе только кормовая капитанская рубка. Две мачты, но, судя по всему, была еще и средняя, самая высокая, спиленная за ненужностью, ибо и на реях двух оставшихся никаких признаков парусов. Вместо них уже при переделке судна установили дизель.

Еще Сашка выразился в том смысле, что это некогда был трехмачтовый барк-сухогруз, а теперь непонятно что. Может, для маскировки от космической разведки натовцев на нем подвозят в Полярный крылатые ракеты для атомных подводных лодок...

— Да-да,— съехидничал Никола, зная хорошо увлекающуюся натуру друга,— и вообще на этой посудине для маскировки весь запас атомных боеголовок для Северного флота хранится!

— Знаешь что,— обиделся Сашка,— сам дуй в Кислую и пораздумывай: что там делает у пирса эта деревянная калоша.

Вот почему Николка, отложив чтение седьмого тома собрания сочинений автора «Собора Парижской богоматери» до следующей светлой ночи, решил совместить приятное с полезным: размять ноги на роликах и хорошенько рассмотреть странную деревянную «посудину».

Надев удобные под коньки демисезонные ботинки на толстой резиновой подошве, рассовал по карманам темно-синей вельветовой куртки «под поясок» все обычное для ночных прогулок: спички, перочинный ножик с шестью предметами, включая отвертку, моток бечевки — непонятно зачем, но на всякий случай, авторучку и маленький блокнотик, только этой весной купленный ему родителями транзисторный

---

\* Небольшие городки, соответственно, в Архангельской и Мурманской областях, где едва не с новгородских времен строили деревянные суда — вплоть до 50-х гг. XX века.— Прим. авт.

приемник, завернутые в вощеную бумагу два бутерброда: с краковской колбасой и с салом с мясной прослойкой.

В левом нагрудном кармане обнаружил кубинскую сигару «Монте-Карло» в алюминиевой тубе с завинчивающейся крышкой. Всевозможные сорта сигар появились во всех магазинах страны — ценой от тридцати до шестидесяти копеек — после Карибского кризиса. Отец смеялся: «Американские буржуи их сейчас через третьи-четвертые страны покупают по двадцать-тридцать доллárov за штуку, а у нас пацаны для баловства за копейки!

Действительно, взрослые мужики, смоля «беломор» и «приму», а офицеры «Казбек» и сигареты «Тройка» с золотым ободком, только ухмылялись, глядя на витрины с десятью сортами «гаван». Покупали их для форсу только некурящие школьники.

Николка же купил за пятьдесят копеек сигару ради тубы. Ему, как радиолюбителю-конструктору, она очень даже подходила для хранения всякой нужной мелочи: резисторов, транзисторов и маленьких слюдяных конденсаторов марки СГМ. Но и саму сигару жалко было без пользы для доброго дела просто положить куда ни попадя.

Пробовал было предложить ее отцу. Даже выбрал подходящий момент, когда тот девятого мая распивал на кухне бутылку контрабандной водки с соседом — латышом Верейкисом, дальним родственником знаменитого революционера, работавшем начальником участка на городской телефонной станции.

Отец, с наслаждением закурив явскую беломорину, сигару отверг, попутно прочитав короткую лекцию:

— В мире, Кольк, выращивают всего два сорта табака: турецкий и американский. Да еще французы сделали селекцию одного с другим и курят свой черный табак. Но это не в счет, да и далеко не все лягушатники этот свой капотэн смолят.

Курение — дело тонкое. Если будешь когда курить, что не советую, сам поймешь. Поэтому нам, то есть всей Европе, Азии, а также Африке и Австралии, дымящим турецким, закурить американский — все одно что мне, как учившемуся в калужском молочном техникуме, съесть хоть одну ложку фабричной сметаны. Деревенскую можно... Или вот Карлу,— Верейкис подтвердил наклоном головы,— от рождения пьющему только водку и самогон, поднести стакан сухого вина.

Так что, Кольк, запаковывай свою сигару в обрат, отдашь какому-нибудь мореману. На дармовщину.

◆ Чуть помедлив, он вернул сигару в давешний карман куртки и вышел на улицу, прихватив в кладовке коньки.

На северной стороне, в промежутке между финскими домами Верейкиса и сундука \* Зимина, на треть утопленное в матовом зеркале моря нежарко освещало этот заполярный край покрасневшее ночью, не слепящее глаза солнце. На него же немигаючи, с умильным выражением морды смотрел овчарочий пес Верейкиса Рекс, принайтованный длинной цепью к своей будке.

Будка была сгоношена Карлом Вилисовичем, как уважительно звала соседа Николкина мать, из добротной, почти в дюйм толщиной, досчато-фанерной тары, окрашенной в зеленый военный цвет. На одной стороне будки-тары значилась оранжевая эмблема: три лепестка, похожие на мальтийский крест. Как на серебряном рублевике Павла Первого, что имелся в николкиной коллекции. Только с четырьмя, конечно, лепестками. Из уроков гражданской обороны он знал: это эмблема радиации.

Самое интересное, что когда прошлым летом Верейкис решил — от греха подальше — закрасить эмблему зеленой же краской, то Рекс то ли случайно, а может и с собачьим умыслом, перевернул лапой банку с краской, поставленную для почина

---

\* В просторечии — мичман. Это как в пехоте старшин зовут кусками, а в авиации — макаронниками (в описываемое время звания прапорщика еще не было).— Прим. авт.

работы Карлом на землю. Краска вылилась, Верейкис выругался по-русски и по-латышски, сплунул и более на нравящуюся Рексу эмблему не покушался.

Пес же, увидев Николку, вскочил на лапы, размахался хвостом и радостно заскулил. Верейкис охотно разрешил Николке по ночам прогуливать овчарку на поводке. Николка показал Рексу коньки, тот вздохнул и снова, присев, уставился на неуставное для ночи солнце.

Николка же сбежал со своей пологой сопки, произвольно — где имелись более или менее ровные скалистые площадки — застроенной финскими домиками, носившими название улицы имени геройского матроса-катерника Сивко, обогнул единственный в Старом Полярном каменный жилой трехэтажный дом и спустился по лестнице на главную бетонную дорогу. Дорога эта, извиваясь между городских сопок и озер, соединяла все пирсы и склады-пещеры всего Полярного: Старого и Нового.

◆ Для разминки ног, надев коньки, Николка поначалу двинулся в противоположную Кислой губе сторону. И собственно для раскатки, а главное — посмотреть на большое озеро Песковатое, основное летнее купальное место города. В частности, проверить: купаются ли по ночному времени, как то было два дня назад, абсолютно голые стройбатовский сержант Петро Симоненко, шофер из хохлов, и Верка-давалка, добрая толстая деваха из коммунхозовского общежития, что стояло на озерном берегу. Но, видно, Петро с Веркой женились в ее комнатухе, на озере никого не наблюдалось. А Николка какое-то время отработывал технику катания по бетонке: закрыв глаза, отсчитывая ногами размер бетонной плиты-ячейки, в нужный момент подпрыгивал на коньках, перескакивал расселину между ними. А вообще-то поджидал тихходную машину, следующую в сторону Кислой.

Таковая не замедлила показаться из-за скалы напротив Песковского озера, которую дорога огибала со стороны окраины Нового Полярного.

В кабине медленно идущего военного МАЗ'а кроме матроса-водителя сидел еще один, зажимая между колен карабин. Ага, с грузом, значит. Груз Николка увидел, когда умеренно урчащая машина с забрезентненным кузовом проследовала мимо стоящего на обочине конькобежца: на трехосном прицепе под таким же брезентом четко угадывались две торпеды, впрочем, с открытыми винтовыми хвостовиками. На одном из них, на самом конце прицепа сидел матрос с одинокой, сиротливой лычкой на погонах\*. В правой руке он держал дымящуюся папиросу, судя по запаху донесшегося до Николки дыма — курский «Север», отвратнее которого, как говорил отец, только сушеный конский навоз. Левой же мореман придерживал на коленях маленький оранжевый флажок, который по уставу он должен был демонстрировать на вытянутой руке на уровне своей головы.

Судя по мечтательному выражению лица, дозволенным негласными правилами старослужащим усам и полнейшему равнодушию к появлению пацана, что прицепился к тросовому крюку, на торпедке сидел дембель разряда «сто дней до приказа», непьльно отрубивший свои четыре года\*\* на берегу по ведомству автотракторного управления флота. Отсюда и сиротская лычка, и одинокий значок классности на форменке.

Налюбовавшись вдосталь темно-синим безоблачным небушком, «страшный матрос» все же снизошел до попутчика:

— Что, и у нас начали такие коньки делать?

— Ага, отец из Выборга привез. А ты на дембель собрался, годок?

— Какой я тебе, салага, годок! Впрочем, да, на дембель компас курс повернул.

— На сверхсрочную будешь оставаться?

---

\* То есть старший матрос; чин, равный пехотному ефрейтору.— Прим. авт.

\*\* Тогдашний срок службы во флоте.— Прим. авт.

— Тьфу! — Матрос поперхнулся дымом папиросы,— я что тебе, хохол что ли, чтобы лычки выслуживать и в сундуки метить? Нет, меня невеста на Белгородчине ждет. Как приеду — сразу женюсь, ребятенка Надьке своей запроектирую для крепости семьи, а сам в сельхозтехникум определюсь по авточасти. Тетка у меня колхозный пред, пишет, что уже направление мне на учебу написано и проштемпелевано. Пройду заочные курсы и стану главный механиком в колхозе. А ты, салага, куда по ночному времени собрался? Рыбалить что ли? А-а, ты без удочки...

— Я до Кислой. Дела кой-какие есть.

— Так с нами не доедешь. Мы рулим на пятый склад.

— Ничего, там дальше все под гору, самокатом почти до самого пирса докачу. Хочешь сигару выкурить?

Не дожидаясь ответа от озадаченного дембеля-мечтателя, Николка левой, незанятой рукой вытащил из кармана сигару и протянул матросу.

— Только упаковку, трубу то есть, мне верни.

Мореман отвинтил колпачок, вынул сигару, снова завинтил и отдал Николке. С интересом и вдумчиво понюхал сигару:

— Да-а, не приходилось еще такой баловаться...

— Ты кончик-то откуси, а будешь курить, так не затягивайся. Забери в рот дым, выдохни медленно и носом в себя вбирай!

— Мал ты еще дембеля учить. В кино видели, как буржуи их курят.

Матрос достал из кармана ножик, похилее, чем у Николки, всего с четырьмя предметами, аккуратно отрезал кончик сигары, зажег спичку, закурил.

— Крепко, но душевно,— прокомментировал он первые две-три затяжки.

◆ Меж тем мазовский тягач, прицеп с торпедами и примкнувшим к ним Николкой миновал Старое Полярное. Проплыли они мимо стоявших по обе стороны улицы-дороги одно- и двухэтажных жилых домов — бревенчатых и обшитых лесенкой досчатыми планками, мимо магазинов: гастронома, овощного и хлебного. Около здания почты, тоже одноэтажного деревянного, дорога круто взяла вправо, оставив по левую сторону стройбатовский клуб, где вечером «давали кино» для всех желающих, райбиблиотеку и двухэтажную, кирпичную районную \* же больницу для гражданских. А справа — гражданская же столовая, за которой обширная болотистая низина и далее — городское подсобное хозяйство с теплицами, коровником и птичником.

Еще раз дорога свернула под прямым углом, но уже влево, и потянулась вплотную к отвесной скале высокой сопки, на пологой вершине которой расположилась радиостанция дальней связи с кораблями с большим антенным полем.

Машина-тягач начала притормаживать. Собеседник Николки аккуратно срезал своим хиловатым перочинником отгоревшую часть сигары, а солидный еще охнарик уложил в нагрудный карман форменки.

— Все, салага, приплыли. Ты давай отцепляйся, а то может из хранилища сундук какой выскочить — меня же и облает. Не дай, бог, моему начальству звякнет — можно так и во вторую очередь дембеля попасть, на два месяца службу продлить... Прощевай, салага!

— И тебе, годок, скорой гражданки!

При слове «годок» матрос слегка поморщился от такого обращения, но тут же принял уставное выражение лица, с хвостовика торпеды пересел на жесткий откидной от борта прицепа стульчик и вытянул руку с оранжевым сигнал-флажком. Стоп-гуйсом — по-флотски.

Тягач с прицепом осторожно свернул на боковое ответвление бетонки и остано-

---

\* До начала описываемого времени Полярный, старейший город на Кольском полуострове, являлся районным. Затем центр района был переведен в Североморск.— Прим. авт.

вился перед огромными стальными воротами, окрашенными под скальный цвет. Наружный вахтенный, но уже не с карабином, но с автоматом, снял с вделанного в гранит аппарата тяжелую бронированную телефонную трубку, что-то сказал, искоса глядя на номерную табличку машины. Тотчас ворота со скрежетом разъехались, тягач с прицепом въехали в выдолбленную с помощью динамита пещеру-хранилище. Ворота вновь съехались.

Заметив Николку, стоящего на противоположной обочине дороги, караульный, явно первогодок, еще не проникнутый чувством либерализма к городским пацанам, прикрикнул:

— А ну марш отседова! Не положено тут стоять и смотреть!

— Чтоб тебе, салага, дембельнуть с пустыми погонами! — огрызнулся Николка и покатил себе дальше, до близкого поворота вправо и под полуметровый пологий спуск в низину Кислой губы.

Заодно вспомнил, что зимой караульный перед воротами хранилища облачен в шубу, поверх которой еще накинута тулуп. Автомат висит на воротнике шубы под растянутым тулупом, на ногах валенки с галошами, а шапка-ушанка постыдно для моряков завязана под подбородком.

◆ Еще раз, напоследок, резко свернув вправо, дорога пошла под горку, а Николка только успевал переставлять ноги через стыки бетонных плит. Чтобы не слишком разгоняться, он вертел школьную синусоиду во всю ширину дороги. Впрочем, ему больше нравилось другое наименование этой кривой линии: косинусоида.

Оставив слева новое трехэтажное здание городского хлебозавода, а справа городское же кладбище, где за сотни тысяч лет течения Кислого ручья намывло трехметровый, пригодный для могил слой илистой земли и торфа, Николка выехал на низинную, ровную часть дороги.

До самого пирса справа тянулся вдоль нее трехметровый бетонный забор, за которым располагалась (хорошо видно, если забраться на противоположную сопочку) большая забетонированная площадь для различных манипуляций с крылатыми ракетами, что складировались в совсем недавно выдолбленной тем же динамитом скальной пещере-хранилище.

Бетонка закончилась перед бревенчатым настилом из брусьев единственного в городе полугражданского пирса. У него швартовались пассажирские катера из Мурманска, Североморска, а также причаливали и катера, идущие дальше: на Рыбачий, Кильдин, поселки и становища Терского берега Кольского полуострова.

На этом же пирсе причальный кран разгружал стройматериалы, продовольствие и всякую магазинную мануфактуру с прибывавших из Мурманска барж: самоходных и буксируемых.

Подкатив к месту швартовки барка, Николка восторженно присвистнул: да, такого он и в кино про пиратов и знаменитых адмиралов не видал! Все как Сашка Белозеров рассказывал. Не соврал, знать.

Ни одной живой души на просторной досчатой палубе. Медленно раскатывая вдоль странной посуды, Николка доехал до ее кормы — прямо напротив КПП, что у лестницы, спускающейся вниз, к воде, к низенькому причалу для пассажирских катеров. Облокотясь на поручни, там лениво беседовали два дежурных матроса. И они обратили внимание на Николку:

— Эй, пацан, курева нет?

— Нет, годки, — нарочитым баском ответил он, — только что последнюю сигару отдал дембелю.

Те посмеялись и в рассеянности начали рассматривать матовую гладь залива, косясь в мурманскую сторону. Видать, мысли их устремились к нескорой гражданской жизни.

Чудаки, думал Николка, и что они все так стремятся поскорее уехать из этих прекрасных мест в свои белгородские и курские деревни? Чудаки...

Николка, хорошо рисовавший, достал блокнот и ручку, чтобы набросать контуры барка, но один из матросов запрещающее махнул рукой, а потом той же рукой указал на близкий мол, недавно насыпанный из камней прорываемой пещеры. За молотом — почему Николка сразу и не заметил, стояла пришвартованная, крутобокая, лишь на пару метров выступающая из воды атомная подлодка, готовясь загрузиться «крылатками».

Николка убрал в карман блокнот и покатил в сторону пассажирского вокзальчика, где в зале ожидания по раннеутреннему времени в полудреме сидели на скамьях со спинками всего несколько человек. Не спеша принялся за бутерброды, а потом все же по памяти зарисовал в блокнот барк. Заодно и подводную лодку у пирса-мола. Незаметно для себя тоже задремал.

◆ Продремал он, судя по всему, не более длины школьного урока, а проснулся на звуки вокзального динамика, исполнившего гимн Советского Союза. Шесть утра. Именно это время Николка и ожидал.

После гимна и утренних известий из динамика полилась хорошо знакомая по школьным урокам музыки «Ода к радости» из девятой симфонии Бетховена. Под эту бодрую музыку уже все ожидающие пробудились, взглянули на круглые настенные часы, подхватили свои баулы с чемоданами и тронулись в сторону КПП.

Запив давешние бутерброды кипяченой водой из бачка с принайтованной к нему цепочкой матросской (не солдатской же, конечно!) алюминиевой кружкой, Николка тоже выкатился из вокзальчика. Прямо напротив с пыхтением разворачивался единственный в городе пассажирский автобус, которого, собственно, он и дожидался, а с моря к причалу с КПП подруливал на малых оборотах ранний мурманский катер. По расписанию в такую рань он ходил только с конца мая по окончанию августа месяца. — Опять же по расписанию он угадывался под раннеутренний поезд «Ленинград — Мурманск».

Не желая отказать себе в удовольствии, он подкатил к КПП. Катер пришвартовался, по лестнице с причала на высокий пирс через створы КПП пошли прибывшие пассажиры. Дежурные матросы документов у них не спрашивали — это делали их годки при погрузке в Мурманск. У них задача другая: равнодушно глядя, как неподконтрольные им штатские волокут сумками и даже чемоданами запретную в городе водку, они мстительно приказывали открывать для показа всю тару у военных, то есть, в основном, офицеров, вплоть до каперангов\* (адмиралы на пассажирских катерах не ходили).

Обнаружив же две-три бутылки, матросы изымали их из багажа, после чего один из них, взяв по посудине в руки, наклонился над перилами. Лихо разбивал их друг о друга — и все это улетало в воду.

Везло только офицерам, прибывшим с женами: сам гвардеец проходил через КПП руки-в-брюки, а его супружница сгибалась под тяжестью поклажи с запретным плодом.

Налюбовавшись чужой бедой, Николка, обгоняя прибывших, подкатил к автобусу, снял коньки и занял престижное место в первом ряду.

Понятие платы за проезд здесь не существовало. Из автобуса Николка вышел на остановке у старополяринского гастронома и уже через пять минут вошел в свой дом. В кладовке аккуратно протер ветошью коньки от пыли и поставил их на законное место на левой средней полке.

◆ На кухне мать уже растапливала печь. На Николку внимания не обратила. Все

---

\* Капитан первого ранга.— Прим. авт.

остальные еще спали. Прошел в дальнюю комнату, его с братьями спаленку с крохотным, размером с обычную форточку, окном, летом завешанным куском портьерной ткани. Так удобно: кто хочет — ночью спит, а кто и днем.— Для всех полутьма.

Николка разделся, лег на свою койку и мгновенно заснул. Сон ему виделся из самой обыденной жизни, счастливый и легкий.

Снилась только что прошедшая ночь, но только у него еще нет роликовых коньков, а Сашка Белозеров ничего ему не говорил о странном судне у пирса Кислой губы. Поэтому, дочитав шестой том автора страданий Квазимодо в начале третьего часа, он решил перед сном немного проветриться.

Вышел из дома, подошел к дому Карла Верейкиса, где ему навстречу поднялся на все свои четыре лапы радостно привизгивающий Рекс. Отцепил от его ошейника карабин цепи, заменив цепь на поводок, что всегда летом висел на гвозде справа от входной двери дома.

Пройдя меж домов невеликой улицы имени матроса Сивко, вышел, попридерживая возбужденную овчарку, на край глубокого оврага-расселины между сопок, разделявшего Новый и Старый Полярные. Сел на неостывший еще со дня большой плоский камень, отпустив Рекса порезвиться на безлюдье. А тот и рад: кругами кругалет вокруг камня и Николки, подбегает к опасному, отвесному скалистому краю оврага. А потом и вовсе валяется кверху брюхом и лапами на небольшой травянистой лужайке. Словом, пес сам себе занятие на воле всегда найдет. Не требует внимания Николки, не отвлекает от мечтательных размышлений.

А размышления его горделивые: за Северный флот, за всю великую свою страну с четырьмя могучими флотами, Каспийской, Средиземноморской и Индоокеанской флотилиями, авиационными и сухопутными многими армиями и военными округами.

Взять тот же Полярный, одну из многих флотских баз. Вот сейчас середина ночи, хотя и светлой, крайнесеверной, но все же — ночи по стрелкам часов. В обычном, гражданском городе, селе, деревне жизнь замирает.

Здесь тоже людей на улицах не видно почти, но флотские дела не делят сутки на утро-день-вечер-ночь.

Посмотрел Николка вправо, где ущелье-овраг, расширившись, переходит в пирсы Екатерининской гавани. А перед пирсами стоит похоже на заводской цех здание, из которого на половину города круглосуточно доносится дробный стук мощных дизелей и свистящее шипение насосов: это закачивают в огромные бронебаллоны сжиженный воздух. А от кислородной станции, так ее попросту называют, баллоны на тягачах развозят вправо и влево по пирсам на подводные дизельные лодки, две эскадры которых базируются в Екатерининской гавани.

А влево, уже на краю Нового Полярного, в небольших бухтах рядами стоят десятки торпедных катеров и противолодочных морских «охотников». И сама акватория Екатерининской гавани не пуста. Между пирсами время от времени шлепают буксиры, что-то развозят. Из гавани в Кольский залив входят и выходят служебные катера «аркашки» — от их сокращенного названия «РК». Над гаванью несутся гудки, сигнальные просвисты и подвывания.

За бухтами с торпедниками и морскими охотниками — самая высокая в окрестности города сопка Ледовая. На ее верхней площадке — хозяйство ПВО, оберегающее город и корабли.

А за Ледовой — губа Пала, берега которой заняты причалами, доками и цехами судоремонтного завода. Флотского, конечно. Тоже работает круглосуточно.

На самых малых оборотах вошла в Екатерининскую гавань вернувшаяся с задания подлодка, направляясь к своему месту швартования у пирса.

Со стороны Кислой губы донесся пронзительный свистящий звук. Это проверяют на специальных стендах движки крылатых ракет.

Нет, не спит ночью военно-морской город!

...Как-то Николка, вернувшись под вечер домой, застал на кухне отца с неизвестными капитаном второго ранга, распивавшими по какому-то поводу бутылку. Кивнув вошедшему, кавторанг продолжил ранее начатое: «...И Никита после Карибского кризиса одумался, перестал крейсера резать на металлолом. Заводы в Северодвинске и амурском Комсомольске все новые и новые стапели под атомные лодки строят. Это хорошо, конечно, но вряд ли Кукурузнику даром пройдет загубленные надводный флот, дальнбойная артиллерия и двухсоттысячное увольнение офицерского состава».\*

И еще Николка знал, что не только в середине ночи военная жизнь идет планомерно на суше и на море. Она не затихает и под скалами в рукотворных пещерах-складах, где дежурные сундуки и интендантские офицеры озабоченно ходят мимо бесконечно длинных стеллажей, сверяя с записями в конторкорректных журналах инвентарные номера воинского имущества: от торпед и ракет до банок тушенки стратегического резерва...

Какая мощь! Какая четкая флотская организованность и порядок! Как хорошо и спокойно жить в стране, так надежно защищенной от любого врага! Как говорит их историчка Белла Нурьевна, жена капаренга Джугоева, Героя Советского Союза, любящая вернуть какую-нибудь фразу по-латыни: «Пара пакем — пара беллум». То есть, хочешь мира — готовься к войне.

Восторженный сон Николки длился до двух часов пополудни, пока мать не разбудила его обедать.

...Закончив воспоминания, Николай Андреевич позавидовал Николке: ведь тому судьба отпустила еще тридцать с лишком лет такого вот счастья.



---

\* Так оно и случилось ближайшей же — по времени повествования — осенью, когда Хрушев в одночасье превратился в пенсионера союзного значения (то есть 160 рублей в месяц).— Прим. авт.



**Тимур Зульфикаров**  
(г. Москва)



## **КНИГА ДЕТСТВА ИИСУСА ХРИСТА\***

*Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).*

*Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек ухаживает за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.*

*Регулярно печатается в газете «Завтра».*

### **ГЛАВА ШЕСТАЯ**

— Иму, Матерь, а что есть любовь между мужем и женой?

А в Назарет этой весной птичьей приехала племянница нашего соседа Малха, вечнопианого от вина и недоступной прохожей красоты жен. Ее звать Мария. Ей уже десять лет. Мария из Магдалы...

И вот, когда я кормил на крыше перелетных птиц моих — она пришла на крышу.

Она сказала: «Иисус, Иешуа, я пришла поглядеть на птиц твоих».

Но я почуял, что не из-за птиц пришла она.

Вот она стоит, колеблется, наклоняется, порхает над крышей дома моего, как бабочка галаадская.

Она в бархатной изумрудной палестинской длинной, кубовой рубаше «джеллабе» с острыми, почти до земли, рукавами и в алой, шелковой персидской шапочке-тюбетейке.

А из-под шапочки лиются, ликут шелковые курчавые волосы ее до самых колен.

---

\* Окончание. Начало в № 1 за 2011 год.

И волосы ее ручьистые сокрывают ее лучше рубахи палестинской, как стада кишашщие, курчавые, вешние покрывают гору Гаризим, где я люблю сидеть и глядеть на родную Галилею мою...

И она бегаёт по крыше слепо среди птиц моих, и пугает птиц моих, и птицы улетают.

И она бегаёт по краю крыши, и готова сорваться с крыши в изумрудной рубахе «джеллабе» кубовой своей и в шапочке алой своей, и охваченная, объемлемая от вешнего ветра волосами курчавыми, неистовыми своими, стадами агнцев каракулевых она, она... как юная ива расплескалась от ветра...

И она слепо, яростно бегаёт по крыше и недвижно, печально глядит на меня из-за влас своих.

И я чувю, что она пришла на крышу не из-за птиц моих.

И вот готова и хочет сорваться, и упасть с крыши на камни слоистые хлебовидные дворика нашего, и хочет, чтобы я удержал ее на краю крыши

И она бешено, слепо перебирая босыми ногами, закрыв глаза, бежит, прыгает по краю крыши. Хочет она убиться?

И я бегаю вместе с ней неразлучно, сладко, и уже хочу упасть с ней...

Как волы с жерновами по жатве сыпучей, туго ходим мы по кругу.

Иму, мама, а что есть любовь мужа и жены?

И она сжимает пуховыми перстами, пальцами мои пальцы дрожащие.

Но мои пальцы в глине ручья, потому что я лепил из донной глины воробьев.

Но она не боится глины моей, а радостно липнет к ней...

И мы бегаем, кружимся по краю крыши босыми ногами, соединившись, схватившись глиняными липучими руками, чтобы не упасть.

И кричат перелетные птицы, поднимаясь с крыши, и чуя, что творится меж нами.

И спелыми глазами глядят на нас уходящие птицы: они чувю любовь?..

И она шепчет, шепчет: «Мальчик! Иисус! Иешуа! зачем мальчику такая красота? не бывает таких на земле лиц!.. Даже у девочек... А красота мужа не должна превышать красоты жены...

Зачем? зачем? зачем? отдай мне красоту твою... поделись со мной...

Иль закрой лицо свое... пожалей меня, мальчик...

У тебя сноп лучей... нимб... нимб... больно от него... он слепит... Нимб...»

И тут бежит сосед Малх и кричит с земли, чтобы я убрал руки от Марии...

О, рабби Малх! я не нарушу Закон.

О, рабби Малх, я закрываю глаза, чтобы не глядеть на Марию-Марру.

Я готов ради Закона упасть с крыши и порушить, избить о камни дрожащие свои руки и ноги.

Я снимаю с себя мокрую от бега рубаху и покрываю ею голову, чтоб не видеть Марию...

О, Боже! теперь я блаженно слеп и исполнил древний Завет...

Теперь я готов рухнуть с крыши о хлебовидные слоистые камни нашего дворика.

Но я не отпускаю рук Марии-Марры, а она не отпускает рук моих, и все рубахи мира не помогут нам разлучиться, если их набросить все на две головы наши...

Иму, Матерь, что есть любовь мужа и жены?

Иму, Матерь, Мария, Вы молчите, а я знаю теперь.

Иму, Матерь Мария, а ее тоже звать Мария... Только она из Магдалы... У меня две Матери?..

Иму! И Она никогда не разлучится со мной... Как и Вы, Матерь... мама... Только Она пойдет со мной по всем дорогам, по всем грядущим дням, по всем крышам... по всем градам... Как и Вы, Матерь... Иму...

...Иисус, Иешуа, зачем мальчику такая красота? Не бывает таких лиц на земле... У тебя — сноп-нимб... Он слепит... больно... Остро.

Она снимает с голову алую шапочку и подносит ее к Его лицу... Шапочка дымится, занимается... шелк свивается... корчится как живой...

Он говорит:

— Убери... Сгорит...

Он знает.

Потом они сходят с крыши и ступают, босые, по камням двора, похожим на белые слоистые хлебы...

— Мария! Девочка! в обгоревшей алой шапочке!..

Наш двор усыпан камнями. Мы с отцом Иосифом пытались выкорчевать камни из земли, но их множество... Вся наша земля — камень...

О, моя каменная Галилея, которую презирают жители Иудеи и Иерусалима!

Они говорят: «Что может взойти на камне? Какой знак, разрывая, раздвигая камень, даст плод?

Какой Пророк придет из чахлой провинции? из камня?»

Но котел кипит с краев.

Но иудеи кипят на окраинах Римской Империи.

А я взойду, воскиплю на Камне иудеев, на скрижалях Закона Моисея? На окраинах Завета?..

О, моя каменная, заброшенная Галилея!..

И я вернусь сюда через тысячи лет, ибо Воскресший всегда возвращается на места своего детства, и твои хлебные камни узнают меня и возрадуются...

Но!

— Иму! Матерь! что есть любовь между мужем и женой? Иль я уже знаю?..

И я хочу вечно бегать среди вечных весенних птиц, по вечной нашей крыше с вечной девочкой Марией...

И чтобы вечная Мать моя и вечный Отец мой глядели бы вечно на нас и вечно любили...

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я уже знаю, что есть любовь, иму, мать безмолвная Мария моя и абу, отец мой Иосиф с осыпчивым, тронутым, пурпурным маком в поврежденных, пурпурных, кровоточащих руках.

О, мак-текун сладко, незаметно останавливает кровь? останавливает муку жизни?

Отец, вы прибегаете к маку забвенья тайно? Вкушаете дым персидского языческого рая?..

Это персы сказали, что рай — это цветущий сад, в котором бродят девы с нагими избыточными, певучими грудями и лазоревыми сосками?

Отец мой, вы взяли мак и забрели в чужой рай?

Но вот бешеная собака — а среди тишины и безбожья, бездорожья, безвременья провинции только бешеные собаки напоминают о братстве одиноких человек, а в Империи только в Риме ликуют, тратятся, безумствуют, соединяются во грехе человек, а в провинции они пьют глухое вино одиночества и забвенья, и пыльно тоскуют о Риме...

Но тут бешеная собака привлекла, собрала, соединила их, и они вспомнили друг о друге в страхе своем.

Но вот бешеная собака в нашем притихшем Назарете укусила белого вола.

И вот бешеный переимчивый вол в пене обильной побежал густо, смертельно по улочкам Назарета и искал жертву от бешенства своего.

И пузырьчатые ядовитые хлопья пены окропляли улицы пустынные и дома с закрытыми глухо дверьми.

И весь Назарет погрузился в бешеную пену, и пена покрыла вечную пыль назаретскую и камни несметные, хлебovidные его.

И вол искал, кого убить рогами разъяренными.

Но не было никого на улицах Назарета, все попрятались в страхе в глухие, одинокие дома свои.

И тогда девочка Мария в алой шапочке обгоревшей вышла из дому на улицы пустынные, и вол увидел алую шапочку беззащитную ее, и пошел на нее, на алую.

Мария вся стала алая, как шапка ее.

Бык в пене жемчужной еще более разъярился, увидев алую головку.

И Мария замерла близ смертельных рогов вола.

Тогда Иисус выбежал из дома своего и стал пред волом, между рогами и Марией.

Тесно Ему.

Остро Ему.

Пронзительно Ему.

Душно...

Но Он знает, что эта смерть — не его.

Тогда вол опускает голову в пене, а мальчик гладит ладонями рога его, и потом гладит ноздри горящие, трогая перстами гибко, нежно густые ресницы зверя, как струны эллинской кифары.

А потом ладони Иисуса наполняются пеной. Собирает Он пену вола.

А потом Иисус нагибается и срывает траву весеннюю редкую, и травой обтирает морду быка... Долго... Долго...

Глаза быка плачут чрез пену... Он стал смирен, и утих пожар тела его.

— Мария, я знаю, зачем ты вышла к быку...

— Иешуа, мальчик с нимбом... Я люблю Тебя... Я знала, что Ты спасешь меня... Я хотела увидеть Тебя...

Теперь и Ты навек любишь меня, хотя Ты дрожишь, и ладони Твои полны бешеной пены...

Ты спас меня...

Но я тоже спасу Тебя, но я прокричу на весь свет, что Ты вечен! что Ты воскрес!

Я спасу Тебя, когда Твои ладони будут полны крестных гвоздей!

Воистину близ Тебя творятся вечные деянья!

Близ Тебя и я вечна!

И этот бык пенный стал вечным...

И эта быстровыгорающая пенная трава стала вечна...

Мальчик с Нимбом! Иисус, Иешуа, я и на земле, и на небесах люблю Тебя...

— Мария, откуда ты взяла эти Слова?.. Слова грядущих Дней? Слова после Креста?..

Тут прибежал Малх, и взял девочку на руки, и унес ее в дом свой.

Он сказал:

— Древние иудеи истинно говорили, что дьявол пляшет на рогах быков и на кончиках женских распущенных волос!..

А утром тайно Мария уехала в Магдалу.

— Мария, Мария, Мара, мааа, но я видел, как в утреннем хамсине, хамсине ушла, укывляля чахлая повозка твоя, и Малх закрывал тебя спиной от моих глаз.

Хамсин, хамсин, самум, песчаный ураган всех восставших пустынь, песчаная мгла, мга, спаситель мой ты ослепил Назарет, и горы, и доли его до возлюбленной моей долины Ездрилонской и до заветного моего Генисаретского озера...

И глаза мои исполнены летучего песка, и слезы мои не от прощанья, а от секущего песка, песка, песка?

Да?

Отец, а если б хамсин был вечен, то как бы люди жили в вечной слепоте песка?..

А если Древний Закон вечен, недвижим, то зачем тогда бредут, пылят многодаль-ные караваны, и птенцы кричат в гнездах? А?..

И новые Пророки, как пенные быки, вопиют и алчут ножа иль Креста? А?..

Но разве засохшая хлебная лепешка хуже свежей коровьей, дымящейся на дороге?

И разве во дни нужды ты будешь есть коровью, а не хлебную?

Но!

Отец мой, зачем Мария ушла? Я спас ее от пенного быка, а она ушла.

Отец, зачем в мире есть колеса? и повозки? и бегучие кони? и верблюды-странники пустынники? и шатры «суккот» кочевые? И мука прощанья разве не превышает сласти путешествий?

Отец, а разве с нашей крыши Магдала не видна?

Отец, а вы вкушаете, вдыхаете мак пурпурный забвенья?

И яд прощаний обращаете в мед воспоминаний?

И вот испьешь мак, дурман-туман, и увидишь с крыши далекую Магдалу и иные в святом хамсине забытые града, града, града?..

Абу... абу... Отец, что есть любовь между женой и мужем?

Отец, уже не знаю, не знаю я...

Мария ушла, и вот уже не знаю я...

И камень о камень биясь, высекает огонь...

А дева о мужа виясь, порождает дитя...

Отец! Отец...

И что любовь — это только совокупление и рождение?..

Но мало этого...

Жена рождает. Жена ближе к Богу. Жена должна проводить мужа за смерть — в Царствие Небесное.

Это любовь...

И Иисус долго бежал в хамсине за повозкой Марии, но повозка истаяла в песчаной круговерти, словно повозка сама стала песком летящим, и Мария стала песком текущим.

И Мальчик пришел к потоку-вади Киссону, который весной превращался в реку, где тонули ослы и верблюды.

И Мальчик пошел задумчиво по реке, по притихшим волнам, водам и замочил только босые ступни...

Вода, как пыль, как глина, как камни только дрожала, расступалась под Его ногами, но не рушилась... Не впускала Его вода.

Он долго немокренно бродил по водам в задумчивости своей, и не знал, что Он бродит по водам...

... Отец, отец, что есть любовь между мужем и женой?..

А вода весной под ногами покорная, но ледяная... Ступни в водах ледяные стали...

Тогда Мальчик ушел в горы, окунул, опустил ступни в травы Его любимой горы Фавор, где тоже был, стоял слепой хамсин, но плыли над хамсином белые весенние облака...

Он долго бродил там.

И пастухи ясно видели, как Он бродил в облаках, а потом по облакам, и там, в небесах, ласкал орлов и грифов парящих...

Он говорил: «Я люблю гладить перья летящих птиц».

И они не сторонились Его, а подставляли крылья для ласки...

А в Назарете и окрестных селеньях говорили:  
— Если Он опускает перелетных птиц с небес...  
Если Он укрощает пеннобешеных волов...  
То что Он будет творить с человеками?  
И что тетрарх Ирод Антипа в яслях Его, в истоке Его, не нашел Его?..  
Молва пахла завистью, ненавистью, смертью...  
Но галилейские пастухи, которые зорко видели Его на реке и на облаках, говорили с радостью: «От любви, от великой любви ходит Он по водам и по облакам...»  
И еще пастухи говорили зачарованно:  
— Великий человек, родившийся в неказистом, богозабытом городке, похож на золотого шмеля, летящего над муравейником...  
Муравьи узнают о золотом шмеле только тогда, когда он, мертвый, падет на землю, и они будут пожирать его певучее, летучее тело и хрустеть его хрустальными крыльями...  
Это великий человек...  
А тут есть Бог... Еще юный... Еще Мальчик...  
Бог явился в той земле и в том народе,  
Где Ему более всего молились,  
Где Его более всего ждали,  
Где Его более всего любили,  
Где Его более всего ненавидели...  
Воистину!..

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Отец, отец мой... Только что бешеный бык ушел с назаретских улиц...  
Но вот, по его следам, что ли, — прокаженный в язвах, струпьях гнойных живых, в которых даже волос молодой стал седым, бредет по улочкам Назарета...  
И прокаженный худ, и нет сил у него кричать о боли своей, и он только хрипит, и слюна его летит в пыль, как у пенного быка.  
Но он страшней и опасней быка в заразной, перескакивающей с человека на человека, как блоха, болезни своей.  
И жители боятся его более, чем быка пенного, и прячутся в домах, и даже не глядят из окон, ибо се человек, и стыдно им перед ним.  
И всякий боится древней болезни, язвы живопожирающей, бросающейся на людей, как пес бешеный.  
Кто-то бросает ему деньги из окон, и монеты падают у ног его...  
— Отец, Отец, дайте мне деньги ваши — я отдам прокаженному. Иль раввины не учат, что подающий милостыню нищему, дает взаймы самому Творцу?  
— Сын, но раввины говорят, что нищий хуже мертвого...  
Зачем подавать мертвому?  
— Отец, отдайте деньги — те, что за крест получили...  
Иосиф дает Ему серебряную мину:  
— Брось ему из окна... Не ходи к нему...  
Проказа кидается на здорового человека, как шелудивый пес...  
Но Иисус берет деньги, и неожиданно выскакивает из окна, и бежит к прокаженному на одиноком на пустынных улицах злых, бесчеловечных.  
Он подходит к прокаженному и протягивает ему мину серебряную, рука к руке.  
Назаретяне из домов бросают в пыль милостыню свою, а Он дает в руки прокаженному.

Касается гноящихся рук, и не убирает, как от огня...  
Прокаженный говорит:  
— Мне не нужны деньги... Я богат... Я ищу врача от язвы моей... Галилейские, вездесущие пастухи сказали мне, что в Назарете живет великий целитель.  
Но у меня нет сил кричать и звать его...  
Может, ты, отрок, позовешь его?..  
Я отдам ему все свое богатство, если он излечит меня.  
Но уже тысячи лет никто не может усмирить проказу... Проказа вечна, как жизнь...  
Ты видишь — я похож на дряхлого льва?  
Прокаженный всегда похож на распадающегося, гниющего заживо льва...  
А кто подойдет к больному льву лечить его?..  
Тогда Иисус бросает серебряную монету в пыль.  
А потом Он набирает в ладони пыли и глины, и, смачивая глину и пыль обильной слюной молодой, ярой, делает брание:  
— Раввины говорят, что слюна после поста целебна...  
Иисус бережно обнимает прокаженного, и затхлый дух заживо распадающегося тела могильно, раздирающе бьет в чистые ноздри Его, как дым пожарищ...  
Прокаженный хрипит и отворачивается:  
— Мальчик, отойди от болезни моей. Умрешь, как я. Не трогай руки мои, язвы живые, кишасшие переметнутся к тебе и пожрут тебя.  
Я не хочу быть твоей смертью...  
Но Мальчик цепко не отпускает прокаженного и глиняной слюной обмазывает лицо и руки его. Несколько раз.  
Но мало целебной слюны, и врач мал еще...  
Но прокаженный благодарно плачет, потому что Мальчик не утратился язв его, и прилепился к нему, а никто никогда не обнимал его.  
Иисус говорит:  
— Может, хоть часть болезни уйдет ко мне...  
Вот два всадника ехали на одном осле, и тяжело было всем, но вот один пересел на другого осла, и разве не легче всем?..  
Но тут страшный свист несется на улицах Назарета, и являются два гонимых всадника.  
Это римские легионеры в орлиных шлемах, с короткими мечами, в коротких, удобных для смертельного удара, плащах.  
Они пьяны, криво сидят на ладных лошадях, и в руках у них горящие факелы.  
Они кричат:  
— Слава Императору! Ха-ха! Мы охотники на львов!  
Вот они — два прокаженных льва! А прокаженных львов надо палить, жечь!  
Риму-Орлу не нужна проказа! Вся Иудея! Весь Иерусалим — проказа!  
Придет время — мы сожжем факелами весь этот кишасший, гнойный, непокорный базар народов и племен!  
А пока мы подожжем этих двух прокаженных львов!..  
Они меткие, но пьяные. Они гибко, яро, косо бросают горящие факелы в прокаженного и в Иисуса. Факелы летят в обреченных...  
Но тут внезапно страшный ветер от весенних лесистых гор Нефоалима, и голубых бирюзовых отрогов Ермона с дубовыми рощами, и плодоносной равнины Азохис срывается, поднимается над Назаретом, и этот бешеный горный ветер останавливает летящие факелы и поворачивает их на всадников.  
Горящие, смолистые, прилипчивые факелы летят на всадников.

И они в страхе поворачивают коней своих и бегут, но факелы летят за ними, как пущенные ярой дланью копья...

А Мальчик шепчет им вослед:

— Император! Император Октавиан-гриф! Рим, Рим! Твои легионеры пьяны! А пьяные легионеры полягут сонно в траву, и некому будет хоронить их. Рим, Рим! Империя легионов! И Ты сеешь факелы смерти по земле, но они вернуться к Тебе!

И Ты захлебнешься в горящих факелах своих! И загорись от факелов своих!

И всякая Империя, посягнувшая на Мировое Господство, на мировую власть сгорит в огне факелов своих!

Прокаженный говорит:

— Мальчик, ты повернул нашу смерть на них.

Иисус улыбается и говорит:

— Это ветер повернул...

Весной в горах от такого ветра пастухи летают над облаками и пропастями...

Но я еще не могу изгнать болезнь твою... Позже излечу тебя... Ты подожди.

Прокаженный говорит:

— Меня звать Симон. Я живу в Вифании.

Иисус сказал:

— Я приду в твой дом, где Мария, сестра Лазаря четырехдневного воскрешенного, разобьет сосуд алавастровый и изольет нард индийский на ноги и голову мою, и оботрет власами жемчужными, как мать, ноги мои...

Симон, ты жди...

Аааааа... Адонай! Господь мой! Дай!.. Нестерпимо от чужих язв, ран...

Дай исцелить больного! Дай... дай... дай... Аааа...

Аааа!..

...А Галилейские блаженные святые пастухи

Две тысячи лет назад говорили,

И досель говорят,

Что Он останавливал перелетных птиц,

Что Он укрощал бешеных быков,

Что Он ходил по водам и облакам,

Что Он поворачивал горящие факелы от жертв к палачам...

Галилейские пастухи досель только о Нем и говорят...

Галилейские пастухи вечны, ибо они видели и видят Вечного...

Аааааааа

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Отец, отец мой!..

И вот мы жарим воробьев на костре, и мальчики незнакомые, пыльные едят жареное.

И я ем жареное тельце, нищую тушку воробья, но мясо воробьев бедное, жидкое, водянистое, и оно исторгается из меня на землю и не идет в тело мое.

И тяжело, тошно телу моему, а мальчики-отроки, которые уже старше меня, едят воробьев и смеются надо мной у костра.

Скоро в Иерусалиме Праздник Кущей, и караваны богомольцев запыленных, блаженных бредут по городу нашему, обходя более краткие дороги к Иерусалиму, ибо там гнезда летучие разбойников.

И вот отец мой дал приют богомольцам, и двенадцать отроков сидят у костра и жарят воробьев.



И в руках у одного из отроков священный букет-«лулав», сплетенный из пальмовых, ивовых, персиковых, лимонных веток.

И отрок ловко залезает на спящие деревья во дворе нашем и сбивает, сметает «лулавом» ночные, сонные гнезда воробьев, и убивает умело ночных, вялых птиц, и разбивает яйца незрелые, и яйца текут разбитые по ветвям.

У отрока лицо хищное, упоенное убийством живых, а левый глаз у него косит, как у страстных жен.

А голос узкий, знобкий, хлесткий, как у хищных птиц. Рот узкий. Душа узкая.

Хищные птицы жалобно кричат, как саддукеи и фарисеи.

Он кричит жалобно:

— На празднике Кушей убивают жертвенных агнцев и волов, а мы, бедняки-«еввионы» святы, убиваем жертвенных воробьев.

Я убил двенадцать воробьев — каждому по воробью, жалкая жертвенная еда, но другой нет у бедных...

Иисус, нищий, воробей, сын плотника старого, ешь воробьев!..

Но язык мой, и гортань, и горло мое не приемлют такой пищи... Я стою под разбитыми гнездами, из которых расколотые яйца текут на лицо мое.

И что слезы мои, когда текут заветные хрупкие яйца?.. Господь мой!.. В мире нет ничего страшнее разрушенного гнезда, селенья, града, народа...

А убийца воробьев ночных смеется, но остальные отроки молчат, но едят воробьев на огне.

А утром сизым караван богомольцев уходит в Иерусалим, и я прощаюсь бессонно с ними, и со сна плохо вспоминаю прохожие, пыльные, чужие, но ставшие за ночь родными и близкими у костра их имена: Петр, Андрей,

Иаков, Иоанн, юные вольные рыбаки от вольного моря Галилейского, Филипп и Варфоломей, Фома, Матфей, Иаков Алфеев, Леввей, Симон из Каны.

А двенадцатый, который убивал воробьев, был Иуда из многоторгового, гористого ветхого Кариота.

И Иисус уже узнал его, а он еще был слеп и не знал о грядущих днях...

— Отец, отец мой Иосиф!.. Вот караван богомольцев ушел, убив жертвенных воробьев...

А я больше никогда не буду есть мясо. Зачем мясу мясо?

Разве агнцы поядают сосцы овечьи материнские кормильные вместе с молоком их и пьют кровь?

А я буду есть только любимую мою похлебку-«либбан» из плодов и трав.

И плоды дерев и полей.

Хотя даже когда человек рвет яблоко с дерева — он похож на мясника, багрового от крови животных, а я не хочу быть багровым.

А убийца овцы недалек от убийцы человека.

Отец мой, лучше мак, чем мясо убитых, ибо тут ты убиваешь себя, а не других...

Отец мой, караван ушел в Иерусалим на Праздник Кушей, а я не хочу идти с ним, а я не хочу убивать жертвенных животных. Ибо сам стану жертвой.

А я пойду к потоку Киссон и буду лепить из глины...

— Сын, я знаю, ты опять будешь лепить глиняные кресты.

Мальчик сказал:

— Я должен вылепить двенадцать воробьев...

Он пошел к Киссону, который уже опал и не был бешено полноводным — таким, когда, как посуху, Он ходил по его высоким покорным волнам.

Иисус сел на сырой, речной песок и тинистую глину, и вылепил тонкостными перстами плотника двенадцать глиняных воробьев.

Потом Он сложил воробьев на песок, и жгучее солнце просушило, прокалило их, и они стали легкими, невесомыми...

Тут пришел Иосиф, и он дивился мастерству лепки десятилетнего Сына своего:

— Кто научил Тебя лепить птиц? Твоя любовь к птицам научила Тебя?..

Иисус сказал:

— Я хочу вернуть, воскресить убитых сегодняшней ночью в ночных гнездах вместе с яйцами неповинными, сокровенными.

Иосиф изумился:

— Гляди, Иешуа!

Иль я с утра, в Праздник Кушей, вкусил мака и чудится мне?

Иль двенадцать воробьев налетели, и каждый взял в лапки своего глиняного собрата, и улетели все двенадцать?

Иль сами глиняные воробьи стали живыми и восстали с речного песка, оставив извилистые следы, похожие на египетские иероглифы накаменные?

Или Ты превратил глиняных в живых?

Истинно говорят древние раввины, что язык иудея всегда должен говорить: не знаю, не знаю, не знаю...

И я не знаю, не знаю... Но нет никого на песке, oprичь птичьих следов...

Мальчик! Сын мой! А мне ведь скоро умирать, а Тебе одному оставаться...

И разве Тебе помогут глиняные и воскресшие воробьи в этом страшном мире? Среди законов древних, каменных?

Иосиф сел на песок мокрый и рыдал, и Иисус не мог утешить его...

Он шептал, но отец не слышал Его...

— Отец, отец, отсюда, от глиняных воробьев, с помощью Небесного Отца Моего, я начну воскрешать усопших, поднимать падших, исцелять хворых, утешать печальных...

А галилейские пастухи говорили и говорят уже две тысячи лет:

Когда Его распяли — над Его Крестом кружили необъятные стаи перелетных птиц...

А к Его Кресту шли все бешеные, пенные быки...

И все прокаженные, и все больные, слепые, немые и бесноватые...

И многие мертвые шли к Его Кресту...

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Господь мой! Отец Небесный мой!

Мне девятнадцать лет, и отец мой Иосиф умер.

И мне теперь не с кем говорить на земле этой, а только с Тобой, ибо Матерь Мария моя безмолвна, и следует повсюду безмолвно, покорно за мной.

Господь мой!

Отец мой уснул на крыше под маками-текунами, и лепестки пурпурные нежно покрыли блаженное лицо его.

Маки что ли усыпили, похоронили его? не знаю, не знаю, не знаю, Господь мой...

А только Ты и это знаешь, знаешь...

Отец мой перед смертью мало читал Закон и Пророков, а более читал эллинских мудрецов и поэтов, и возлюбил земную, змеиную мудрость и мак-дурман поэзии...

Господь мой, а пред Тобой — это прах, прах, прах...

И вот мой родной отец ушел во прах, прах, прах и стал прах... вместе с мудрецами и поэтами мака... певцами наслаждений...

Господь мой, отец мой следил за мной и не пускал меня к прохожим, сладким, чужедальным караванам и к Учителям иных народов.

А теперь он ушел с невозвратным караваном своим, и двери дома моего открыты.  
А Матерь Мария безмолвная моя не может удержать меня, и я ухожу с караваном в Индию древлей Мудрости.

В Индию Шакья Муни, в страну Будды Блаженного.

Индийский караван мой шел чрез Персию Царей Аршакидов, откуда пришли к яслям моим волхвы Балтасар, Гаспар и Мельхиор.

Караван мой заночевал в горах Бисутуна, и тут все уснули тяжким, высокогорным сном.

Но я увидел на вершине Горы Древо Жизни Хаому, а у Древа Костер, который доходил до звезд, и звезды многопадучего августа сыпались в него и не давали ему иссякнуть.

А у Костра Звезд сидел Пророк Зороастр, а вокруг Костра на скалах густо лепились белые орлы-могильники и грифы-бородачи, и огонь Костра плясал в их желтых, хищных глазах...

И Пророк Зороастр, пророк Огня и загробных птиц, сказал:

— Иисус, Отрок! Я ждал Тебя и узнал Тебя!

Добро Ахурамазды уступает в мировой борьбе Злу — Ангро-Манью.

Зло везде побеждает Добро...

Но огонь моего Костра очищает, побеждает и добрых, и злых...

Тут белый орел-могильник и гриф-бородач сошли со скалы, и цепко, когтисто утвердились на руках Пророка, и стали заживо его плоть поедать, клевать, брать, рвать.

Тогда Зороастр сказал:

— Иисус, Ты изменишь Весы — и Чаша Добра перевесит Чашу Зла, но для этого Ты отдашь себя Злу и злым человекам, как я отдаю эти руки трупоядным грифам и орлам.

Но для этого Ты окропишь, утяжелишь Крест своей кровью и покроешь Кровавым Крестом Чашу Добра. И Она перевесит Чашу Зла.

Но стоят ли грешные, заблудшие, сладострастные человеки Такой Жертвы? Такого Креста?

Я тоже погиб за Добро, за человек — но вот они забыли меня.

У Бога нет сил любить всех человек, которых расплодилось лютое, слепое множество.

И потому Бог возлюбил избранных Пророков.

Человечество — это тесто. Пророки — это хлебы, выпекаемые Творцом.

И что хлебы должны возвращаться в тесто?..

А мир — это переключка Пророков.

Это я послал к Твоим яслям моих Волхвов с моей огненной Звездой...

Иисус! Брат мой! Иль не слаще войти в мой Костер Звезд, чем на Кровавый Крест?..

Иисус сказал:

— А Я люблю сырое тесто более печеного.

А Я люблю родниковую воду более кипяченой.

А Я люблю пастухов более, чем царей...

А Я люблю всех человек. И более всего — слепых.

Но!

О, Отец Небесный мой!

Меня так тянет уйти в последний Костер Звезд! И так горят глаза орлов-могильников и грифов-бородачей... И так они алчут плоти моей, и так хочется мне усладить, умиротворить их, как я кормил перелетных птиц в Назарете моем...

Но кто-то молит, глядит на меня из-за скалы, и глаза Ея горят более, чем Два до-  
небесных Зороастра Костра...

О, Небесный Отец мой!..

Это моя безмолвная Матерь Мария, и Она неотступно, покорно, тайно бредет за  
мною по всем тропам и градам... я знаю, знаю, знаю...

И что же я отдам птицам и Костру мое тело, которое Она родила и лелеяла?

И что же Она одна вернется вспять в пустой наш назаретский дом?

Где зачухли на землистой крыше иерихонская роза и отцовский сладкий утешитель,  
собеседник — мак-текун-сон-смерть-рай?

— Иму, Матерь моя, Ты спасла меня от Костра, да не убережешь от Креста...

И вот караван наш ушел от Костра Зороастра и пришел в Индию, к Священному  
Древу Бодхи.

И там, во блаженной дреме, в еще земной, но уже небесной нирване, восседал  
Шакья-Муни, Блаженный Будда.

И Он шептал с закрытыми очами:

— Иисус! Младший брат мой!

Я не хочу глядеть на земной мир — больно очам моим и душе моей...

Я слеп для этой жизни...

Но Творец сказал мне, чтобы я вышел из нирваны, и вернулся, пришел к Тебе, в  
Колесо Сансары.

Я одинок блаженно, как белый носорог, как белый слон.

И Ты одинок, как белый носорог, как белый слон...

Но Ты еще отрок, и не знаешь, что одинок, как белый носорог.

А Ты не устал от кровавых, многогранных библейских Пророков и огненных  
воюющих народов?

А от многих страстей приходят многие несчастья... Творец дал Тебе мудрость уже  
в молодости Твоей, и зачем входить в Костер Страстей, когда можно миновать его...

И Ты уже избранный Белый Носорог, а не стайный пахучий волк.

Твой народ гневен, твой народ хмельной от страстей человеческих. И великие  
муки тела и души предстоят Тебе...

Они распнут Тебя и не дадут поколебать, как ветру, сонное Древо Древнего Завета,  
которое кормит их и чад их.

Погляди на свое тело — оно свежо, целомудренно, как альпийский снег нетронутых  
гор.

И зачем отдавать Его гвоздям и копьям слепцов-безумцев?

Разве блаженное тиховеющее Древо Бодхи, Древо блаженства и нирваны, не  
лучше Креста Кровавого?

Разве на Древе Бодхи распинали живых, кротких человеков?

Иисус, Ты же сын плотника, Ты знаешь запахи деревьев, разве запах вечного Древа  
Бодхи не слаще запаха кипариса, кедра и сосны-певг, из которых составят Крест  
Твой?

Все человеки предадут Тебя, и даже деревья предадут, и только глиняные воро-  
бы не предадут Тебя...

Брат мой Иисус, разве нельзя миновать Голгофу и придти ко Творцу неусечен-  
ным, непронзенным...

Разве гвозди сотворены для тела человека?

Иисус вздрогнул, когда Будда говорил о Кресте и о том, что Он сын плотника.

Значит, Он видит прошлые дни и грядущие...

Тут Блаженный открыл один глаз, и сноп звездных лучей едва не ослепил Иису-  
са... А что было бы, если бы Блаженный открыл оба глаза?

— Брат мой Иисус, одинокий белый носорог, оставайся со мной.  
Все равно мы встретимся Там, Там, Там, у подножья недвижимого  
Творца.  
И кому Там нужны гвозди Твои и Голгофа Твоя?..  
Иисус сказал:  
— На миру и смерть красна,  
А со Креста вся земля видна,  
А со Креста ближе небеса...  
Меня Отец Небесный Мой на Крест ради человек позвал, послал...  
И боле ничего не сказал.  
Но тут ниспала на землю, пришла такая густая ночь, ночь, что стало казаться,  
что нет на земле ни Блаженного Будды, ни Блаженного Древа Бодхи. Они раствори-  
лись, стали ночью, ночью...  
Ночь, ночь загустела, и стало казаться, что это ночь, ночь нашептала Блаженные  
Слова.  
А Блаженный Будда не сходил на землю, а оставался в вечных небесах, а только  
Древо Бодхи шелестело...  
А это ночь, ночь нирвана блаженная, вселенская, на землю сошла, сошла, со-  
шла... ааааа...  
Окутала, опутала все камни, тропы, горы, деревья и души человек, и тела...  
аааа...  
И только в крошечной, очарованной, блаженной ночи шелестели древние ветви  
Древа Бодхи... Уууууу...  
Мать, мать, мама, маа, такая чужая ночь окрест нас такие чужие деревья, го-  
ры, камни, реки, такие чужие Вечные Слова...  
А Блаженный Будда — это Ночь, а ночью, в тишине, слышней, ближе Господь  
небесный ...  
Такая ночь, ночь, что в ней затонули, померкли все Белые Носороги и все Белые  
Слоны... Иииии...  
Ночь колодезная, чужая черна, как спящая вселенская сова, сова, сова...  
Но нет ничего чужого, все родное...  
И Зороастр мне родной брат... И Блаженный Будда мне родной брат...  
Мать, но я устал любить все и всех...  
И что один осел несет груз десяти ослов?..  
Но ночь буддийская окрест...  
Мама! Иму! И только светятся живыми звездами, переливаются, лучатся в не-  
сметной чужой ночи Ваши глаза...  
Иму! Но я люблю утреннее солнце на камышовой крыше нашего назаретского  
дома, когда на золотом камыше лежит хрустальная, отборная роса...  
Но я люблю Синайские Скрижали Моисея...  
Но я люблю Великий Ветер, шатающий Древние Деревья, сметающий дубы кедр-  
онские и кедры ливанские...  
Мать, но я уже с колыбели прозрел,  
Но я уже устал ждать,  
Мать, когда Крест мой?  
Когда? когда? когда?  
А?..

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

А!..

А галилейские пастухи две тысячи лет говорили и говорят...

О, двухтысячелетняя горечь! о, рана! о, как ты свежа! горяча!

Когда миновал День Распятыя, и задрожала, раскололась земля, и туча пришла, и низвергся ливень кромешный, а потом пришел хамсин, хамсин, хамросин пепельно-сиреневый, хамсин, песчаный самум, круговерть песка, мга мгла, и весь Иерусалим ушел в хамсин, и Голгофа ушла, и Крест ушел, утонул...

Тогда в хамсине ко Кресту Мать Мария, Мария из Магдалы, Мария из Клеопы, Марфа из Вифании, Саломея, Сусанна, Иоанна и другие жены пришли.

И пришел Иосиф Аримафейский, и принес саван из тонкого «синдона», и погребальное миро, и алоэ загробное, прощальное.

И пришел в хамсине, учуяв Крест, член Синедриона Никодим многобогатый, который слушал живого Иисуса Христа и внимал Ему благосклонно, бездонно, и один был в Синедрионе против казни Его.

О, Отец Небесный наш!..

И тут у Креста хамсин был особенно густ, непролазен, космат и забивал песком рыдающие очи жен.

И больше всего песка было в Святых Очах Марии Богородицы... Тут бы вся пустыня Син в Ея Очах поместилась, полегла...

О, Отец Небесный!..

И тут жены и два мужа содрогнулись, ужаснулись, и жены воскричали, потому что явно увидели в летящем песке, что на Кресте был распят Ребенок, Дитя, Агнец в детской рубахе «кетонет».

И на ногах у Него дряхлые сандалии Его отца Иосифа — дети любят носить обувь отца и матери...

И Крест был велик Ему, и Ему бы хватило трети Креста, но у всемогущей Римской Империи и у всемудрого седого Синедриона древних иудеев не было крестов для детей.

И вот Дитя распято, течет на Кресте для мужей.

И еще двенадцать воробьев были приколоты гвоздями над головой Распятого.

И гвозди были больше воробьев, но иные птицы еще бились, еще тлели, еще шевелились, еще тлились.

Но Дитя уже не двигало руками в огромных двух гвоздях, как птицы крыльями, потому что крылья долговечнее, живучее плоти человеческой.

А тут была еще незрелая плоть детская...

Тогда Иосиф Аримафейский, который выпросил у Понтия Пилата Тело Иисуса Христа для погребения, сказал:

— Такой хамсин! Такая песчаная мгла, что муж кажется ребенком? Но ребенка легче пеленать, и я принес саван погребальный, пелены последние...

И тут Иосиф умолк и вдруг яро, обрывисто зарыдал, потому что никто никогда на земле не видел Распятое Дитя, а он увидел.

Но жены молчали.

И только Мария Магдалина, уже Святая Жена сказала:

— Никто не подошел ко Кресту, когда Его распинали, и только прилетели двенадцать воробьев, и принесли воду в клювах своих, и водой питали, освежали, продлевали Его, пока не дал Ему римский солдат на конце иссоповой палки «поску» — пить римских солдат.

О, Небесный Отец! и что же — только воробьи не забыли, не предали Его?..

...Тогда Никодим сказал:

— Он был и остался Дитя, Агнец, Младенец.  
Мы казнили, распяли Младенца.  
Мы казнили долгое, непреходящее, лучезарное Детство.  
Мы не простили Ему, что мы стареем, ветшаем, рушимся, а Он остается Младенцем...

И, как всякое Дитя, Он излучал великую, беззащитную любовь и льнул ко всем коленям, и упирался в подолы всех жен и в таллифы всех мужей.

Он любил и любит всех и ждал ответной любви, а мы любовью оскудели...

Он был Вечное Дитя и не стал отроком и мужем.

Он был Вечное Дитя, и потому Мать Его и многие жены хранительницы сопровождали Его от Колыбели до Креста.

Они все были Ему матери. Ибо не могут жены матери оставить одного Дитя среди жестокого, пыльного, хищного мира.

И вот мы, мужи, казнили Дитя...

И Никодим закрыл глаза руками, пахнущими несметными, погребальными ароматами.

Тогда сказал Иосиф Аримафейский:

— Рим возненавидел Его за то, что Он был иудей.

А мы, иудеи, опасались, что Он, Дитя, превыше нас, убеленных храмовых старцев, книжников, законников, первосвященников.

И вот Он уходит из иудеев и показывает дорогу в сторону от Скрижалей Моисеевых...

Первосвященник Каиафа на Синедрионе сказал: «Он «мессит», соблазнитель Народа и Храма.

Если мы не предадим Его смерти — Он подточит Храм, и Закон, и Народ, как сладкий соблазнитель подтачивает юную девственницу.

Надо казнить Его, чтобы спасти весь народ.

Надо казнить Его, чтобы Иерусалим стал Хозяином Мира... И станет!

Не Иерусалим Христа, а Иерусалим Моисея и воителя Иисуса Навина станет править миром...

А тогда пусть беззащитная Кровь Его будет на детях и потомках наших.

Но какой Хозяин не ходит с кровью рабов своих?»

Каиафа сказал на Синедрионе:

— Пусть Его казнь будет не по Закону Моисееву — чрез побитие камнями, а по римскому — чрез распятие.

Пусть Рим, а не Иерусалим ответит за казнь Его!

Потому что Иерусалим победит Рим!

Потому что Иерусалим разрушит Империю Рима и все грядущие Империи!

Потому что Иерусалим станет Хозяином всех империй и всех Народов.

А пока надо положить этот Факел, поджигающий, подрывающий нас, в темные иорданские воды...

Но потом мы отдадим этот Факел, Эти смиренные Заветы беспредельной Любви в другие народы, и они смирятся и покорятся нам...

И Каиафа устало опустил обильные пурпурные рукава своего таллифа в золотую чашу с апельсиновой, лимонной, душистой водою, и испил из чаши...

И рукава его промокли от дрожи...

И еще сказал:

— Моисей с Крестом — это грядущее Христианство... Моисей с Мечом — это грядущий Ислам...

И вот Два Сына объединятся и пойдут на Отца Своего... Но Отец мудро поссорит Их и кроваво усмирит.

Тогда Никодим сказал у Креста:

— Воистину, Древний Завет — Святой Камень с золотыми обильными жилами.

Распятый, как и все мы, иудеи, с радостью носил Камень Завета сей на блаженной шее.

Но вот Он выделил Чистое Золото из Древнего Камня и стал носить на шее Одно Золото.

И позвал всех иудеев и иных человеков носить Золото.

Но многие продолжают носить Камень с золотыми жилами и бегут распинать Того, Кто зовет носить Чистое Золото Нового Завета.

Не тяжело ли будет во дни грядущие тем Камненосцам?..

Тогда Иосиф Аримафейский у Креста сказал:

— Воистину говорил Он, что пришел спасти народ иудейский.

И вот мы распяли Его, но вижу, вижу я, что между собой, мы, иудеи, будем жить по Его Завету.

И будем жить и любить друг друга безбрежно по Его Новому Завету.

И будем неоглядно, животно любить друг друга, и будем любить даже лютого врага, и убийцу, и наветника, и книжника, и фарисея, если он иудей.

Воистину, будем мы любить народ свой более, чем Бога. Иль любовь к народу своему и есть высшая любовь к Богу. Ибо кто видел Бога живого, кроме Моисея и Распятого, а народ мой живой окрест меня дышит и упоает... И народ мой — Бог мой!

И вот мы, иудеи, будем жить по великому Закону Любви, открытому Распятым...

Воистину!..

А с иными народами будем мы жить по Древнему Завету, по закону «око за око» и «зуб за зуб».

А к другим народам мы повернемся Древним Законом, что пришел к нам из египетской Пустыни Одиночества Син...

О, Отец наш Небесный!

Но нынче, у Креста Агнца, что мы? И что нам грядущие дни наши? Что слова наши, когда такие слезы изливаются, и они выше всех Слов Мира...

И Иосиф Аримафейский устал от пророчеств и поник у Креста. И только томительно благоухали погребальные масла-ароматы его в песке летящем.

Но тут пришел вечерний, что ли? иль уже повеял ночной ветер? но хамсин рассеялся.

И тогда Иосиф Аримафейский, и Никодим, и жены-мироносицы увидели весь Крест и Распятого Мужа уже на всем Кресте.

Тогда Мария Магдалина воскричала:

— Раввуни! Учитель! Ты только на Кресте стал Мужем... И стал седым, как снег...

Но скоро Ты станешь навек Живым, и снег сойдет...

О, Отец Небесный наш!..

Но!..

Уже Ангел Господень спешил, подлетал ко Кресту, раздвигая, разгоня крылами хамсин, хамсин...

Он мог сдвигать огромные камни-«гогалы» с древних гробниц и выпускать мертвых.

И что Ему отодвинуть хамсин?..

О, Отец Небесный наш!..

Ты Таких посылаешь...



## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

А галилейские пастухи две тысячи лет говорили и говорят:

— И вот мы радостно пием Вино Воскресения, и уже две тысячи лет пресветло, предивно пианы, пианы.

И вот в давильных топчут, убивают ханаанский виноград «козьи сосцы», и он воскресает, восстает в блаженном свежем вине.

И вот Вино Воскресения свежо и пресветло хмельно, и две тысячи лет радостно пьянит Оно.

И вот наш Спаситель Иисус Христос Воскресший явился на горе женам-мироносицам и сказал: «Радуйтесь...»

И мы пием вечное Вино Воскресения и радуемся, радуемся...

Но!

О, Царь Небесный наш!

И в молитве сказано: «Христос — веселие вечное...»

О, на следующий день после Распятия хамсин нежданно ушел.

И жителям Иерусалима и близких градов и селений явилось дивное Чудо, Знамение.

Чудо было в том, что открылись, явились жителям слепого Иерусалима несслыханные, невиданные дали, дали, дали.

Особенно с высоких стен Иерусалима, и с Сузских врат, и с золотых крыш Храма открылись дали неоглядные.

Открылись дальние, несслыханные страны, града, народы, океаны... Вся земля в дымке утренней, сиреновой иерусалимской плыла пред потрясенными очами, пред очами иерусалимцев. И плыли Дни Прошлые и Дни Грядущие.

И во Днях Прошлых, и во Днях Грядущих плыли, уповали древние, еще живые Фараоны Птолемеи, и Пирамиды только в пустыне восставали под руками феллахов...

И в иных землях восставали давно погребенные Эмиры, Ханы, Аршакиды, Династии, императоры, цари, короли, тираны...

И летели колесницы Сезостриса и копья, стрелы амаликитян, и пылили македонские фаланги и римские легионы близкие, а потом слышались утробные, надорванные, боевые, стальные крики крестоносцев...

А потом грохот поварных артиллерий Англии, Франции, Германии... А потом атомные грибы-циклопы над Японией...

И во Днях Прошлых плыли, сокрывались Финикия, Сирия, Аравия, Вавилония, Египет...

И во Днях Грядущих восставали, плыли Америка и Россия...

И русский Царь, и цесаревич, и царица, и царевны в белых, девьих, подвенечных платьях на Исполинский Русский снежный ледовый Крест восходили и скользили у кровяных наледей Креста, и народ русский необъятно восходил на Крест за ними, и слуги, бесы Каиафы и Понтия Пилата в кожаных, звериных одеждах возводили Царя и народ Его на Крест...

И поныне возводят...

И этот Крест Христа среди народов самый великий.

И поныне! Воистину Русский Крест несметен!

И всякий русский на Него взойдет!

О, Господь! Господь. Господь!

Гляди — под ногами русскими распятыми даже кровяная наледь вопиет, гюет!

И поныне народ русский уже сто лет на Исполинский Крест восходит.

И нет Ему исхода, а есть бесконечная Голгофа!

Даже когда русский пианный человек бредет в ночном поле за водкой — он бредет на Голгофу.

И все пути на Руси, и все тропы ведут на Голгофу.

И есть ныне Время Двенадцати Иуд! Все вожди предают Русь, все предают, все продают...

А напротив Руси стоит на берегу океана Америка.

И там стоит несметная Золотая Богиня, и вот несметные ярые человеки рубят, пилят, режут Статую Золотую на золотые стружья и монеты и, ликуя, золото уносят в дома слепые свои.

Вот оно, золотое ликование слепцов, которые не чувят, как океаны уже готовят пучины, потопаы свои на золото их и золотые души их.

И вот жизнь твоя, утяжеленная златом, идет на дно океанов, слепец! И кто в бушующей пучине вспомнит о золоте, брат мой заблудший? Иль злато только на дно влечет...

И галилейские пастухи пели от пресветлого вселенского Вина Воскресения:

О, Царь Небесный наш!

Сокрой от тленных глаз наших Дни Прошлые и Дни Грядущие! Зачем человеку знать о Них? Печалиться о прошлом? Бояться будущего? Зачем нам, пастухам, эти Дали Неоглядные?

Спаситель наш сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное...»

О, Отец Небесный!

Оставь нам, галилейским пастухам, эти Пресветлые Дни! Дни Воскресенья Бога нашего Иисуса Христа.

Вот Он грядет по нашим галилейским долам и горам. Вот Он только что свежо воскрес, нежно, как со сна, восстал. Вот еще гробовые пелены текут, спадают с плеч Его... Вот Он брением Своим усмиряет, умиротворяет, помазывает гвоздиные, еще горящие, жальщие язвы Свои.

Вот Он уже является Марии Магдалине, и женам-мироносицам, и Петру, и шествующим в Эммаус, и Своим Ученикам-рыбарям Апостолам на берегу Галилейского озера...

Но! Но! Но!..

Отец, Пастырь Небесный наш!

Но! Одни мы, галилейские пастухи, знаем, куда Воскресший явился впервые.

А куда бредет далеко ушедшее Дитя? Куда возвращается, стремится?

Иль не в дом родной? Иль не в Назарет свой?..

Да!..

И вот пришел к дому родному своему...

Когда ночь пришла, и все спали.

Но Мать Его не спала, и Она слышала тихие шаги на крыше среди одичавших, задумчивых маков, маков, маков, где любил спать отец Его.

И Она слышала, слушала, но не вышла из дому.

И только лучезарно улыбалась, и ночной дом наполнялся покоем и сияньем...

— Иму, иму... Мать, мать, мама, маа...

Я хочу вечно сидеть на вечной нашей крыше среди вечных птиц, среди вечной весны. И чтобы вечная Мать и вечный Отец глядели на Меня...

И свершилось!

С нами Бог!

Аминь...

## ОТ АВТОРА

Я написал эту Книгу в октябре-декабре 2005 года.

Наверное, это были счастливейшие дни в моей затянувшейся жизни.

Господь являл мне Эти Картины, и я по мере слабых сил моих пытался Их запечатлеть в Слове.

Я не описывал великих событий Евангелий и Апокрифов. Кроме маленькой истории о глиняных воробьях, которая, однако, явилась мне в новом свете...

Пусть мудрый Читатель не ищет эти Картины в Апокрифах и бесконечных книгах о Спасителе. Их там нет.

Тот святой, далекий, смолистый сиреневый, апельсиновый назаретский Ветер веял на меня...

Тот далекий, святой, глиняный, назаретский домик с розой на крыше стоял предо мной...

Тот Вечный Отрок являлся, и мне чудилось, что Он далеко, затаенно улыбался мне...

Быть может, мне смутно открылись Те Алмазные Дни, которых еще никто не видел...

Несколько Страниц из Величайшей Книги Его Земной Жизни...

...Назаретский весенний оливковый смуглый двухтысячелетний ветер ветер

Веет в душу мою среди русских снегов

И приносит

Тоску гефсиманских блаженных маслин по Нему

И томленье хевронских дубов без Него

И янтарь кипарисовых смол словно слезы о Нем

И дымный запах Его отроческой рубахи

Когда Он помогал своему Отцу-плотнику...

Спаси Господи...

10 декабря 2005 г.

...Лепесток снежной назаретской розы лежит на моем письменном столе. Кто обронил его?..



**Сергей Норильский**  
(г. Тула)



**БЕГЛЕЦЫ**  
(Глава из романа \*)

*Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) автор четырнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Среди них: «Город Норильск» (1958), «Николай Федоровский» (1967), «Сергей Степанов» (1974), «Владимир Лазарев» (1986), «Не вечно зло, если добро множить» (1998), «Извечный поединок света и тьмы в прозе и драматургии Игоря Минутко» (2006), «Павел и Клавдия» (2008) и другие. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского, лауреат литературной премии имени Льва Толстого (2000). Составитель и автор текстов трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.*

После разрыва с мужем двадцать пятый и двадцать шестой год Шура с сынишкой жила у брата в задней части нижнего этажа его дома в Муроме. А в пятидесяти верстах, на родине Кородаевых, в обширном и красивом центре волости Новоселках имелся у них кирпичный домик под железной крышей. Построил его отец, крестьянин Иван Андреевич Кородаев, здешний уроженец. О нем в Переписном листе 1897 года было обозначено: читать умеет, выучился у келейницы, основное занятие — земледелец, а дополнительное — сапожник.

Иван Андреевич и его супруга умерли в 1918. К двадцать седьмому году в домике оставались старшая незамужняя дочь с теткой. Сюда и перебралась Александра Ивановна летом двадцать седьмого.

В этом году дошли до нее слухи: Лев Львович женился. Взял разведенную с бывшим сельским комиссаром уроженку поповской семьи, зовут Мария Ивановна. Она на двенадцать лет моложе Шуры, от комиссара у нее сын Михаил, одногодок Коли. Лев Львович усыновил мальчика.

Колина мама приняла известие спокойно.

Главная улица Новоселок была продолжением знаменитого Владимирского тракта и воспетой в этих местах Муромской дорожки. В центре села, где стояло несколько двух- и трехэтажных краснокирпичных домов, построенных местными купцами и фабрикантами, начиналась еще одна основная улица, даже длиннее первой. Она шла перпендикулярно к ней. В начале улицы, уже при советской власти, выстроена была деревянная каланча с пожарным депо. Дальше стояла побеленная кирпичная

---

\*Готовится к изданию в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

церковь с высокой колокольней, сзади был крутой уступ в пойму речки Кутры. За церковью возвышались по обеим сторонам, перемежаясь с бревенчатыми домишками, кирпичные двухэтажные особняки мельников Симоновых и других богатых жителей. Улица переходила в грунтовую дорогу к реке Оке, до которой было двенадцать верст. По Оке плавали двухпалубные пароходы в Нижний, Муром, Рязань и Касимов.

Домик Кородаевых находился между каланчей и церковью. Четыре оконца переднего фасада смотрели на улицу. Мама рассказывала Коле, что дедушка летом работал на земле, зимой же занимался извозом в Муроме, катал на своих дрожках богатей, чиновников и интеллигентов. Умер за три года до рождения внука, не дожив до шестидесяти семи. Вскоре скончалась его супруга и одногодка Прасковья Филипповна. Она была из богатой семьи Симоновых, у ее брата Егора Филипповича на Кутре была единственная на округу мельница.

Коля с интересом рассматривал оставшиеся от неведомого дедушки дрожки. Они были на деревянных, подбитыми железными полосами полозьях, с высокой резной спинкой. Когда-то водрузили их на крышу бревенчатого стойла былой кородаевской лошади. Крыша для тепла была утоптана землей. Коля залезал туда с расположенных рядом сушил для сена.

Характером крут был Иван Андреевич. С обидой за мать рассказывала Александра Ивановна: «Поедет, бывало, на Пожогу или Жайск (пристани на Оке), заведет ссору с женой и — раз вожжей по лошади, раз — по жене».

В год смерти родителей в доме остались дочери: сорокатрехлетняя Татьяна Ивановна, акушерка Наталья, тридцати девяти лет, тридцатилетняя учительница Александр и Мария, двадцать восемь годов. Все незамужние. С ними жила и сестра покойного хозяйина Прасковья Андреевна, соломенная вдова бобыля бондаря Ивана Калиныча Волкова. Ей шел шестьдесят первый.

Единственного сына Кородаевых, девятилетнего Митеньку, еще в девяностых годах скосил кровавый понос. В последнем году уходящего века усыновил Иван Андреевич появившегося на свет сынишку бедняка Андрея Новожилова Колю, дал мальчику свою фамилию и отчество, а затем и небольшое образование. Некоторое время Николай Кородаев работал учителем в начальных классах новоселковской школы. Женился на одной из дочерей владельца сундучного производства неподалеку от Новоселок. Тут подошла революция, заводик Корешковых отобрали и передали государству. Вскоре открылся нэп, Николай вместе с женой Клавдией перебрался в Муром и стал пытать счастье в частной торговле. Дело полюбилось, и способности оказались. Кородаевы завели галантерейную и мануфактурную лавочку на базаре, товар завозили из недалекой Москвы по железной дороге.

Наследницы Ивана Андреича вели земледельческое хозяйство покойного, насколько хватало женских сил. Но в девятнадцатом году от воспаления легких, схваченного под Троицу, умерла Маруся. Через год отправилась за ней Наташа. В том же году вышла замуж Александра — за учителя из села Ляхи, что в Меленковском уезде, недалеко от Мурома. Остались в домике и на всем хозяйстве Татьяна Ивановна и ее тетка.

При домике в Новоселках был сад с огородом и необходимые хозяйственные постройки: стойло, хлев для коровы, овец и коз, курятник, а над ним сушила под дощатой кровлей. В саду — амбар, два сарая, бревенчатая банька по-черному. Неподалеку, за околицей, к возвращению Александры Ивановны удержались две полоски земли: под рожь и пшеницу. Поблизости — маленькое открытое гумно с землянкой и рубленным овинном.

Через улицу напротив домика Кородаевых располагалась обширная низина — пойма Кутры. Ее ограничивала запруда, на которой стояла мельница Симоновых. На низине луг, несколько сельниц, одна из них построена Иваном Андреевичем. Летни-

ми утрами мать посылала Колю выгонять малиново-коричневую корову Динку. Мальчик хворостинной погонял послушную животину, и она весь день щипала траву. Под сумерки Коля возвращал Динку домой, темно-малиновые бока ее были раздуты, вымя полным. Помахивая ухватом рогов, Динка беспрекословно подчинялась мальчику и охотно возвращалась в хлев в ожидании дойки.

Что происходило в Новоселках за последние тринадцать лет жизни Ивана Кородаева и его семьи, как отозвалось большое село на события, потрясшие Россию в первые два десятилетия двадцатого века — ничего о том никто Коле не рассказывал. Но следы классового противостояния были заметны.

Татьяна Ивановна, Шура и Прасковья Андреевна кое-как справлялись с обмелевшим хозяйством; засевали обе узенькие полоски рожью и пшеницей, сжинали хилый урожай серпами, вязали снопы, сушили на солнышке, оставив пирамидками — колосьями вверх. Подсохшие снопы обмолачивали цепами на гумне, заметенном до пылинки. Наняв подводу, отвозили просеянное зерно в амбар в саду, а солому забрасывали деревянными вилами в овин на зимнее хранение. Коля помогал женщинам в меру своих силенок.

Так было два лета и две зимы. Николай Иванович с Клавдей и двумя девочками Тamarой и Верой, чуть помоложе Коли, приезжал на неделю-другую. Все были красивые и веселые. Отец — рослый, стройный, темноволосый, в блестящих черных хромовых сапогах, голенищи выше колен; мать — быстрая, с огоньком в карих глазах, завитые кудряшки на голове. Устанавливали на огороде между грядками каганок о два кирпичика, кипятили варенье из плодов сада: вишен, малины, слив, крыжовника, терновника и яблоч. Ягоды и кусочки яблоч бурлили в сахарном сиропе в медном тазу над костерком из сучьев и щепок. Коле поручалось поддерживать костерок. Тетя Клавдия или мама осторожно водили деревянной ложкой, снимали пенку с кипящей поверхности, сливали на блюдечко, потом подавали к чаю. Пенки были слаще и ароматнее самого варенья. А его, когда остынет, заливали в высокие стеклянные банки. Девочки носились по саду и огороду, не нарадуясь деревенскому солнцу, играли в прятки, в лапту и чижика. Светлые, радостные деньки! И было грустно, когда дядя Коля с семьей, нагруженные банками с вареньем, солеными огурцами и грибами, на подводе уезжали к пристани, а троим женщинам и парнишке маячила унылая осень и суровая скучная зима.

Впрочем, и зимой была своя жизнь. Динка нагуляла бычка, такого же коричнево-вишневого, как сама. На время морозов новорожденного поместили возле шестка, отгородив от кухни столиком, набросали на пол соломы. Отпаивали беспомощного молозивом, потом разбавленным молоком. Животина чавкала беззубым ртом, лакала жидкость. Через несколько недель пригласили мясника, он выволок несчастного во двор и зарезал. Коля едва не плакал, изнывал от жалости. На память о милом жильце осталось овальное углубление в крышке ящика стола: подраставший теленок шершавым языком самозабвенно лизал просоленную поверхность древесины, впитавшей кухонные жидкости и ароматы.

На второе лето случилось несчастье с бабушкой. Во время молотбы наступила семидесятилетняя Прасковья Андреевна на грабли. Была, как всегда, босиком, деревянный штырь насквозь проткнул ступню. Кровь залила гумно, мама и тетя Таня с трудом отвели старушку домой, — а дом находился в нескольких переулках. Там был пузырек с йодом.

Всю вторую часть лета Прасковья Андреевна лежала на полу в чулане на ватном матраце, отвергая попытки племянниц обратиться к лекарю. Поливала раненую ступню мочой. Неграмотная крестьянка всю жизнь от ранней весны до глубокой осени шлепала босиком по любой грязи и пыли. Мальчишки кричали вслед: «Бабка — чугуны пятки».

К зиме бабушка своим единственным лекарством выходила ногу и принялась за обычные дела. А с тетей Таней стало совсем худо: помутилась в рассудке. С утра до ночи сидела на табуретке, покачивалась вниз-вверх и причитала одно и то же: «Батюшки, что с нами сделалось! Батюшки, что с нами сделалось!» Белый платочек, завязанный под подбородком, уныло кивал в такт покачиванию, взгляд бессмысленно упирался в одну точку. Сестра и тетка безуспешно пытались вернуть Таню к домашним и прочим делам. Что произошло с человеком? Обилие смертей, обрушившихся на семью за три года, отозвалось в помутившемся мозгу пятидесятилетней женщины причудливой тревожной вязью. А тут еще события у Кородаевых в Муроме.

Прихлопнули нэп. У Николая Ивановича под предлогом неуплаты налога отобрали дом. Горницу и спальню на верхнем этаже отдали бывшей рабочей текстильной фабрики, а ныне секретарю горсовета Екатерине Даниловне Хлудовой с двумя девочками-дошкольницами без отца. Кородаевым предложили переселиться с семьей на заднюю половину, на кухню, где жила домработница бобылка Аннушка. Там все пятеро и ютились. Вскоре бывшего нэпмана посадили в тюрьму, чтобы выкачать золото, которое он якобы прятал, не отдавая государству. Золота так и не нашлось, но обезвреженного кровососа отправили в лагерь на принудительное бесплатное перевоспитание физическим трудом. Клавдия Васильевна, кое-как устроившись судомойкой, с помощью Аннушки растила девчат. Тома уже пошла в школу.

Вслед за прихлопнутым нэпом началась индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, то есть раскулачивание. В Новоселках каждый праздник стал заканчиваться драками, мужики бегали один за другим с коляями и топорами. В домике Кородаевых, хотя и кирпичном, стало быть, не беднячком, реквизировать было нечего, в колхоз отдавать — тоже, с лошадьёю наследницы расстались сразу после смерти отца. Но знали на селе: в Муроме процветает его сын — нэпман, владелец лавки. Стало быть, часть богатств, накопленных эксплуататором, у Кородаевых где-то припрятана. Пошли обыск за обыском, описи имущества. Чуть ли не каждую ночь гепеушники с соседями-понятыми протыкали железными прутьями бочки и лари с мукой, просом, рожью, пшеницей — в надежде найти золото и прочие ценности.

Однажды в ожидании очередных незваных гостей отправила Александра Ивановна тетку к родственникам Шутовым. Обмотала старуху тремя суконными шальями, натянула с трудом шубейку — дело было глубокой осенью — и ночью проводила в дорогу. Брат с сестрой Шутовы, родственники Кородаевых, жили в начальной части главной улицы, недалеко от въезда в село. Иван Федорович, холостяк, работал бухгалтером в отделении госбанка, сестра Мария Федоровна, незамужняя, вела домашнее хозяйство. Когда мама с Колей приходила к ним в гости, мальчик находил на столе номера журнала «Работница» и листки — приложения «Малышам» с рисунками. Коля разглядывал картинку, читал стишки: «И Буденного с усами мы нарисовали сами». Да что там журналы! Забравшись в сарай в саду, мальчик находил там старые книги. Познакомился с трагедиями Софокла и Эврипида, комедиями Аристофана и других древних классиков.

Иван Федорович был крепыш с густым темно-каштановым ежиком волос на крупной голове; малоразговорчивый, он казался Коле суровым. Ровно в начале обеденного перерыва переходил улицу от своей службы в кирпичном домике госбанка. Мария Федоровна наливала ему горячих щей, подавала второе, потом он пил чай и полчаса отдыхал на диване, прежде чем вернуться на работу. К Александре Ивановне относился дружелюбно, однажды даже помог сшить Коле сапоги из куса хрома, нашел мастера. Правда, сапожки вышли слишком тесные, Коля так и не смог натянуть их на ноги.

На мосту через Кутру ночной патруль гепеу остановил слишком толстую старуху, отвел в милицию и таким образом уличил Кородаевых в укрывательстве нажитых

незаконных богатств. Установили чекисты и адрес, по какому шла Прасковья Андреевна. Ничем не скомпрометировавший себя совслужащий Шутов своим авторитетом способствовал тому, что старуху Кородаеву не посадили, и утром Прасковья Андреевна вернулась домой. Шали реквизировали.

Александрю Ивановну вообще-то на селе уважали, помнили еще как учительницу. Но политические события плодили и недругов. Как-то на весенний церковный праздник мама нарядила Колю в только что сшитую батистовую рубашечку, и он вышел на улицу. Вернулся в слезах в грязи — соседские мальчишки повалили маменькиного сынка в лужу.

Пасха в том году была поздняя. Белая и лиловая сирень в палисаднике Кородаевых уже распустила гроздь. После бессонной ночи — заутрени и обедни в церкви — Александра Ивановна с Колей пришли домой, разговелись вместе с тетей Таней и Прасковьей Андреевной. Творожная пирамидка пасхи и кулич с разноцветными яйцами, на которых красовались буквы Х.В., были великолепны, все пахло сдобой и ванилью. Даже тетя Таня на эти часы приостановила свое неизменное: «Батюшки, что с нами сделалось!» Разговорившись, все улеглись спать.

Коля проснулся первым. Солнечные зайчики бегали по постели и стенам. Мальчик поднялся с кровати и вышел во двор. Подошли девчонки Лычагины, жившие напротив. «Коля сорви сиреньку!» Он шагнул в палисадник и чуть не вляпался в широкую светлокориичневую вонючую лепешку под самым окном. Ночной неизвестный шалопап по-своему отметил под окном Кородаевых.

Коля нарвал девочкам сирени, но весь день и после того, как Прасковья Андреевна вынесла на лопате ночной подарок в огород, не заходил в палисадник. Неприязнь местных властей и их прихлебателей к семье нэпманов усиливалась еще и тем, что Александра Ивановна, была активной церковницей. Не пропускала ни одной службы в храме, соблюдала все посты и обряды. А когда церковь решили закрыть, что возмутило часть жителей, вместе с другими стояла перед высоким крыльцом симоновского бывшего дома, где теперь помещалась милиция, поддерживала требование оставить храм прихожанам. Обеспокоенный начальник милиции с наганом в кобуре у пояса пытался урезонить собравшихся, но твердо стоял на том, что опиум для народа необходимо прикрыть.

Бессонными ночами одолевали Александрю Ивановну думы. Вспоминалось безоблачное детство вот здесь, в родительском доме, в этом милом селе. Церковно-приходская школа. Потом славный многозвонный Муром на Оке, гимназия, учительницы и подруги. Учительство на родине, в школе села Глебово, в четырех верстах от Новоселок. Каждое утро проходила она эти версты по знаменитому Владимирскому тракту между двух рядов высоких берез, лип и кленов, а к вечеру возвращалась обратно тем же путем. В заходящем солнце поблескивали купола высокой белокаменной церкви в селе Фетинино, справа за полем. Домой приходила усталая, счастливая — по душе пришлось Шуре дело учительское.

Что было дальше? Знакомство с Львом Львовичем. Дружба, перешедшая в любовь. Жаркие речи Леваша о народном счастье, которое надо добыть нам, интеллигентам. Новыми глазами читала Шура прочитанные в детстве и юности произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Горького. Новыми глазами вчитывалась в журналы «Нива», «Пробуждение», в рассказы Чехова, романы Гончарова. Леваша привозил в Новоселки современные книги, революционные прокламации. Не все в них нравилось Шуре, не все отвечало ее внутреннему миру. Но главное — тяжелая крестьянская жизнь, бесправие земледельцев, — бредило юную душу. Царь-батюшка, с детства бывший воплощением надежд и благоденствия, теперь приобретал другой облик. Японская несчастная война, революционные бури девятьсот пятого — девятьсот седьмого виделись теперь в ином свете, чем в юности.



Гражданская война принесла кровь, вражду и голод. Венчание, на которое Шура с трудом уговорила Левашу — его убеждения отвергали церковные обряды. Скромная свадьба, переезд в село Ляхи — на родину мужа. Рождение Коли. Здоровенький светлый мальчик еще больше сблизил супругов, стал центром их притяжения. Даже суровая хмурая свекровь, старая попадья, прониклась каким-то светом. Огород возле бывшего поповского домика поддерживал семейный бюджет, пополнял учительский заработок Льва Львовича.

Большевицкая власть оказалась чуждой и Леваше, и Шуре. Хотя и давно порвал Лев Львович с эсерами, но ленинская политика казалась ему неправильной. Напуганный месячным пребыванием в ЧК, он окончательно отошел от политических интересов, лишь в силу необходимости выполняя требования к школе.

Шура вся была поглощена ребенком, от былых увлечений общественными вопросами мало что осталось. Главное, что претило ей в новой власти, это безбожие, воинствующий атеизм. Александра Ивановна понимала, что, вернись она к преподавательской деятельности, не сможет учить детей по новым правилам. Православие ее укреплялось, вера становилась все жарче. Расхождения с мужем на этой почве обострялись. Единственное, что сблизало Льва Львовича с большевиками, было как раз безбожие. Оно же было главным, что отталкивало молодую женщину от всесильной суровой власти. Столкновения с мужем определялись теперь воспитанием Коли. Зачем таскать ребенка в церковь, приучать молиться, совершать бессмысленные обряды? — считал Леваша. Ни к чему это, да и усложняет жизнь в селе, и без того большевицкие комиссары косо смотрят на бывшую поповскую семью, на бывшего эсера. Лодыри-бедняки, на которых вся опора новой власти, лихо расправляются с богатеями, кулаками и подкулачниками, середняки стараются угодить тем и другим.

Александра Ивановна, неизлечимо душевно раненая свалившимся на нее горем — почти одновременной потерей отца, матери и двух сестер, — все сильнее прилеплялась к богу, церковь стала для нее единственным местом душевного успокоения. Свет богослужений проникал в самое сердце, и среди окружающего мрака, вражды и борьбы был единственным, что вселяло надежду, что маленькое родное существо, которому она дала жизнь, уцелеет во всеобщей гибели и пойдет по православному божьему пути.

Все кончилось разрывом, крахом семьи. Ожесточилось женское сердце, во всем происшедшем видела Александра Ивановна только вину мужа. Как ни пытался Леваша восстановить отношения, Шура была непреклонна. Жизнь молодой женщины отныне принадлежит богу и сыну. Она воспитает Колю так, как требует ее душа, ее материнское сердце. И вот теперь, по прошествии четырех лет, окончательно и бесповоротно определилась судьба Александры Ивановны. Известие о новой женитьбе Льва Львовича она приняла равнодушно, тот человек давно стал ей духовно и физически чужим. Навсегда покончено с учительством. Никогда и ни при каких обстоятельствах не вернется она к нему. Советская школа ей абсолютно чужда, перенесет Александра Ивановна любые испытания, чтобы не допустить сына в эту чуждую ей среду. Воспитает ребенка сама, так, как требует святая церковь и ее убеждения. Пусть мирская жизнь идет своим чередом, со всей ее враждой и жестокостью. Подрастающий мальчик проявляет все больше способностей, читать и писать выучился к шести годам, что крайне редко в наше время, тем более в крестьянских семьях. Книги глотает одну за другой, бойко читает по-славянски и псалтырь, и библию. Видит Александра Ивановна, с каким увлечением воспринимает Коля библейские предания и рассказы. Правда, тревожит то, что и светские книги влекут ребенка. Главное, чтобы удержался на русской классике, на Пушкине, на Лермонтове, Тургеневе. Вот под влиянием «Маленьких трагедий» сочинил недавно пьесу, под влиянием пушкинских сказок написал в стихах сказку про царевича Еремея. Хорошо, если бы со временем

стал Коля священнослужителем, может быть, даже архиереем. На этом поприще образованность литературная не только не помеха, а и дополнительное духовное богатство. Что же касается точных наук (арифметики, физики, химии, биологии), а также иностранного языка — помогут муромские подруги по гимназии. Образование всестороннее и церковь — отнюдь не исключают друг друга. Главное сейчас — спастись от высылки, от раскулачивания (господи, ну, какие же мы кулаки?!). Не дай бог, зашлют куда-нибудь в Сибирь или Среднюю Азию, в тайгу или пустыню, там уж не только не воспитать ребенка, но и выжить не удастся одинокой матери.

Каждое воскресенье водила Александра Ивановна Колю на могилки родных. Кладбище было за селом под сенью разросшихся дубов, берез, лип и вязов. В ограде Кородаевых возвышались обложенные зеленым дерном холмики, перед ними деревянные кресты, на них таблички: Кородаев Иван Андреевич, Прасковья Филипповна, младенец Дмитрий, девицы Мария, Наталия и годы их жизни. Наверное, были тут и еще могилки — родителей Ивана Андреевича, других родственников, но у Коли не отложилось в памяти.

Атмосфера вражды вокруг Кородаевых сгущалась. Каждую ночь ждали женщины, не пришлют ли за ними подводу, как к новосельским кулакам, и прикажут: соберитесь, с собой — самое необходимое. И повезут до Муром, до железной дороги, а по ней в телячьих вагонах в Сибирь, либо в Среднюю Азию, к казахам и киргизам.

Коля с детским энтузиазмом проникся ожиданием и по-своему готовился к путешествию. Сшил из куска цветастого ситца длинный узкий мешок, сложил в него самые важные книги: Библию в деревянном, обтянутом потемневшей кожей переплете (там был Псалтырь, и Новый завет, и все напечатано по-славянски). Том Пушкина, тетрадки со своими стихотворными сказками и трагедиями — подражания Александру Сергеевичу.

Александра Ивановна сложила в несколько картонных ящиков другие книги: сочинения Лидии Чарской, приложения к журналам «Нива» и «Пробуждение» — собрания сочинений Чехова, Бунина, Леонида Андреева, Куприна, и сами журналы за несколько предреволюционных лет. Каждую коробку, обвязанную шпагатом, отнесла к подруге, жившей на окраине села, неподалеку от кладбища, попросила сохранить до времени.

В конце концов Александра Ивановна рассудила: ждать злополучной подводы не стоит. Собрала плетеную ивовую корзиночку с вещами первой необходимости, распрощалась с сестрой и теткой, взяла за руку Колю с его узким мешочком, и после полудня отправилась через лес и поля к пристани Жайск, до которой было двенадцать верст. Вечерний пароход «Луначарский» доставил беглецов в Муром.

Погони не было.



**Геннадий Маркин**  
(г. Щекино)



## ДОДУМАЛСЯ

У начальника отдела по работе с личным составом Старогорского управления исполнения наказаний майора Орлова Алексея Викторовича настроение было испорчено с самого утра. Войдя в свой рабочий кабинет, он в сердцах хватил о стол папку с присланным из главка примерным планом по созданию музея истории уголовно-исполнительной системы Старогорской области и отрешенно уставился в окно. «И что это за должность-то такая? — раздраженно подумал он. — Как какие новые бумаги из главка присылают, так заместитель начальника управления по кадрам и воспитательной работе подполковник Петров Игорь Михайлович поручает заниматься ими именно мне! Как будто в управлении больше отделов не существует. Вот и с этим планом по созданию музея уголовно-исполнительной системы области опять же... Как только ни убеждал сегодня на оперативке подполковника Петрова, что в должности нахожусь всего несколько дней, что к инспекторской проверке нужно подготовиться, а я с текущими делами не разберусь, что для создания музея необходимо подключить ветеранов системы, а с ветеранами работает отдел кадров, — ничего не помогло. Давай, мол, Орлов, у тебя опыт работы в должности старшего инспектора отдела по воспитательной работе с осужденными большой, ты справишься. А будет трудно, мы тебе поможем.

Грустно так рассуждая, Орлов уселся за рабочий стол и начал просматривать папки с текущей документацией, записывая в рабочую тетрадь, что нужно сделать в первую очередь из накопившихся дел, доставшихся ему в наследство от бывшего начальника отдела майора Казакова Михаила Семеновича, переведенного с повышением на должность заместителя начальника колонии по кадрам и воспитательной работе одного из учреждений области.

Только Алексей Викторович начал вникать в различные учеты и отчеты, как дверь в его кабинет открылась, и на пороге появилась Тамара Аркадьевна Семенова, вольнонаемная сотрудница управления, назначенная два дня тому назад на должность начальника культурного центра управления.

— Здравствуйте, Алексей Викторович, — поздоровалась она, остановившись в дверях.

— Здравствуйте, Тамара Аркадьевна, проходите, что же вы в дверях стоите? — Орлов пригласил жестом женщину пройти в кабинет. — Ну, как в новой должности осваиваетесь?

— Какое там! — махнув рукой, сокрушенно ответила Тамара Аркадьевна. — Игорь Михайлович дал задание организовать по подразделениям смотр-конкурс художественной самодеятельности среди сотрудников, а я сижу одна в кабинете и не знаю, что делать. И спросить не у кого. Может, вы что-нибудь посоветуете?

— Вы, Тамара Аркадьевна, в первую очередь обзвоните все колонии и переговорите с заместителями по кадрам и воспитательной работе, они подберут и подготовят

сотрудников для участия в смотре-конкурсе, а когда вам будет известно точное число его проведения, дадите телеграммы в подразделения.

— Вы думаете, лучше заранее обзвонить? — явно робея, переспросила Тамара Аркадьевна.— Я, право, не знаю... может, лучше все-таки для начала направить телеграммы?

— Да вы не стесняйтесь. Начните с одиннадцатой колонии. Там, кстати, замом майор Казаков Михаил Семенович, мой предшественник. Он как никто другой понимает проблемы управления. Вот с него и начните. Попросите телефонистку, и она вас с ним соединит.

Поблагодарив за совет, Тамара Аркадьевна ушла, а Орлов вновь окунулся в бумажную работу. Вдруг ему в голову пришла замечательная идея. Он снял телефонную трубку внутренней связи и набрал три цифры.

— Петров,— глухо отозвалась трубка голосом заместителя начальника управления.

— Товарищ подполковник, это беспокоит Орлов,— четко представился Алексей Викторович.

— Слушаю вас, Орлов.

— Товарищ подполковник, прошу вас освободить меня от работы по созданию музея истории уголовно-исполнительной системы области и поручить данную работу непосредственно по назначению.

— По какому назначению? Вы что, Орлов, решили мне по телефону загадки загадывать? Говорите яснее,— недовольно проговорил Петров.

— Игорь Михайлович, принимая во внимание, что в нашей стране музеи являются культурной ценностью государства, прошу вашего разрешения передать примерный план по созданию музея в культурный центр управления, а именно Семеновой Тамаре Аркадьевне.

— Не говорите ерунды, Орлов. Тамара Аркадьевна в должности всего два дня. Займитесь делом и не беспокойте меня по пустякам,— в трубке послышались короткие гудки.

Не добившись желаемого результата, Алексей Викторович, тяжело вздохнув, вновь погрузился в изучение документации. Пока два ответственных работника управления вели свой телефонный диалог, Тамара Аркадьевна, собравшись с духом, сняла зеленую телефонную трубку с надписью «коммутатор» вместо привычного диска для набора цифр и, услышав голос телефонистки, проговорила:

— Соедините меня, пожалуйста, с Казаковым.

Телефонистка по привычке послала зуммер в соседний с Тамарой Аркадьевной кабинет, где до этого восседал майор Казаков.

— Слушаю вас,— продолжая изучать документы, отозвался Орлов.

— Добрый день! Вас беспокоит начальник культурного центра управления,— услышал он строгий женский голос.

«Надо же какое совпадение?!» — обрадовался Орлов.

— Подождите, пожалуйста, одну минуточку,— проговорил он в трубку,— я сейчас позову нашего начальника культурного центра, и вы поговорите,— проговорил он и выбежал в коридор.

— Тамара Аркадьевна,— начал он с порога,— с вами хотят переговорить из главка и, представьте себе, тоже начальник культурного центра.

— Я не могу, Алексей Викторович, сейчас человек должен подойти,— проговорила Тамара Аркадьевна, указывая на трубку.

— Давайте, я послушаю, а вы бегите ко мне в кабинет. Трубка лежит на столе.

— Алло? — прозвучало в трубке спустя несколько секунд.

— Здравствуйте,— поспешно ответил Орлов.— Вы извините, но нашего товари-

ща срочно вызвали к другому телефону. Вы подождите минуту, только трубочку не кладите.

Алексей Викторович положил трубку на стол и вернулся в свой кабинет. Усевшись за стол, он взглянул на Тамару Аркадьевну.

— Что там? — спросил он, указывая на трубку.

— Попросили подождать минуточку.

Орлов понимающе покивал головой и вновь углубился в бумаги. Спустя минуту-другую он вновь взглянул на Семенову, которая с телефонной трубкой в руках продолжала стоять в ожидании.

— Тамара Аркадьевна, вы, наверное, успеете переговорить с колонией.

— А если не успею?

— Успеете, успеете, — успокоил ее Орлов. — У них одна минута, что час. Идите, а я, если что, поговорю, — проговорил он.

— Спасибо, Алексей Викторович! Не знаю, что бы я без вас делала...

Орлов взял телефонную трубку и прижал ее к уху, а сам стал перелистывать страницы очередной толстой папки.

— Алло! С вами говорят из культурного центра.

— Да что ты будешь делать! — в сердцах воскликнул Орлов. — Одну минуточку, подождите, я позову товарища.

Бросив трубку, он вылетел из кабинета.

— Тамара Аркадьевна, — замахал он руками, — идите быстрее! Москва на проводе, а я тут все объясню. — Он взял из рук Семеновой телефонную трубку.

— Алло! Вас слушают, — послышалось в трубке.

— Вы, пожалуйста, подождите! Наш товарищ разговаривает с главком. Сейчас он освободится, — Орлов положил трубку и вернулся в свой кабинет.

— Ну, как там Москва?

— С главком разговаривает, — прижав ладонью микрофон, проговорила Тамара Аркадьевна.

Орлов кивнул и уселся за стол. «С каким главком? Что за ерунда? — подумал он. — Как может главк разговаривать с главком?» И тут Орлов все понял. Он взглянул на Семенову, и чуть было не рассмеялся, но вовремя взял себя в руки. Ему в голову пришла идея, и хотя он прекрасно понимал, что она авантюрна, упускать такого случая не захотел.

— Елки-палки! — развел он руками. — Меня же подполковник Петров вызывал, — проговорил он и выбежал из кабинета.

— Алло! Это Тамара Аркадьевна? Наконец-то я вас услышал, — говорил Орлов измененным голосом, придав ему начальственный тон. — Тамара Аркадьевна, вам как начальнику культурного центра немедленно нужно заняться созданием музея истории уголовно-исполнительной системы. Отрадите в экспозиции, как она развивалась в вашей Старогорской области, какие задачи решали колонии в разные годы. Кстати, все областные управления данную работу уже завершили или завершают, а от вас нет никаких результатов. Это, Тамара Аркадьевна, не порядок. Отнеситесь к созданию музея со всей ответственностью.

— Вы извините, я в должности всего два дня...

— А вы не робейте перед трудностями. Кстати, кто у вас руководит отделом по работе с личным составом?

— Майор Орлов Алексей Викторович.

— Вот и замечательно. Обращайтесь к нему, он вам поможет. Желаю успеха, Тамара Аркадьевна, и жду результатов работы.

Когда Орлов вернулся в свой кабинет, Тамара Аркадьевна находилась в состоянии растерянности.

— Что главк? — весело спросил Орлов.

— Такое задание мне дали, не знаю, что и делать...

— У них всегда так, лишь бы приказать,— сочувственно проговорил Алексей Викторович.— А что за задание?

Тамара Аркадьевна рассказала Орлову, какую задачу ей поставил «главк».

— Да, против главка не попрешь,— проговорил Алексей Викторович, передавая Тамаре Аркадьевне папку с примерным планом по созданию музея истории уголовно-исполнительной системы области, от которой уже не надеялся избавиться.— Вы не переживайте, а будет трудно, я вам помогу.

Когда Тамара Аркадьевна вышла, майор Орлов Алексей Викторович потер от радости руки, открыл окно и улыбнулся теплому весеннему солнцу.



**Яков Шафран**  
(г. Тула)



## ТАКТ

Толик гордым взглядом окинул строй ребят. Все стояли строго по росту — мальчики и девочки от десяти до семи лет. Была середина весны, то время в апреле, когда снег уже весь стаял, ручьи талой воды все утекли в Брагинку, но солнце грело еще не по-летнему.

— В шеренги по трое стройсь! — скомандовал Толик, подражая учителю физкультуры, Василию Ивановичу, бывшему офицеру-фронтовику.

Ребята дружно исполнили команду — и маленькие и большие построились по росту в ровный прямоугольник. Видно было, что большинство из них делало это не первый раз. Но кое-кто был в этой игре новеньким.

— Слышь, Жор, а чего это он раскомандовался? Тоже мне, командир нерусский!.. — негромко, но и так, чтобы было слышно, прежде всего, Толику, сказал Сашка, и его закадычный друг, Витька, в ответ громко рассмеялся.

— Ну и что? — не одобрил Жорка, у которого мать была русской, а отец — наполовину белорус, наполовину немец, сын Марты Карловны, испокон веку жившей в поселке, до войны работавшей в школе учительницей немецкого языка, а при оккупации — переводчицей в комендатуре. Их семья год тому назад вернулась в родные места из ссылки. — Что с того, что не русский? Пусть командует, смотри, как малыши слушаются! — заступился он за Толю.

— Кому не нравится, могут уйти, — тихо сказал Толик. — Просто я с ребятами уже давно играю в армию. Думал и вам понравится.

— Нравится, нравится... Ладно, не обижайся, на обиженных воду возят... — примирительно заулыбался Сашка, которого ребята недолюбливали, зная, что он может сказать и так, и так.

— Взвод, вперед шагом марш! — скомандовал Толик и, по-военному повернувшись на сто восемьдесят градусов, повел колонну по улице. Они шли, по той ее стороне, где не было тротуара, а значит, и людей было меньше.

—левой, левой, левой! — командовал Толик, и ребята дружно маршировали в такт, выбивая ногами клубы пыли. Земля в поселке была песчаной, хорошо рожавшей картофель — основной сельскохозяйственный продукт Белоруссии.

— А кто тебя учил так командовать? Ведь твой отец не был на войне? — то ли спросил, то ли утвердительно заявил в спину Семка, родственник Толика. — Вот мой батяка был всю войну артиллеристом!

Толик вздрогнул, но, не сбиваясь с шага, ответил:

— Да, мой батя не воевал, он — инвалид...

— Ребята, хватит, а еще большие! — вступились за Толика соседские «малыши», которые души в нем не чаяли, так как мало кто из старших ребят водился с ребятами, что были моложе на два-три-четыре года.

— Так, все, Сашка, Семка, еще услышу, дружбе конец! — поставила точку На-

таша, их с Толиком одноклассница со сделанной из носового платка белой повязкой на рукаве, что означало — медсестра.

Отряд маршировал по улице, и прохожие дивились на то, что дети без взрослых так дружно и дисциплинированно делают это. Кто-то улыбался, шутил, а один дядька в прошлом, видимо, военный спросил:

— А куда армия выдвигается?

— Военная тайна! — с гордостью ответил Толик.

В это время громкоговоритель, что висел на столбе линии электропередачи, и из которого лились музыка и песни, замолчал, и через некоторое время из него раздались позывные. Все знали, что они означают какое-то важное сообщение. Отряд продолжал по инерции маршировать, но все ребята наострили уши.

— Внимание, внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! — громко заявил из громкоговорителя голос Левитана. — Передаем сообщение ТАСС о первом в мире полете человека в космическое пространство!

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич!..

Небывалая волна гордости и воодушевления объяла Толика. Судя по лицам и глазам своих «солдат», он знал, что то же самое чувствуют и все ребята. Напрочь испарились все мелкие обиды и недомолвки. Чем они были по сравнению с тем чувством, которое охватило ребят? Что это было за чувство, как его назвать? Они тогда совсем не думали над этим. Это уже потом, через годы, когда стали взрослыми, нашли слова о чувстве гордости за великую и такую родную страну, за небывалый в истории человечества народ. А тогда они шли четким строем, и такт отбивал уже не Толик или кто-либо иной, такт отбивало это невыразимое чувство, окрылявшее их всех, ракетой вздымавшее дух в беспредельные высоты неба, непередаваемо единившее их со всем вокруг. Они шли и сами не знали того, что в глазах их и на лицах светилась широкая открытая и обнимающая все и вся любовью улыбка человека, которого они тогда еще не видели и не знали, человека, имя которого они только несколько минут тому назад слышали. И такая же улыбка была на лицах встречных людей. Казалось, все вокруг, вся страна, весь мир теперь будет сиять этой улыбкой и обретет, наконец, счастье, которое уже ничто и никогда не сможет омрачить.





## **Олег Каширин**

(г. Тула)



## **СТОГОВЫ**

(Почти что документальный рассказ)

Мысль рассказать об этой фамилии возникла случайно. Попал в руки архивный материал. Да мало ли его приходит в руки... Но «всемирная паутина» выдала информацию, что Стоговы имеют непосредственное отношение к Белеву, который издревле состоит в составе тульских земель. Что ж, попробуем реконструировать события почти что вековой давности.

### **1923 год. Город Париж**

— Николай Николаевич, рад вас приветствовать на французской земле! — слегка с напушенным доброжелательством произнес генерал Лукомский, шатен, сорока лет, среднего роста, с коротко стриженными и зачесанными назад волосами, но, уже, с легкими признаками будущей лысины на голове, подавая руку своему собеседнику. Лицо гладкое бритое. Пиджак модный, двубортный. Серого цвета. — Как поживаете?

— Господин генерал-майор, вы хотите от меня услышать то, что уже знаете? Извольте! — ответил Стогов, стесняясь своего чесучового мятого наряда.

— Не горячитесь, господин генерал-лейтенант, это — неизбежная, но обязательная процедура. Я, лично, вам — боевому офицеру, всемерно доверяю. Но, французская контрразведка не доверяет русским. А деньги на наше содержание выделяет их правительство... — Лукомский засмеялся, — Можно подумать, что мы не сможем откусить от этого пирога кусочек на личные нужды. Идиоты... Девочки стоят недорого...

Он закурил ставшую тогда в моде сигаретку, пришедшую из Северной Америки.

— Во-первых, я во Франции не первый год, — начал рассказывать Стогов. — Во-вторых, я был генерал-лейтенантом Генерального штаба. Окончил Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Из училища вышел в Лейб-гвардии Волынский полк. По Генеральному штабу служил в Варшавском военном округе. С ноября девятисотого года занимал должность старшего адъютанта 17-й пехотной дивизии, а с мая первого — обер-офицера для особых поручений при штабе 6-го армейского корпуса. С сентября четвертого по март девятого — старший адъютант штаба Варшавского округа. В декабре тысяча девятьсот восьмого произведен в полковники, а в мае девятого назначен начальником отделения в отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. На войну выступил начальником штаба Первой Финляндской стрелковой бригады. Осенью того же года был назначен командиром третьего Финляндского стрелкового полка. Награжден Георгиевским оружием в октябре тысяча девятьсот четырнадцатого года и орденом Святого Георгия — через год двадцать седьмого марта. С пятнадцатого октября был назначен начальником штаба Восьмой армии при генерале Каледине. А в революционный год — генерал-

лейтенант и командир Шестнадцатого армейского корпуса. В конце года — начальник штаба, а затем командующий Юго-Западным фронтом. Вот и все.

— Да, знаю, знаю все это!

— Тогда зачем спрашиваете? Теперь извольте меня выслушать! — повысил голос Стогов.— Так вот, в январе восемнадцатого года я вернулся с фронта в Москву, поступил в Красную армию и с мая по август 1918 года был начальником Всероссийского главного штаба.

— А почему вы пошли в Красную Армию?

— Мне было любопытно узнать, что из себя представляет новая власть.

— С Троцким встречались?

— А как же! Он же меня назначал на должность начальника генерального штаба Красной Армии. Это по старому определению.

— Понятно, понятно. Ваше мнение о нем?

Стогов засмеялся:

— Сразу отмечу не существовавшие проблемы с его национальностью. В нашем белом движении пытались использовать антисемитские мотивы, агитируя в Красной армии, но мы успеха не добились. Как рассказывали, один казак, когда его упрекнули, что он служит и идет в бой под началом жида Троцкого, горячо возразил: «Ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш... Русский... А вот Ленин — тот коммунист... жид, а Троцкий наш... боевой... Русский... Наш!» Это одна из самых заметных личностей среди большевиков. После господина Ленина. По моей информации сейчас у него со Сталиным началась внутривнутрипартийная свара. Я не знаю Сталина, но уверен, что Троцкий для нас более опасен. Так их грызня только нам на пользу. Личность неординарная. Сверх амбициозная и упрямая. Ведь только благодаря его усилиям, человека ни дня, не служившего в армии, большевикам удалось создать свои вооруженные силы.

Лукомский удивился:

— Что вы имеете в виду?

— вспомните, что весна и лето восемнадцатого года были для большевиков из ряда вон тяжеленнейшим временем. Все для них рассыпалось. Страна истощена. Разоренная, разрываема противоречиями. Как поддержать новый режим и спасти свою независимость? Продовольствия нет, армии нет! Железные дороги не функционируют. Всюду были заговоры против новой власти.

— Да, да, я помню,— согласился Лукомский.— Немцы захватили Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и значительную часть Великороссии. Псков — в немецкой оккупации. Украина — австро-венгерская колония. На Волге — чехословацкий мятеж. В самом деле, просто удивительно, как уцелели большевики...

— Согласен, удивительно,— кивнул головой Стогов,— но объяснимо. Троцкий прибыл на Волгу, когда пала Казань. Если говорить образно, у красных «почва была заражена паникой». Уже открывался путь на Нижний Новгород. А оттуда — на Москву. Но он смог вызвать из глубин России тысячи коммунистов. Да, они не владели оружием, но хотели победить во что бы то ни стало. Они влили в загнивающую армию новые идеи, новые «соки».

— Николай Николаевич, идеи идеями, но война принадлежит профессионалам!

— А вот тут Троцкому просто повезло. В то время на Восточном фронте находился полковник Вацетис.

— Это тот, кто командовал дивизией латышских стрелков?

— Совершенно точно, он. Это была единственная боеспособная часть, сохранившаяся от старой армии.

— Как понять? — не понял собеседник.

— Все просто. Теперь понятно. В дивизии были латышские батраки, рабочие, крестьяне-бедняки. Они ненавидели балтийских баронов. Вот эту ненависть исполь-

зовала наша власть в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в нашей прежней армии. Так вот, после февральского переворота они почти что все пошли за большевиками и в Октябрьском перевороте сыграли большую роль. Шестого июля, в день мятежа левых эсеров вообще были главной силой, разогнавшей этих политических авантюристов.

— А сейчас?

— Не знаю. Поговаривают, что Троцкий его собирался сместить?

— Всякое говорят. Говорят, что он стал профессором Военной академии у Советской власти. Бог с ним! Мы все выбираем свой путь.

— А вы как оказались в аппарате Троцкого?

— Ничего удивительного. Вы же знаете, что Лев Давидович смог привлечь на сторону новой власти практически половину старших и высших офицеров Генерального Штаба. И не только Генерального штаба. Я был в их числе. Хотелось чего-то нового, свежего. Но все оказалось старым, как вся история человечества. Насилие, кровь...

— Тем не менее...

— В то же время с вехом генерала Алексева я активно участвовал в подпольной деятельности Национального центра под общим руководством Николая Николаевича Щепкина. Он руководил военной организацией Национального центра и вместе с полковником Ступиным возглавлял Добровольческую армию Московского района.

— Чай, кофе, Николай Николаевич? — Лукомский вопросительно посмотрел на Стогова.

— Если не трудно, чай, — кивнул головой Стогов.

Лукомский подошел к чайному столу, положил в заварной чайник щепотку черного чая и залил все это кипятком из урчащего самовара. Подождав несколько минут, он налил чай в широкую, расписанную под китайских мастеров чашку, и подал ее Стогову.

— Благодарю вас, генерал, — кивнул Николай Николаевич. И продолжил: — Потом меня перевели в государственный архив. Допрашивали в ЧК, отпустили. А в начале осени девятнадцатого года во время ареста руководителей национального центра я бежал из Москвы, в ноябре с большим риском перешел линию фронта и явился к генералу Деникину. Был сразу же назначен начальником по созданию укрепленной позиции в районе Ростова. А двадцать девятого декабря стал начальником штаба Кубанской армии. После отступления Кубанской армии на Черноморское побережье в марте двадцатого года я с частью войск прибыл в Севастополь.

— И как вы себя чувствовали вблизи барона Врангеля?

— Никак. Мы занимались совершенно разными делами.

— Да, да, я знаю. Вы все рассказали, как на допросе в ЧК.

— Вы совершенно правы, господин генерал-майор. Точно также я докладывал на допросе у чекистов. Только они про национальный Центр ничего не услышали. Поэтому и выпустили на волю. Предъявить было нечего. Кстати, господин генерал, среди них тоже есть люди разные. Есть и изверги, есть и высокие интеллектуалы.

— Да, Николай Николаевич, биография у вас, можно сказать, безупречная. По словам барона Врангеля, подобно адмиралу Кедрову, вы, генерал Стогов, оказались на высоте положения во время эвакуации из Крыма в ноябре двадцатого.

— Тут ходит много суждений о том времени, — пожал плечами Стогов. — Но у меня создалось впечатление, что Петр Николаевич с первых дней своего правления в Крыму готовился его сдать.

— Я не совсем вас понимаю! — удивился Лукомский.

— Я прибыл в Крым в марте, в конце мая назначен комендантом Севастополя и

командующим войсками тылового района. И, естественно, был ознакомлен с секретным апрельским приказом. Номер его не помню.

— Неважно,— отмахнулся собеседник.

— Так в том приказе было написано, что... Могу быть не точен... «Соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж и для перевозки, в случае необходимости, 60 тысяч человек в Константинополь». Вот так-то! Это в апреле!

— Не знал, не знал об этом. А сейчас?

— Барон Врангель — личность несомненно выдающаяся, но одновременно неоднозначная и противоречивая. Я обязан ему за то, что он пригнул меня в Крыму. Но со многими его поступками в то время не согласен. Я предан Белому движению, но никогда не буду оправдывать те грабежи и насилие, которое наша армия вытворяла в Крыму. Тогда Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше нагрabить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения. Во главе гарнизона стояли лица старого режима. Все сводилось к тому, чтобы отписаться: не им было справиться с наступившей разрухой.

Генерал Слащев рассказывал мне об одном любопытном случае. В поездах были беженцы. Узнав, что беглецы не только не получали за 3—5 месяцев жалованья, но не имеют и авансов для довольствия, он приказал задержать в тех же поездах людей казначейства с наличностью, сдать деньги в джанкойское казначейство, а последнему удовлетворить беженцев. Чтобы сократить процедуру операций, приказал выдать именно авансы, а ведомости и оправдательные документы требовать потом. Казначей долго не соглашались на такое беззаконие: как можно перенести из одной графы в другую цифры и удовлетворить части авансами без формальной требовательности ведомости, а только по ассигновке части?! А толкать людей на грабеж или голодную смерть можно. За такое распоряжение Слащев получил выговор от Деникина.

Можно сказать, что барон был отчасти и позером.

— Что вы имеете в виду?

— Перед самой погрузкой на пароход генерал Врангель вышел из дверей гостиницы одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. За ним его штаб, в том числе и я. Обходя фронт генерал Врангель остановился перед атаманцами и обратился к ним со ставшими теперь историческими словами: «Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете теперь и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я и, тем более, не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники».

И генерал прямо указал рукой на группу военных представителей Англии, США, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него.

«Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут ее от красного ига. Мы же сделали все что было в наших силах в кровавой борьбе за судьбу нашей родины...

Теперь с Богом. Прощай русская земля».

А о противоречиях генерала Врангеля с Великим князем Николаем Николаевичем я знаю. И буду на стороне последнего.

— Вот и отлично, Николай Николаевич. В эмиграции вы проживали сначала в Земуле, в Сербии, а затем переехали в Париж, где поступили рабочим на завод.

— Вы все знаете. Зачем спрашиваете? И теперь я нахожусь перед вами.

— Я хочу предложить Вам сотрудничество при Великом Князе Николае Николаевиче.

— Я уже сказал, что согласен.

— А что с вашей семьей, господин генерал-лейтенант?

Стогов помрачнел.

— Ничего не знаю. Только одно известно, что в девятнадцатом расстреляли в Москве мою жену. За что? Я этого тоже не знаю... Она поехала в Москву в поисках нашего сына. А я уже был в бегах... — Стогов обреченно махнул рукой.— О судьбе дочерей тоже ничего не знаю.

### 1923 год. Город Белев, Тульская губерния

Стогова Екатерина Николаевна, родилась 21 октября 1895 года.

Проживает в городе Белеве на Монастырской улице в доме Василькова. Из дворян, дочь генерала. Девица. Беспартийная. До Белева проживала в Гельсингфорсе, Петрограде, при родителях.

— В мае 1917 года вы выехали в Москву и с октября 1919 года находитесь в Белеве. Вы не судимы.

Уполномоченный отдела ОГПУ в городе Белеве Леша Киреев, парень двадцати двух лет, румяный от природы, и с четырьмя классами церковно-приходской школы, абсолютно уверенный в своей правоте, обозначенной час назад его начальником, производил допрос.

Киреев уточнил:

— Я правильно изложил ваши данные?

— Успокойтесь и не нервничайте, господин чекист.

— Гражданин...

— Гражданин. Не возражаю.

— Еще бы! Так что вы можете рассказать на мои вопросы?

— Сестра моя Надя уехала в Москву в среду на второй неделе после поста с целью продать две ценных иконы, принадлежащих нам лично. Причем, сестра намеревалась продать эти иконы именно в Москве, потому, что там можно продать подороже.

Надежда по почте прислала мне письмо, в котором сообщала, что свидание с сестрой получится, на что таковое ей обещают дать через неделю. Она, поэтому, постарается захватить в Тулу на обратном пути из Москвы. Вчера, то есть 14 марта, я получила второе письмо по почте, в коем она сообщила, что за иконы дали очень дешево, то есть по одному миллиону. Приедет она в Белев в пятницу 16 марта или во вторник. Останавливается моя сестра у бывших наших знакомых — Ускова Константина Михайловича.

— Назовите адрес.

— Он проживает в Туле по адресу: Обуховский переулок, дом номер семь.

Из писем моей сестры мы получили три письма. Причем два из них написаны на нашу квартиру, а одно — на квартиру Веденских с передачей Надежде Николаевне. Без фамилии.

Во время германской войны мой отец Николай Николаевич Стогов как генерал все время находился на фронте, мы же, дети, вместе с нашей мамой Екатериной Тихоновной проживали в Петрограде. В мае восемнадцатого года вся семья наша переехала в Москву, так как папа был назначен на службу в Москву, кажется во Всероссийский Главный штаб в качестве начальника. Мы проживали на Смоленском бульваре в доме номер восемнадцать, в особняке. В Петрограде у нас осталась квартира с обстановкой, каковую не взяли в Москву, предполагая, что в Москве мы будем жить временно. В этом же году папа был переведен в какой-то военный архив, но в какой, не знаю. В конце восемнадцатого года мой отец был арестован, но за что именно, не знаю, а равно не знаю, кто арестовал. Он сидел в Бутырке недели две, а

потом был освобожден. Вторично мой отец был арестован, кажется, в начале девятнадцатого года. Причем, как в первый, так и во второй раз у нас в квартире был произведен обыск. Кем именно, я не знаю. После ареста отец был направлен в Бутырскую тюрьму, а потом в лагерь, откуда после работы он иногда посещал нашу квартиру. Таким образом он просидел в заключении примерно месяцев пять. Припоминаю, что в девятнадцатом году, кажется в августе месяце, мой брат Николай отправился к знакомым Щепкиным, проживающим в Неополинском переулке за продуктами для больной сестры, откуда почему-то долго не возвращался. А потому за ним пошла мама, которая, как мы уже узнали после от приблизительно недели две как вернувшегося из тюрьмы брата Николая, была арестована вместе с ним. После этого мама уже не вернулась. Сестра Татьяна ходила справляться о ней на Лубянку, но там ничего не говорили. И уже по приезде в Белев Таня сказала, но кем именно, не говорила. В день ареста мамы папа был у нас дома, но после этого не приходил ни разу. После того, как расстреляли маму, мы, то есть сестра Татьяна, Надежда, Ольга, я и брат Николай поехали к тетке — папиной сестре Лукерье в Белев. Туда поехали под фамилией Санины, присвоив себе девичью фамилию матери. По чьей инициативе мы сменили фамилию, я не знаю. То ли Татьяны, то ли нашего дяди. Не знаю. У дяди мы жили до лета двадцать первого года. После этого начали жить под фамилией «Стогов». Почему Таня решила вернуть назад фамилию, я точно не знаю.

В конце двадцать второго года мой брат Николай ездил в Петроград и в Москву устраиваться учиться. Попутно с этим он навел справки о папе. Удалось узнать от мужа моей сестры Тани Иванищева Герасима Дорофеевича, проживающего в данное время в Москве и служащего в московском географическом обществе.

— Где живет?

— Точного адреса не знаю. Он сообщил о том, что папа находится в Сербии. Но точны ли эти сведения, я утверждать не могу. У сестры Татьяны, ныне арестованной, адрес Иванищева есть. Но где он теперь, я не знаю. Поясняю, что приблизительно через неделю или две после ареста мамы один из наших знакомых Бениваленский Валентин Ефимович...

— Его адрес?

— Он проживает в Москве, угол Смоленского бульвара и Пречистинки в большом доме в квартире номер сто или сто с чем-то. Он передал нам от папы, чтоб мы все продавали и передал от него восемь тысяч денег. Об этом он сказал сестре Наде, а она нам. Бениваленский говорил, что встретил папу в концентрационном лагере. Папа из лагеря убежал и приблизительно с месяц проживал на станции «Сходня» у своего родственника Крымова Дмитрия Васильевича. Под какой фамилией он жил, не знаю.

— Откуда вам это известно?

— Эти сведения мой брат Николай получил от Крымова, который живет в настоящее время в городе Богородске и служит учителем. Он рассказал брату, что со станции «Сходня» папа бежал в Крым к белым. Потом сестры между собой говорили, что потом он бежал в Константинополь. Откуда им стало это известно, не знаю. После этого, вплоть до сообщения Иванищева никаких сведений о папе мы не получали. От него весточек тоже не было никаких. С Крымовым со станции «Сходня» мы не переписывались. Только Николай один раз с ним встретился. От жены Крымова Лидии Владимировны мы действительно получили недавно двести миллионов рублей, но через брата Николая.

— Вы давно знаете Садовского?

— А с Садковскими мы познакомились только в Белеве. Ранее их не знали. Николай нас ободрял и говорил, чтобы мы не падали духом. Сестра Надя должна быть у Садковских. Жене Чижова о побеге папы и его похождениях я не говорила. Может быть, говорила Татьяна. Говорил ли мой брат своему товарищу Олегу Чижову, я не

знаю. С Добариновым Николаем Ильичем мы знакомы и находимся в хороших отношениях. После ареста Татьяны вторая сестра Надежда ходила на квартиру к Добаринову и просила его отнести в тюрьму сестре посылку. Он это охотно исполнил, так как ехал в Тулу работать в Рабкрин. Просила ли его Надежда поспособствовать освобождению сестры, я не знаю. Екатерина Филипповна, прислуга Игнатия Садковского, мы знаем, но у него на квартире она не бывает. О том, что Георгий Садковский — белый офицер, я узнала от Татьяны. Она говорила мне, что Георгий был арестован, бежал и скрывался. Но, где был арестован, за что и когда, не знаю. Татьяна таких подробностей мне не говорила.

### 1923 год. Город Париж

Генерал Лукомский внимательно смотрел на Стогова. И, когда молчаливая пауза затянулась, он произнес:

— Господин генерал, Николай Николаевич, не обижайтесь. Я лично вам верил и верю сейчас. Ваша биография говорит обо всем. Но, приходится соблюдать этот формальный ритуал.

— Да, все я понимаю,— отмахнулся Стогов.— Что вас еще интересует?

— Больше ничего. Только личное любопытство. Честно говоря, не знал, что вы — уроженец Белева. Казалось, что вы — москвич или петербуржец.

— Я — наследственный дворянин.— Стогов рассмеялся: — Господин генерал, вы не первый, кто так думал. Уж до чего проницателен был покойный генерал Брусилов... Преклоняюсь перед его полководческим гением!

— Я тоже. А Вас не смущает, что он перешел на сторону большевиков?

— Я — идейный сторонник Белого движения, но знаю одно. Он — честный и порядочный человек. Для меня этого достаточно. Его поступок — дело его убеждений. И я его не осуждаю.

— Конечно, конечно,— согласился Лукомский.— Да вы пейте, пейте чай. А то он совсем остынет. Вы как-то скромно сказали о вашем участии в карпатских боях пятнадцатого года, когда пал Перемышль, эта грозная крепость.

— Да, пала. Но какими усилиями и потерями далась эта победа! — Стогов замолчал, вспоминая события тех лет. Потом грустно произнес: — К началу зимы четырнадцатого-пятнадцатого годов положение наших войск ухудшилось: помимо нехватки боеприпасов и продовольствия наша восьмая армия начала страдать и от холода — в горах выпало много снега, ударили морозы. Войска оставались в летней форме, а интендантство фронта не проявляло необходимой распорядительности. Хуже всего было с сапогами. Между тем Алексей Алексеевич запрашивал соответствующие инстанции еще в сентябре, но получил ответ, что теплые вещи направляются в первую очередь войскам Северо-Западного фронта — там зима, мол, суровее и наступает раньше. Но в горах, как известно, зима приходит рано и бывает лютой. Не ожидая, когда интендантство позаботится, Брусилов распорядился по собственному усмотрению закупать в тылу теплые вещи и немедленно доставлять их прямо на позиции. Господи! Что только тогда пришлось пережить!

— Извините, Николай Николаевич, а за что вы тогда в марте пятнадцатого получили орден Святого Георгия? Не всем его давали.

— Все просто, господин генерал,— улыбнулся Стогов,— за то, что «лично повел свой резерв» в контратаку, когда германцы заняли высоту девятьсот девяносто два на Козиовской позиции на Карпатах. После этого меня назначили генерал-квартирмейстером Восьмой армии. Вот откуда я и знаю обо всех наших тыловых трудностях.

— Надо жить настоящим, Николай Николаевич!

— Согласен. Будем трудиться.

**P.S.** Судьба генерал-майора Н. Н. Стогова общеизвестна. В 1928 г., после смерти генерала Врангеля, генерал Кутепов стал председателем Российского Общевоинского Союза. Он назначил генерала Стогова начальником военной канцелярии РОВСа. На этой должности генерал Стогов оставался и после похищения Кутепова советской контрразведкой при генерале Миллере до лета 1934 г. В 1934 г. генерал Стогов возглавил Общество офицеров Генерального штаба в Париже и до конца жизни посвящал ему много времени и сил. Одновременно возглавлял Объединение офицеров Лейб-гвардии Волынского полка в Париже. Сведений о сотрудничестве с нацистами во время оккупации Франции нет, а после Второй мировой войны был избран почетным председателем Союза российских кадетских корпусов, а также Союза Георгиевских кавалеров. Скончался 7 декабря 1959 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

А вот о судьбе его семьи, оставшейся в России после 1923 года практически ничего не известно. Следователь ОГПУ А. Киреев допрашивал сестру Е. Н. Стоговой Надежду, но та ничего нового о своем отце сообщить не могла. Судьбы брата Николая и старшей сестры Татьяны также неизвестны. А вот, о Екатерине поговаривали, что она вышла замуж за того самого следователя ОГПУ Лешу Киреева. Того, якобы за это уволили из ОГПУ, и их следы затерялись на бескрайних просторах России.





**Олеся Янгол**  
(г. Тула)



*Творческий псевдоним — Олеся Янгол. Родилась и проживает в городе Тула. Свободный художник. Пишет рассказы, стихи, сказки на русском и украинском языках.*

*Летом 2010 года на Украине, в издательстве «Карпатська вежа» вышло две книги «Мантриця 1» и «Мантриця 2», куда включены ее рассказы и рисунки, а так же оформлена обложка «Мантрицы 2»*

*«Литература — это крылья, помогающие подняться над действительностью, окинуть эту действительность взором, и по возможности правдиво облечь в слова».*

#### **ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ**

Рано еще, темно. Рядом спит братишка, потирает нос кулачком, улыбается во сне. А я еще совсем маленькая девчурка, мне четыре годика, а брату, шесть, седьмой. Ему осенью в школу, в мамину. Это там, на горе, рядом с сельским магазином. Мы бегаем туда каждый день через колхозный сад с Володею и его дружкой Яшею. Забираемся на завалинок и заглядываем в классы. В классах сидят ученики и что-то пишут, а наша мама рассказывает им уроки и пишет на доске. Я, когда вырасту, тоже стану учительницей, как мамочка и как папочка. Только папа работает в другой школе, в другом селе. В Мотовиловке. Он ездит туда на велосипеде. Я была там два раза, папа возил меня и Володю. Там школа больше маминной. В ней два этажа и много классов, много учителей и учеников. А папа мой директор, он в школе самый главный.

Сквозь печную шторку я вижу, как суетится наша бабушка Саша. Она носит воду в кадущку, режет хлеб, разливает по тарелкам вчерашний борщ.

— *Доню, Миколо, сідайте снідати* (1), — завет она моих родителей.

Мамочка моя самая красивая. У нее толстая черная коса вокруг головы, а на шее красные бусы. Она иногда разрешает мне их надевать, а когда я вырасту, то отдаст мне насовсем.

А папочка мой сильный и высокий, и самый лучший. Он никогда меня не ругает, иногда только Володю, когда тот начинает меня дразнить.

Я бегаю за Володей и Яшей целыми днями. Куда они, туда и я. Мы друзья. Мы играем в войну, и я всегда бываю медсестрой, но иногда мне хочется быть солдатом. Только Володя с Яшей не разрешают. Они говорят, что девочки должны быть медсестрами.

— *Мамо, мамусю,* — зову я сонным голоском.

— *Спи донечку, спи. Рано ще* (2).

Мама встает на лавку и гладит наши головки. Целует наши лобики, и я проваливаюсь в сон.

Рано еще. Темно.

— Володя, куда вы? Я с вами! — бегу я за братиком.

— Отцепись Надюська, мы на ставки. Тебе туда нельзя, мала еще,— оборачиваясь, кричит на бегу Володя.

Я не отстаю, я упрямая. Володя встречает Яшу, и они припускают от меня через канаву. На гору, к водонапорной башне. Я падаю, раздираю коленку в кровь и реву. Не из-за боли, а от обиды. Противные мальчишки. Кто-то поднимает меня на руки. Это моя бабушка. Обнимает и несет обратно, в хату.

Моя бабушка высокая, высокая, и худая. У нее такие длинные платя, что я в них утопаю. Она всегда носит платок на голове, а под платком длинная белая коса. Мама говорит — не белая, а седая. *Бабиця* (3) наша старенькая. Самая добрая, самая любимая. А дедушка, на портрете в третьей комнате. У него длинные усы и орден на груди с крестом. Он офицер. Я его никогда не видела, потому что он пропал без вести. А *бабиця* Саша за ним убивается. Она иногда тихо-тихо, сядет на стул под портретом и поет жалную песню. Только чтобы никто не видел, когда родители на работе. А мы с Володей во дворе. Я иногда тихонечко зайду в темный коридор, и хотя мне бывает страшно, заморожено слушаю бабушкину жалную песню. А она там поет, про *дiда Сергiя* (4), про то, как злые люди их разлучили. Про *Гурал* (5) поет, про холод и голод, про маму мою поет, про то, как они, вдвоем с Урала шли пешком в родное село. Наконец, мне делается очень жалко бабцю, я распахиваю дверь в комнату и из темного коридора бегу к ней, обнимаю, прижимаюсь.

— *Бабиця* Саша, не плачьте, я вас сильно люблю.

Ну и пусть их бегут, эти мальчишки, а я с кролями играть буду. Открою клетку, достану за уши своего любимчика Белянчика, выпущу на травку и бегаю за ним. Нарву клевера, покормлю, поглажу. А иногда, заверну в пеленку и баюкаю, как своего ребеночка. А Володя всегда смеется и дразнится и зовет меня — Надюська-бабуська. Но я на него не обращаю внимания, ничего он не понимает, хоть и старше меня, почти на три года.

Обедаем мы в хате, сидя за высоким столом на деревянной лавке. Лавка такая гладенькая, что кажется мне мягкой, как перина. Я люблю гладить резную спинку, проводить пальчиками по узорам, дырочкам, квадратикам. Лавка наша пахнет по особенному, теплым *бабициним хлiбом* (6) и молоком. Мое место, в самом углу. За спиной, на полочке, папины тетради и наши с Володей, зеленые тетрадки с рисунками. И много всяких папиных книг и газет. Это мое самое любимое место в хате. В плохую погоду я часто забираюсь на лавку. *Бабиця* зажигает масляную лампу и становится тепло и уютно, хотя за окном моросит дождик или дует сильный ветер. Володя садится рядом, раскладывает тетрадки и карандаши, и мы начинаем рисовать. Писать я еще не умею, а Володя уже знает много слов: его вечерами учит папа. Он уже умеет писать слово «*Лiтак*» (7). Сначала он рисует самолет, а потом очень красиво пишет. Я прошу, чтобы научил меня, и он становится серьезным и, как папа, показывает мне буквы. Я пытаюсь писать, как он, но у меня получается все наоборот. Володя смеется и бежит показывать маме. А мама в комнате за столом, проверяет тетради. Она подходит ко мне и видит, что я дуюсь и вот-вот зареву.

— *Не плач, доню, ти ще маленька, а вже так гарно пишеш. Розумничка! Дивись, я навчу тебе, як писати слово «зошит»* (8).

Она медленно пишет каждую букву, а я повторяю за ней. Получается красиво, хотя и немного криво. Но я горда и этим.

— *Надюська-чиплюська! Надюська-чиплюська!* — дразнятся ребята и убегают от меня в поле, к собранным стогам.

Я бегу вслед, теперь уж от вас не отстану. *Хлопчики* забираются на самую верхотуру.

— Давай прыгать! — кричит Яшка.

— Будешь нам посадочную площадку строить? — примирительно предлагает Володя.

Я с радостью тут же забываю обо всех обидах и начинаю снизу таскать сено. Укладываю ровно крест-накрест, чтобы прыгать было мягче.

— Я, когда вырасту, летчиком стану! — радостно кричит Володя и прыгает вниз.

— Я тоже! — повторяется Яшка.

Он всегда за Володькой повторяется. Что мой брат, то и Яшка.

— А я учительницей буду, — важно заявляю я, но ребята меня не слышат, они уже бегут на дорогу, там дядька Степан гонит лошадей. Я лошадой боюсь, они могут копытом ударить, и забираюсь на стог, повыше. Я вижу, как дядька Степан сажает по очереди Володю и Яшу на коней, и те бесстрашно скачут по полю. Вот бы и мне так. Мне становится грустно и скучно одной, но я не слезу со стога, пока не пройдет весь табун.

Сегодня *свято* (9), и мы идем в гости. *Бабця* с мамою с вечера намыли нас, мы просыпаемся чистые и душистые. Мои волосики, как пух вокруг головы. Мне нравится любоваться ими, и я бегаю в спальню к родителям, забираюсь на диван и дивлюсь в зеркало на свою темно-каштановую копну.

— Мама, когда я вырасту, у меня будет такая же коса как у вас, — доверительно шепчу я ей.

— *Ще краще буде, красуня моя* (10).

Мама расчесывает мои волосы и делает две тонюсенькие косички. Вплетает красные, шелковые ленточки и завязывает банты.

Как красиво!

Я, одетая в новое платьице, перешитое бабушкой из своей блузки, синее в белый горошек, представляю, что принцесса, и аккуратно сажусь на лавочку во дворе.

Володя на меня сегодня не дразнится, он сам одет в белую рубашку и синие новые брючки. Видно — чувствует себя неуютно и крепко помнит родительское предупреждение — не бегать и не мазать одежду. Он садится рядом и ждет родителей.

Мы молчим, но каждый из нас в предвкушении праздника. Это значит угощение, сладкая газировка и даже, может быть, шоколадная конфета. Мы идем к Яшиным родителям, а Яшка вчера говорил, что папа ездил далеко, в Житомир, и привез оттуда большую, красивую коробку. Может там конфеты?

Наконец, мама и папа вышли — красивые и нарядные. У папы в руке сумка, а в ней сладкие вафли. Вчера бабця, целый день их пекла.

Через канаву папа переносит меня на руках, а Володя аккуратно обходит грязь. Он, украдкой смотрит на родителей: «Видите, какой я сегодня послушный», а так хочется побежать, скинуть непривычные сандалии.

— Добрый день! Доброго здоровья!

Соседи, тоже красиво одетые, раскланиваются с нами.

— Какой *хлопчик* у вас большой, Николай Иванович! Скоро в школу? И Наденька уже большая!

Я радостно краснею и крепче обнимаю папу за шею.

За столом мы весело толкаемся ногами с Яшей. Я внимательно прислушиваюсь, о чем переговариваются мальчишки. Они хотят после обеда побежать на *ставки* (11). От Яшки до *ставков* ближе, поэтому я решаю, что побегу за ними, даже если они меня с собою не возьмут.

Взрослые ведут свои неинтересные беседы, а мы уже наелись и нам не терпится

на улицу. Наконец, Яшин папа разрешает. Ребята вскакивают с мест и стараются убежать без меня. Но Яшина мама говорит:

— Надю с собой возьмите. Далеко не бегайте, еще чай не пили.

Вот так то! Я торжествую, а мальчишки, насупившись, берут меня за руки.

— Мы на *ставки*, — шепчет Володя, — родителям не говорить!

— Хорошо! — торжественно обещаю я.

Здесь совсем недалеко. Можно через кладбище, так еще быстрее. И мы бежим по пыльной дороге, что есть духу.

На кладбище совсем не страшно. Там высокая трава, много цветов, а еще солнышко светит. Но я все равно беру Володю за руку, мало ли что. Мы пулей пронесимся по узкой тропинке, стараясь не смотреть на фотографии на памятниках. Ух, аж дух захватило! Мне хочется сказать, что обратно пойдем в обход, но я молчу, а то ребята будут дразнить меня трусихой.

На *ставках* хорошо! Можно искупаться, поваляться на песочке. Мальчишки уже ныряют, а я осторожно мочу пятки в теплой прозрачной водичке.

— Здравствуй, Надюська! — ко мне подходит старенький дед Иван. Он наш родич. Моего деда Сергея, брат. Он часто ходит до нас в гости и всегда приносит сахарные тянучки, которые готовит тетя Марийка, его дочка.

— Вот я, сейчас тебе раков дам. Смотри сколько наловил!

Дедушка раскрывает травяную подстилку в корзинке, и я вижу, как раки копошатся на дне, шевелят клешнями, наползают друг на друга.

Мне боязно, но сказать об этом стыжусь и заворожено смотрю на этих страхолюдин.

Володя с Яшей, все мокрые, радостные, подбегают к нам.

— Ух ты, раки! — радуется братик.

— Ну-ко, я вам в пакет сейчас насыплю.

Яшка с Володей бесстрашно держат пакет, переминаются босыми пятками, и подмигивают друг дружке.

— Во, наварим! — говорит Яшка.

— Привет родителям передайте, — говорит дедушка, — *бабце* Саше скажите, завтра зайду.

Мы благодарим, и я начинаю одеваться. Вот здорово! Наварим раков, отнесем родителям. Всех угостим!

По дороге домой случается неприятность. Яшка посадил на мое платье рака. Когда я заметила, то начала сильно кричать. Яшка засмеялся, а Володя, напротив, стал успокаивать меня и отцеплять рака. Тот впился в платье клешнями крепко, и никак не отставал. Я, вся в слезах, сижу в траве. Яшка перестал смеяться, наверное, понял, что сделал глупость. Он начал помогать Володе и неуклюже гладил меня по голове.

— Не плачь, Надюська, мы враз его отцепим.

— Давай палочку в клешни засунем, — предлагает Володя.

Нашли палочку, подсунули под клешню, тогда только отцепили. Но тут, я увидела на платье огромную дырищу и громче прежнего залилась слезами.

Володя с упреком посмотрел на друга, тот совсем сник и готов был сам расплакаться.

— Не плачь, — обнял меня братик, — я так зашью, что никто не заметит.

Мои косички совсем растрепались, глаза краснющие, как ленточки в волосах. Мне так было горько оттого, что платье это шила *бабця*. Она распоролла свою самую красивую шелковую блузку. Она так старалась, и вот теперь все пришло в негодность. Мне совсем даже не страшно было, что могу получить ремня от папы. Я плакала от того, что *бабця* Саша огорчится, а я так сильно ее любила.

Наказали Володю и Яшу. А мне дали целый пакетик шоколадных конфет.

Мама несла меня до дома на руках. А папа шел впереди с Володей и молчал. Он ничего не сказал братику, только внимательно и грустно посмотрел в глаза. Я знаю — для Володи это было самое страшное наказание. Я уже забыла за платье и плакала за Володю. Мне так было его жалко, он же совсем не виноват. А мама утешала меня:

— Ничего *доню*, я такую заплатку поставлю, ни один человек швов не разглядит. Будет твое платье, как новое!

— У-у-у, — хнычу я горько, — жалко!

— Не плачь, дитяtko. Ну, что тебе жалко?

— Воло-о-о-дю жалко!

Мамуся остановилась, глянула на меня внимательно, внимательно. Улыбнулась, крепко обняла, поцеловала и поспешила вперед, за папой и Володей. Она обняла моего братика за плечи и искоса глянула на папу. Тот промолчал, а Володя перестал хмуриться.

А папа сказал вдруг:

— Давайте раков сварим? Возьмем с собой *бабцю*, и на нашем поле костер разложим.

— Давайте! — радостно воскликнул Володя.

— Ура! — крикнула я, и раздала всем по конфете. А две оставила *бабці* Саши. Хоть она их и не ест, я все равно подарю.

Перевод с украинского:

- (1) Дочка, Николай, садитесь завтракать.
- (2) Сти доченька, сти. Рано еще.
- (3) Бабушка
- (4) про деда Сергея
- (5) Урал
- (6) бабушкиным хлебом
- (7) Самолет
- (8) Не плач, доченька, ты еще маленькая, а уже так хорошо пишешь. Умница! Смотри, я научу тебя, как писать слово «тетрадь»
- (9) праздник
- (10) Еще лучше будет, красавица моя.
- (11) пруд



## ...И ПОЛИЛАСЬ МУЗЫКА

*Сон, приснившийся во время болезни.*

*Почти киносценарий цветного фильма, главную роль которого, мог бы сыграть Евгений Леонов.*

*(А может быть это даже предыстория к фильму «Старший сын»).*

*Эксцентричная комедия со счастливым финалом.*

И вот он, главный театр большого города. Весна, чирикание воробьев, светлые фигуры спешащих прохожих, все это придало смелости маленькому, в меру упитанному человечку средних лет. И он, зажав покрепче подмышкой свой выдавший виды коричневый портфельчик, взбежал по ступеням театра. Высокие потолки вестибюля и величественные колонны чуть было не отобрали едва набравшуюся в нем смелость, но сбегавшая со ступенек веселая гурьба детворы вновь вернула уверенность, и человек с храбрым видом сдал свою шляпу гардеробщику.

— Мне к директору театра, — громче, чем хотелось, произнес он.

Гардеробщик с видом хозяина бесцеремонно осмотрел дешевенький костюмчик человечка. Хмыкнул при виде стареньких ношеных ботинок. Но, оценив всю фигуру целиком, — видимо упитанность человечка благотворно повлияла на оценку гардеробщика — молча, указал рукой на широкую лестницу с витыми перилами.

Кабинет директора за высокими деревянными неприступными дверьми. Перед кабинетом за письменным столом не менее неприступная секретарша.

— Мне к директору театра, — уже не так громко, скорее даже тихо произнес человек.

Секретарша с красными губами и величественным бюстом принялась так же бесцеремонно, как и гардеробщик, осматривать вошедшего. По всей видимости, она была дочерью гардеробщика или, во всяком случае, ближайшей родственницей, потому что на ее лице промелькнули один за другим те же выражения, которые мелькали и у гардеробщика. Упитанность человечка победила, и секретарша, связавшись с директором, молча, указала рукой на неприступную дверь. Человек пригладил свои редкие уже волосы, поправил галстук, пощупал выдавший виды портфельчик и решительно подошел к двери. Дверь действительно оказалась неприступной. С первого раза открыть ее не удалось, пришлось упереться ногами в пол и собрать все свои силы. Нехотя и даже со скрипом дверь все же поддалась и выпустила человечка в недра кабинета.

Кабинеты директоров, хотя и разные на вид, все имеют одно и то же свойство. Свойство подавления. Откуда берется это свойство, человечку было невдомек. Может им специально пропитывали стены и потолки? Вот и сейчас это свойство окутало с ног до головы человечка, и он в нерешительности остановился. Директор, сидящий за массивным деревянным столом, что-то писал. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял свою директорскую голову. Его взгляд стремительно и профессионально оценил внешний вид человечка, но, даже дойдя до упитанности, не потеплел и не стал благодушным.

— Что у вас? — спросил директорский голос.

— Вот, — нерешительно протянул человек свой выдавший виды портфельчик, — «Весенняя симфония»

— Какая еще «Весенняя»? — вскочил с кресла директор. — Вы что, не знаете, что у нас сегодня премьера «Зимней сонаты»? Вы что, не видите, какие идут приготовления в театре? Вы что, не в курсе, что я занят по самые уши? А вы суете мне в нос вашу «Весеннюю». Мы еще «Зимней» не отыграли! Вон!!!

Гулкое эхо пронеслось по всему театру, и даже монтажники, крепившие декорации в зале бросили свой кефир и принялись монтировать сцену.

Человечка вынесло из кабинета силой звука, и он побежал, не разбирая дороги. А кругом суетились люди. Они сталкивались друг с другом, здоровались или ругались, кричали или смеялись, торопились. Залы и коридоры театра готовились к премьере «Зимней сонаты».

Премьера обещала быть грандиозной. Шутка ли, готовились всю зиму. Новейшее оборудование, фантастические декорации, громкая рекламная акция. У человека от суеты голова пошла кругом, и он, отрешившись от толпы, поплелся вниз. Мимо несли что-то огромное и блестящее. Сразу несколько рабочих поддерживали многогранную звезду. Ее длинные острые лучи заняли весь проход, и человека оттолкнули к стене. Но у стены несли что-то еще, и человека снова оттолкнули. Он, балансируя, развел руки пытаясь удержаться на крутых ступеньках, но кто-то вновь толкнул, и человек покатился вниз. Внизу сел на мраморный пол, потер свой разгоряченный лоб и вдруг понял, что у него чего-то не достает.

«Мой портфельчик!» — пронеслось у него в голове.

Человек вскочил, посмотрел наверх и увидел, как его выдавший виды старый кожаный портфель, зацепившись за один из лучей, покачивается на звезде.

— Моя симфония! — нерешительно крикнул он.

Но его никто не расслышал. Люди поднимались и спускались, спешили, торопились, толкались. Премьера через несколько часов, а еще столько нужно сделать.

Человек собрав все остатки своей решительности принял решение пробираться наверх. Он даже начал действовать локтями и на середине пути подумал, что все же, иногда, локти бывают полезны. Он снова на втором этаже, но звезда скрылась за поворотом. Пришлось вновь бежать и лавировать, обходя встречных и поперечных. Звезду внесли за какие-то огромные двери, но дверей так много, что вспомнить за какие, человеку сложно. Он вбегает в первые, и натывается на монтажников. Те вновь кидают свой кефир и принимаются неистово стучать молотками. Человек бежит дальше. Помещения с непонятными перегородками, веревками, рычагами, колесами и шестеренками. Весь этот лабиринт незаметно затянул в себя, и найти выход уже невозможно. Он лихорадочно бежит туда-сюда, и выбегает на длинный балкон. Перед ним раскрывается театр. Это огромная раковина из золота и красного бархата. Шикарные кресла с витыми подлокотниками каскадом спускаются вниз. Внизу, озаренная ярким светом рампы — сцена, по которой бегают люди. Еще ниже, перед сценой оркестровая яма. В ней уже идет репетиция сонаты. Гавоты, гобои, тромбоны и трубы играют вразнобой. Эта какофония словно служит музыкальным оформлением к общей суете. И вот, человек видит звезду. Ее принесли на сцену. Она сияет своими лучами, а наверху, на самой ее верхушке покачивается выдавший виды старенький портфельчик.

— Мой портфельчик! — кричит человек и, рискуя сорваться вниз, перелезает перила балкона.

Прыгает на кресла, падает, встает и бежит вниз. В оркестровой яме дирижер просит тишины и стучит палочкой по пюпитру. Человек взбегает на сцену. Еще немного, и его портфельчик будет у него в руках. Но тут звезда пошатнулась и поплыла вверх. Увы, это не чудо и не волшебство, просто монтажники, подцепив ее веревками, возносят под самый верх сцены. Человек в отчаянии хватается с пола какой-то шланг, пытается им сбить свой портфель, но звезда все выше и дотянуться уже не возможно. Тогда человек решается на крайнюю меру. «Если это шланг, значит, из него идет вода. Открою вентиль и соблю портфель водой». Он поворачивает вентиль, но оттуда вместо воды вырывается струя снега. От неожиданности шланг выпадает из рук человека и начинает плясать по сцене, обдавая снежной метелью всех, кто

попадаетея ему на пути. Шланг начинают ловить. Кто-то кричит, кто-то визжит. Человечка хватают под руки, но он сопротивляется. Шланг направил струю на оркестровую яму, и все ноты разлетелись по воздуху. Паника среди музыкантов, те кидают инструменты и начинают ловить нотные листы. Дирижер, занесенный снегом, неистово стучит палочкой по попитру.

Человечек видит как его портфель, под самым потолком, цепляется за какой-то рельс, его старая, выдавшая виды кожа не выдерживает и лопается. Нотные листы «Весенней симфонии» словно огромные хлопья снега вылетают и кружат над сценой. Они смешиваются со снегом из шланга, кружат в вальсе с листками «Зимней сонаты». И вот уже окончательно разлетаются над оркестровой ямой.

Человечка вновь хватают двое огромных охранников и несут в вестибюль. Его торжественно проносят к дверям, а в след доносится директорское:

— Во-о-о-н!

Человечка бесцеремонно выкидывают на улицу. Он несколько мгновений сидит на теплом асфальте ошеломленный, потом вскакивает и бежит к дверям. Но двери заперты. Вдруг они раскрываются, и оттуда вылетает его шляпа. Двери с грохотом закрылись, и сквозь стекло человечек видит, как удаляется гардеробщик.

Человечек поднимает шляпу и садится на скамейку. Он отряхивает поношенный костюмчик, приглаживает редкие волосы, вздыхает, и начинает болтать коротенькими ножками. Весеннее солнышко припекает и не дает упасть духом.

— Вот и слушайте там свою снежную сонату. Мерзните.

Это вся злость, на которую оказался способен человечек.

А в театре, наконец-то удалось утихомирить снежную бурю и унять разбушевавшийся шланг. Последние снежинки упали на сцену, а вместе с ними и нотные листы. Некоторые из них даже приземлились на попитры музыкантов. Паника улеглась, и все вновь принялись за свою работу. Дирижер постучал палочкой:

— С первой цифры, пожалуйста!

И зазвучала музыка.

А на лице человечек встал со скамейки, поднял голову к голубому небу и улыбнулся. Он сложил губы в трубочку и принялся насвистывать нехитрую мелодию. В этот момент окна в театре каким-то чудом распахнулись и ...

... Полилась музыка.

Нежные звуки флейты присоединились к свисту человечка и сплелись в унисон. Прохожие, слыша эту восхитительную мелодию, начали останавливаться у театра и заворожено слушать.

— Что это за восхитительная мелодия? — спрашивали одни.

— Нужно обязательно купить билеты на премьеру, — говорили другие.

— Как называется эта чудная симфония? — спросил один прохожий у человечка.

— Просто — «Весенняя симфония».

Вечером театр был переполнен. И директор уже знал чего ждет слушатель, а потому он приказал сменить блестящую шикарную вывеску — «Зимняя соната», на простую и скромную — «Весенняя симфония».

Но человечек ничего этого не знал. Он возвращался в свой маленький городок в душном автобусе и думал:

«Завтра позвоню своему товарищу, тот давно завет меня быть второй флейтой на похоронных процессиях. А иногда их даже приглашают играть в парке. Но это только по большим праздникам, конечно».





**Игорь Нехамес**  
(г. Москва)



### **БОРЬБА ЗА... ПЕНСИЮ**

Представьте себе человека ростом под два метра, широкоплечего, с уверенной крепкой шеей, который вдруг заходит к вам в кабинет и медленно опускается на стул, превращаясь в мешок костей. Согбенная спина, потухший взгляд и совершенно тусклый, «с трещинками» голос, который в народе называют «хрипотца на последнем издыхании». Он безвольно протянул руку для знакомства. Ладонь оказалась мягкой и вялой.

Начал он сразу с места в карьер:

— Обошел пять адвокатских фирм и везде мне сочувствующе разводили руками — мол, ничем помочь не могут. Может быть, вы что посоветуете?

Дело его оказалось с одной стороны незатейливым, а с другой — после его рассказа пахнуло такой беспредельщиной со стороны чиновников, что захотелось рвать, метать, копать и биться до тех пор, пока не подаришь надежду Ивану Григорьевичу.

Что же с ним произошло? Год и семь месяцев тому назад мой собеседник достиг того «счастливого» возраста, который дает право на пожизненную государственную выплату: ему исполнилось 60 лет, а значит, и право на пенсию. Пенсия была начислена, исходя из различных рекомендаций, методических указаний и так далее, и составила без лужковских надбавок около шести с половиной тысяч рублей. Но не щедедушность размера пенсии обидела Ивана Григорьевича, да так, что он вот же четыре с половиной месяца ходил и не мог эту обиду в себе успокоить.

Выяснилось вот что: когда ему исполнилось 60 лет, он поехал в Тюменскую область к сыну — праздновать юбилей. Сын работает там директором леспромхоза, фигура значительная. Из Ангарска приехала еще и дочь. Торжество было шумным, многолюдным и долгим. А на пятый день пошел Иван Григорьевич поутру поплескаться в речке и... сломал ногу. Хорошо, что через полтора часа мимо проходили мальчишки — вот и увидели его. А так и неизвестно, чем дело бы кончилось. Лежание на земле не прошло бесследно, ибо Иван Григорьевич схватил пневмонию. В итоге провалялся больше четырех месяцев на больничной койке. Потом сноха и сын не отпускали его несколько месяцев, чтобы пришел в форму. В итоге аж через 10 месяцев вернулся он обратно в Москву. Здоровым, посвежевшим и с сибирскими дарами: засушенными грибами, различными вареньями и красивой мохнатой шапкой из полярного волка.

Еще несколько месяцев Иван Григорьевич поработал, а потом начал оформлять пенсию. Принимавшая у него документы женщина средних лет была внимательной и вежливой: она сообщила ему, какие справки нужно принести и как правильно написать одно из заявлений. Когда наконец через полтора месяца документы были приняты, Иван Григорьевич поинтересовался:

— А за год и семь месяцев мне пенсию вернут?

Его собеседница округлила глаза:

— Какую такую пенсию?

— Как какую? — поразился Иван Григорьевич. — Мне же еще в январе 2006 года 60 лет исполнилось!!!

— Я очень рада за вас, живите долго и не болейте, но вам никаких денег не положено. Вот с завтрашнего дня заведут ваше пенсионное дело, так как сегодня я все документы оформлю, предварительно их обработав для компьютерного учета. Вам присвоят номер. выдадут пенсионное удостоверение. Хорошо, что вы уже открыли расчетный счет в филиале Сбербанка — будем перечислять.

— Как это? Почему? Получается, что меня государство кинуло?!

В ответ он получил гневную отповедь:

— Запомните, здесь такими словами разбрасываться нельзя! Здесь государственное учреждение! Мы никого не кидаем, а действуем по инструкции Пенсионного фонда. Можете пойти куда угодно и даже к нашей заведующей, чтобы она вам объяснила — **пенсия в Российской Федерации начинает исчисляться не с момента наступления пенсионного возраста, а с момента обращения.** Это раньше в СССР, когда была «отсталая система», пенсию начинали начислять **с момента наступления события!** Поняли разницу?

Она участливо посмотрела в глаза Ивану Григорьевичу и ласково поинтересовалась:

— Ну теперь вам понятно, дорогой пенсионер?

После этого вопроса Иван Григорьевич минуты четыре сидел на стуле — не мог встать от душившей его обиды. Работница собеса сначала испугалась и его вида и того, что он то сжимает ладони в кулаки, то разжимает. Но, понаблюдав за ним с минуту, успокоилась, ибо поняла, что лично ей ничего не угрожает. Иван Григорьевич все-таки нашел в себе силы встать, пробормотать «до свидания» и медленно выйти. Уходя, он слегка приобернулся и увидел, как обслуживавшая его сотрудница брезгливо повела правым плечом. Это его доконало.

Как принято у нас в России, он несколько дней смотрел в дно стакана и жаловался друзьям, знакомым на несправедливость и бардак, царящий вокруг. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то ему не посоветовал обратиться к адвокатам и попытаться добиться справедливости.

Я слушал историю Ивана Григорьевича и тоже стал понемногу возмущаться. Но не от того, что с ним произошло, ибо у нас чиновники постоянно доводят обычных людей, а Иван Григорьевич 28 с половиной лет отработал шофером-экспедитором, а до этого еще 14 лет — водителем на МАЗе. С учетом 4-летней службы в морфлоте, его общий трудовой стаж составил 42 с половиной года.

**От него скрыли главное: согласно Гражданскому кодексу РФ, срок исковой давности составляет три года. Поэтому у него есть право оспорить решение пенсионных чиновников. И при обращении за пенсией ему обязаны были разъяснить, что он имеет право не согласиться с данным решением и обратиться в суд.** От него эту информацию скрыли. Кроме того, я обнаружил, знакомясь с ксерокопией его трудовой книжки, что в общий трудовой стаж ему не включили два года обучения в РУ — ремесленном училище, где он учился по профессии «слесарь автодела». Значит, ему неправильно рассчитали пенсию, фактически занизив ее.

Появилось основание обратиться с иском в суд. На счастье Ивана Григорьевича, сохранились железнодорожные билеты от его поездки в Тюмень и обратно. По ходатайству Ивана Григорьевича суд отправил запрос в районную больницу, где он лечился. Оттуда прислали эпикриз и справку, в которой сообщали о сроках его нахождения сначала на стационарном, а потом и на амбулаторном лечении.

Судебное заседание откладывалось четыре раза. Сначала чиновница пенсионного отдела выразила сомнение в подлинности железнодорожных билетов. Пришлось назначать экспертизу, а также посылать запрос в «Российские железные дороги». Хорошо, что там пять лет хранят информацию о пассажирах. Право истца была доказана, но чиновница не извинилась, а попыталась оспорить весь период, за который он просил восстановить ему пенсию. А доначислением трудового стажа и, соответственно, проведением перерасчета пенсии, она тоже манкировала, пока судья не припугнула штрафом за неуважение суду.

Наконец, справедливость восторжествовала, и пенсию истцу подняли на 218 рублей, и более чем 115 тысяч рублей назначили к выплате. Суд также возложил на ответчика оплату услуг адвоката, чем особенно противная сторона была недовольна.

Правда, к чести проштрафившихся чиновников, в течение двух месяцев явочным порядком без исполнительного листа, опираясь лишь на судебное решение, деньги Ивану Григорьевичу были переведены, т.е. вся задолженность была возмещена.

Но сколько нервов было потрачено! Сколько переживаний!

Между прочим, чиновники при назначении пенсий пользуются еще одной уловкой. Человек обращается за начислением пенсии. Как правило, сразу собрать все справки и собрать **правильно** мало кому удается. Вам, будущему пенсионеру, подсказывают: где какую справку взять, что из документов нужно донести в следующий раз. Как быстро взять у нас справку — это может рассказать вам любой — пока находишься, пока надеешься...

Наконец, спустя несколько месяцев, вы приносите все недостающие справки и документы, уже предвкушаете, что вам заплатят и за несколько предыдущих месяцев, а нет!!! Тот день, когда вы принесли последнюю из необходимых справок, и считается **днем обращения** по разумению чиновников. Именно с этого дня они и начнут отсчет по выплате пенсии.

На самом деле это юридически неверно, ибо **днем обращения человека является его реальное обращение, а не формирование его пенсионного дела**. То есть, если у вас пенсия вам положена с 1 августа, а вы обратились 2-го, то за август и так далее вам обязаны пенсию вернуть, хотя вы можете приносить различные справки еще хоть несколько месяцев.

В связи с вышеизложенным несколько советов будущим пенсионерам и тем, кто при оформлении и назначении пенсии столкнулся с различными ухищрениями чиновничества:

1. Старайтесь иметь доказательства того, что вы действительно тогда-то и тогда-то обращались за назначением вам пенсии.

2. Не ленитесь написать заявление в двух экземплярах и сдать его в канцелярию с тем, чтобы на втором экземпляре вам проставили дату, время приема и фамилию того, кто у вас принял это заявление — с расшифровкой фамилии, имени и отчества и должности. Вам также обязаны поставить входящий номер. Гражданский кодекс дает однозначное толкование в этом случае **дня обращения**.

3. Если вы с чем-то не согласны или не можете собрать необходимые справки, письменно обращайтесь в пенсионный орган с ходатайством, чтобы вам дали соответствующие запросы или чтобы они сами послали их в архивы министерств, ведомств или каких-либо предприятий, которые сейчас уже не работают. Это не их прихоть, а **их обязанность**.

Следующее. Если у вас возникли неприязненные отношения или непонимание того, что вам объясняет специалист, вы имеете право побывать на приеме у руководителя соответствующего районного пенсионного подразделения. Старайтесь оформить свои претензии в письменном виде для того, чтобы вам обязательно дали письменный ответ. Это позволит вам в случае неудовлетворения ваших желаний или не-

разрешения конфликтов искать удовлетворения в суде. И еще: никогда не забывайте от трехлетнем сроке исковой давности, который дает вам право оспорить то, что вы считаете неправомерным по отношению к вам.

И согласитесь, уважаемые читатели: пенсия — это на всю жизнь! И чем раньше вы ее начнете получать, в соответствии с пенсионным законодательством, разумеется, тем лучше. И хорошо, чтобы она была чуть-чуть побольше, чем даже вы надеетесь!

И Иван Григорьевич поверил в справедливость, которой он добился с помощью суда и ... адвоката.

История с хорошим концом, но с пятимесячными переживаниями.

## МИШАНЯ-ГАРАНТ

Товарищ пригласил на юбилей. Ехать на другой конец Москвы планировал с ночевкой: большая квартира юбиляра позволяла надеяться на это. Когда, как не на юбилей, можно позволить себе устроить праздник чревоугодия и поклонения Бахусу! Правда, одна ложка дегтя портила предстоящую поездку: где было оставить машину? Может быть, все-таки лучше поехать на метро? Но как представил себе, что ехать придется больше часа на обычном метро, потом нужно пересаживаться на «легкое» метро, затем еще ехать на автобусе и плюс еще минут 15 идти пешком. И это при условии, что с первого раза удастся сесть в переполненный автобус и не придется его долго ждать. Как ни прикидывай, а двухчасовое путешествие гарантировано. Так испортился любое праздничное настроение.

Поделится своими опасениями с приятелем, а он мне вдруг жизнерадостно заявляет: «Меня тут недавно познакомили с Мишаней-гарантом, так что ничего с твоей машиной не случится: и не вскроют, и автомагнитола не вытащат, и обивку не изрежут, да и не угонят...»

Как было не поверить! И я поехал. Никакой спецстоянки не было, машину поставил в «кармане» у подъезда.

Гуляли два дня: вкусно и раздольно, как того и хотел юбиляр. В воскресенье после обеда настало время уезжать. Подошел к машине — все в порядке. На праздновании были еще несколько человек из других регионов — из Рязани, из Калужской области. И с их машинами было все в порядке.

Пока гости шумно прощались, я зажал юбиляра в углу на кухне и стал настойчиво уговаривать разъяснить смысл фразы: «Всегда договорюсь с Мишаней-гарантом». Приятель сначала отнекивался, а потом в двух словах рассказал.

— В Южном Бутово оставленные у подъезда машины часто вскрывают: всегда найдут чем поживиться. У меня у самого три раза были такие неприятности. На стоянку ставить далеко и неудобно. Ракушки не разрешает ставить районная управа, а в расположенный недалеко гаражно-строительный кооператив нечего и соваться. Во-первых, там боксы стоят от 25 тысяч долларов и выше за машиноместо, а во-вторых, даже несмотря на эти умопомрачительные цены там установилась очередь страждущих. И вот однажды стою я возле машины, думаю, как бы поменять замок, как вдруг возле меня останавливается парень лет 15-ти и сочувственно спрашивает: «Что, опять не повезло? Влезли?» Я сразу просек, что он подставился на слове «опять». Но радовался я рано: парень, который представился Мишаней, ничуть не смущаясь, рассказал мне о том, что видел и слышал, как я дней десять тому назад ругался на весь двор. А живет он в соседнем подъезде на первом этаже.

— Ну, и что из этого следует? — в свою очередь удивился я. — Причем здесь этот Мишаня?

Пряатель сделал успокаивающий жест левой ладонью: мол, подожди, не кипятись. А сам продолжил.

— И Мишаня предложил мне взять мою машину на ответственное хранение. Если я согласен платить за месяц вперед, то это будет стоить 600 рублей, и с моей машиной ничего не случится. «Даже голуби на нее садиться не будут»,— сказал он мне со смешком. Я решил про себя: А чем черт не шутит?! Сутки на стоянке — 100 рублей, так она еще и далеко. А если там что-либо случится, то опять с охраны взятки гладки. А тут и машина стоит возле дома, и порядок полный тебе обещают. Так уже семь месяцев я не знаю никаких хлопот.

— Так ты с ним договаривался и насчет наших машин?! — поинтересовался я.

— Конечно. Я же знаю, как местные воришки работают: да еще если это иногородние номера — приезжих они совсем за лохов считают.

Я не мог оставаться спокойным до тех пор, пока не уговорил приятеля познакомиться меня с Мишаней. Тот согласился. Мишаню мы нашли в беседке, где он каждый день сидит с четырех до полшестого дня в любую погоду — здесь у него своеобразный офис для приема посетителей.

К моему удовольствию, Мишане мое внимание польстило. И охотно рассказал о своем доморощенном бизнесе, который ему очень нравится.

— Я очень уважаю всех мужчин в нашем доме и в соседних домах, которые являются автомобилистами. И мне их очень жаль, что им негде поставить свою машину. Они их подвергают погодным воздействиям, от чего машины портятся. А тут еще подростки бомбят: то вскроют и что-то украдут, то просто поломают, то ветровое стекло нитрокраской обольют.

Слушал я своего собеседника и представлял себе, как пострадавшие автомобилисты от досады и бессилия стоят возле своих поруганных машин. В милицию обращаться бесполезно — злоумышленников находят в редчайших случаях. А искать самому — это напрасно время терять.

То же самое подтвердил и Мишаня:

— Миша, так если тебе платить, то получается, что ты ночами не спишь, а занимаешься обходом автотранспорта?

Мишаня криво усмехнулся:

— Да нет. Просто я знаю разных пацанов у нас в микрорайоне. И могу догадываться, кто из них к этому причастен. Вот я и разговариваю с ними, прошу не трогать машины с такими-то и с такими-то номерами, а в ответ делюсь с ними большей частью полученной абонентской платы. Ну, и себе кое-что оставляю — я же тружусь!

Я смотрел на этого невысокого черноволосого шупленького подростка, который учится в девятом классе, и думал про себя, что этот паренек уже полностью познал все прелести капиталистического рыночного производства и оказания услуг и далеко пойдет.

На прощанье я задал Мишане два вопроса:

— И много у тебя «подопечных»?

Мишаня достал из внутреннего кармана маленький блокнотик, полистал и солидно мне ответил:

— По состоянию на сегодняшний день, когда мы с вами беседуем, набралось уже 58 человек — это вместе с вашими знакомыми. Но бывает, что люди просят день-два посмотреть за машиной, тогда я беру за сутки по 50 рублей.

— Миша, так ты, получается, гарант автомобильной безопасности?

Мой собеседник скромно улыбнулся, потупил глаза и неожиданно альтом ответил:

— Похоже, что так. Но я чувствую, что я необходим соседям. Да и у взрослых я пользуюсь авторитетом: деньги платят без звука и никогда не спорят!

От ощущения собственной значимости паренек надулся: из подростка всего за несколько секунд он перевоплотился в Мишаню-гаранта.

## ПРОТИВОСТОЯНИЕ

*Чья правда чище*

Происшествие, свидетелем которого я невольно стал, случилось в середине февраля на одном из столичных рынков, расположенном рядом с одной из окраинных станций метро.

Зашел я туда, в общем-то, случайно: нужно было купить шнур-удлиннитель да по мелочи кое-что из кондитерских изделий. Вдруг увидел, как к прилавку, на котором горкой выложены апельсины, яблоки, клубника, подскочил весь одетый в черное и в черную же шапочку худющий высокий парень в перчатках-крагах и начал все сбрасывать на пол. Потоптавшись несколько секунд по фруктам, он радостно загоготал и возопил: «Чернож...ые! Так будет с каждым из вас. Убирайтесь из нашей Москвы!» Старик-армянин, хозяин этого прилавка, огорченно вскрикнул, но было уже поздно.

А на соседних прилавках-столах буйствовали двое приятелей хулигана: они тоже сбросили ящики с фруктами на цементный пол. Правда, куражиться они не стали, побежали вслед за своим предводителем. Подросткам не повезло. Неожиданно старик-армянин достал свисток, и трель разнеслась, как мне показалось, по всему рынку. Отовсюду стали сбегаться южане. Трое юных хулиганов оказались в двойном кольце. Круг медленно сужался: вроде бы незаметно для глаза, но эта неотвратимость сужения, как это могут внешне незаметно делать восточные люди, пугала больше всего. Тройка заметалась, хотела было прорваться, но их опять отбросили в середину круга. Двое удержались на ногах, а третий споткнулся и упал. Когда он поднимался и на мгновение оказался на четвереньках, кто-то из южан бросил в него пониже спины апельсин, валявшийся на полу. Паренек дернулся, а южане захохотали, злорадно и с чувством превосходства, потому что сейчас ситуацией владели они.

Навстречу троице пританцовывающей приклатненной походкой шел довольно высокий, широкоплечий, уверенный в себе парень лет 25-ти с налитыми боксерскими плечами. Неожиданно в круг ворвался и старик-армянин.

— Не бей их, Ашот! — закричал старик. — Это же дети неразумные! Их кто-то, наверное, настраивает. Припугни их, пусть все расскажут. Но меня они уже затерроризировали — третий раз за пять дней сваливают.

Ашот угрюмо посмотрел на старика, тяжело вздохнул, повел своими сильными плечами и достал из карманов сжатые в кулаки руки. Так он стоял в двух шагах от подростков, которые испуганно жались друг к другу, как призябнувшие воробьи, и молчал. Пауза продолжалась несколько минут. Ни один театральный режиссер не смог бы поставить эту мизансцену так, как это получилось в жизни.

— Хорошо, дядя Сурен! Трогать мы их не будем, но сквозь строй прогоню. Пусть знают, что никогда пощады не будет, если людей начинают обижать!

Кто-то из женщин-продащиц охнул, заголосила еще одна. А человек сорок южан (и откуда их набралось столько — вроде на рынке и видно почти не было. — *И. Н.*) выстроились в две шеренги лицом друг к другу. В этот трехметровой ширины коридор по очереди стали загонять подростков. Долговязый парень, который самым первым сбрасывал ящики с фруктами именно у дяди Сурена, напрягся и, вертя головой направо-налево, чуть ли не вприсядку пошел по живому коридору. Южане искренне насмехались: «Куда ударим?!»; «Щас зубы выбьем!»; «Давай ползти его заставим!» Некоторые из южан замахивались на подростка, но никто не ударил. Парнишка благополучно дошел до конца. И припустил... Отбежав к выходу на безопасное расстояние, он стал что-то кричать и размахивать руками.

Ашот подтолкнул второго. Светловолосый курносый парень, щупленький и не очень высокий, закрыл голову руками, прижмурил глаза и пошел сквозь строй. Он шел медленными вздрагивающими шагами. И было видно, что он трусит, но все-таки

идет. Бежать, в отличие от своего предводителя, он после своеобразной экзекуции не стал, а медленно поплелся к выходу, не дожидаясь своего третьего товарища.

Третьего было жалче больше всех. Он вообще напоминал 7—8-классника — какой-то худенький и с мешками под глазами. Опять заголосила какая-то женщина. Дядя Сурен осторожно прикоснулся к плечу Ашота и попросил:

— Сынок, может быть, не надо? Пусть парень идет своей дорогой или поможет мне подобрать то, что сбросил тот злодей.

Ашот ничего не ответил, а подтолкнул мальчишку вперед. Тот вдруг глотнул воздуха, как бывает перед прыжком в воду, и шагнул в этот коридор. Он шел прямо, ни на кого не оглядываясь, смотрел вперед, только в одну точку. Кто-то из южан-парней для вида замахнулся, думая, что паренек испугается. Но тот молча шел, ни на кого не обращая внимания. По всей вероятности, он находился в прострации, был готов к любым ударам и старался встретить их достойно. Его тоже никто не тронул и он благополучно преодолел это расстояние. Затем он сделал несколько шагов навстречу свободе, но вдруг неожиданно присел и разрыдался. Было горько и тяжело смотреть на эту картину. Ашот что-то гортанно крикнул, и южане практически мгновенно исчезли. Только загромыхла тачка, куда складывают мусор, управляемая парнем-узбеком. Дядя Сурен подошел к плачущему мальчишке, подобрал с земли яблоко, обтер его своим большим темно-коричневым клетчатым платком и угостил: «Кушай, кушай, не плачь! Вы меня обидели, вас жизнь обидела». Молодой москвич взял яблоко, надкусил его и разрыдался еще сильнее. Стоявшие невдалеке два друга-подельника призывно махали ему руками. Но он все не мог отойти от унижения, которое только что пережил. Ему еще больше было стыдно от того, что старик-армянин, которого они обидели, а также еще несколько женщин — продавщиц-южанок вдруг отнеслись к нему без обиды и еще и жалеют его. Парень еще раз хрумкнул яблоком, потом встал и, неловко повернув свое заплаканное лицо к старику-армянину, предложил:

— Давайте, я вам помогу поднять.— Но дядя Сурен отказался. Он посоветовал ему быстрее покинуть рынок и уйти домой, потому что к месту происшествия, которое уже завершилось, бежали два толстопузых охранника и свистели в свои свистки.

Я отвлекся всего лишь на несколько десятков секунд, пока они разговаривали с пострадавшими торговцами-южанами, как всей троицы и след простыл.

А дядя Сурен бормотал-разговаривал сам с собой:

— Что мы все делим! Зачем это нужно! Мы, южане, и так в Москве на птичьих правах: живем, где придется, едим кое-как, дети безнадзорные, милиция постоянно обижает! А тут еще такие выходки от людей! Базар — это место для взрослых. Зачем это все нужно?

Он медленно поплелся к своему прилавку, поднял ящик, затем, безостановочно кряхтя, начал наклоняться и поднимать плоды один за другим: яблоки, апельсины, не забывая протирать каждый плод своим клетчатым платком. Затем старик сокрушенно развел руками — две корзинки с клубникой были раздавлены и на продажу не годились. Опять убытки...

Мне было жалко и продавца Сурена, и его соседок-товарок. Но как же жестоко обошлись мужчины-южане с пойманными молодыми хулиганами. Они прогнали их сквозь строй, мстя за свою неприкаянность и такую тяжелую жизнь вдали от дома, от родных и близких. Они не знали радости спокойной жизни у себя, нужда погнала их в Россию. А Москва встретила неласково, что и следовало ожидать, и, что самое неприятное, и не желала их. Она по дешевке пользуется их трудом, не всегда вовремя рассчитывается. Но более всего они страдают от пренебрежения, высокомерия. И, когда представилась возможность, они на унижение с готовностью ответили унижением, находя в этом кураже особое удовольствие. Как это страшно, когда люди жи-

вут не для созидания, а для разрушения. И разрушают собственные души и человечность в себе.

**От автора:** Я долго размышлял: писать об этом или не писать? Рассказал нескольким коллегам-товарищам, которые старше по возрасту и по знанию жизни. И они убедили меня в том, что об этом обязательно нужно рассказать, ибо в этих бытовых эпизодах жизненного противостояния происходит самое главное несчастье — распад дружеских связей между народами. А избавляться от недоверия, от ненависти в жизни потом труднее всего.

## ТЕЩИН ЗАКЛАД

В дикий рынок Валерий окунулся еще в 1988 году — в прошлом веке. При одном из столичных райкомов комсомола стали развивать НТТМ — научно-техническое творчество молодежи, предназначенное для поощрения инициативы старшеклассников и студентов, предприимчивых молодых людей, которые хотели что-либо из своих разработок внедрить в производство.

Друг Валерия подсутился первым и на базе одного из техникумов начал проводить видеосеансы: продавал входные билеты за 30 копеек, но сами билеты не выдавал. В душной классной комнате набивалось по 50—70 человек, все было внове, все казалось необычным и притягательным — сладость зарубежного быта. Показывали в основном слегка закамуфлированную порнографию.

Валерию было уже 26 лет. Он понимал, что путь, по которому идет друг, может когда-нибудь кончиться разбирательством с милицией, а то и уголовным преследованием. Поэтому он решил пойти своим путем: открыл музыкальный ларек. В райисполкоме ему пошли навстречу. Сгоревший и заброшенный табачный киоск давно уже был бельмом на глазу у местного начальства. А вдруг у молодежи получится — подумали в райисполкоме. Валерий с друзьями не стал ремонтировать старый киоск, а вывез его. Откуда-то привез новый, сверкающий хромом и пластиковыми окнами. По вечерам маленькие лампочки загорались в яркую иллюминацию, а пульсирующий свет разноцветных огней манил посетить «мюзик-халл» — музыкальный зал.

Никакого зала не было, но было окошко, где сидела привлекательная продавщица и, пошучивая с молодежью, предлагала буквально все, чего душа пожелает. Здесь были и кумиры прошлых лет, и современная музыкальная «попса», пользующаяся спросом у молодежи. Подобная всеядность — от «Биттлз» и «Лед Зеппелин» до «Ласкового мая» и Богдана Титомира приносила свои плоды — живые неучтенные деньги, часть которых не нужно было куда-то перечислять в качестве авторского вознаграждения. Плата за место была чисто символическая, продавщица была честной, потому что ей было приятно быть центром внимания у молодых людей. На этой самой продавщице, 22-летней Анечке, Валерий и женился. У Анечки была мама. Теща оказалась проницательной и пробивной теткой. Где-то на мясокомбинате она дешево брала колбасы разных сортов, а по вечерам разносила заказы по квартирам близлежащих домов. Мясные продукты были дешевле, чем в магазинах, а качество их было несравнимо лучше с побывавшими ранее в холодильных установках. В середине 1992 года возникла уникальная ситуация: доллар можно было купить за 25—30 рублей, автомашина «Волга» пока еще стоила 60—65 тысяч, а денег уже было в виде советских еще рублей достаточно.

Теща и сподвигла Валерия: покупай доллары и золотые изделия. Когда в 1993 году все рухнуло, Валерий увидел, что накопленные — скупленные по дешевке доллары превратились в самый ходовой товар. Однокомнатную квартиру можно было купить за две тысячи долларов. Он и купил три квартиры, потратив 11 тысяч долларов.



Работа в музыкальном ларьке была не такой веселой, яркой и праздничной, как казалась со стороны. Все время приходили какие-то ребята и требовали денег, иначе грозились сжечь. Местная власть тоже почувствовала вкус денег и ненавязчиво требовала внимания в виде подарков, оплаты обедов в ресторанах и даже выделения средств для поездки за границу. Пока это все было дешево и в допустимых пределах, Валерий по совету тещи терпел. Но потом, видимо, в сферу мелкого розничного товарооборота пришли серьезные криминальные авторитеты, потому что претензии к Валерию стали расти и расти. Что оставалось делать в такой ситуации?

И Валерий оформил все три купленные квартиры на тещу. Анечка не возражала, тем более, что уже родила двойню и была поглощена семейными заботами.

Теща поступила очень осмотрительно: предложила своему любимому зятю остаться проживать в ее муниципальной неприватизированной двухкомнатной квартире вместе со своей дочерью, а сама заняла однокомнатную из вновь купленных. Две квартиры начала потихоньку сдавать — за доллары.

Валерий потом неоднократно благодарил мысленно тещу за осмотрительность, потому что в середине 1994 года его из бизнеса выдавили: пришел какой-то рыбоглазый белообрый парень и сказал, что дает за ларек полторы тысячи долларов, дает два часа, чтобы он вывез весь свой товар, в противном случае ежедневно его долговые обязательства (неизвестно за что — неизвестно кому — и неизвестно на какой период) должны быть оплачены или будут увеличиваться. По всему выходило, что нужно было побыстрее освобождать место или ждать неприятностей. Надежды на милицию не было, потому он решил с этим видом бизнеса «завязать». К тому времени не было уже и комсомола, так что ни перед кем отчитываться Валерию не пришлось. Теща потихоньку продолжала «колбаситься-мясниться», а Валерий ее везде развозил. Но в 1998 году во время очередного дефолта и этот семейный бизнес рухнул, потому что доллар резко подорожал, а цены отпускные на мясокомбинате фактически сравнялись с магазинными — рыночными. Прибыль с трудом окупала затраты на горючее, содержание машины и получение небольшой зарплаты. Тогда Валерий вспомнил, что в свое время окончил МАДИ (Московский автомобильный институт) и вместе с группой друзей организовал строительную фирму.

Увы, все когда-то кончается. Валерий склонен считать, что его кто-то сглазил, жена Валерия Анечка, еще недавно бойкая продавщица, а ныне — заматеревшая домохозяйка, считала, что любовь прошла, а жизнь одна, а серые будни изводили непреодолимой скукой. Двойне исполнилось по 17 лет, мальчики поступили в вуз. Постаревшая теща стала непереносимой — ворчливой. Дело потихоньку покатило к разводу. Им все и кончилось.

Перед разделом имущества в коридоре райсуда Валерий спросил у тещи: «Не отдадите ли вы мне двухкомнатную квартиру в многоэтажном доме на Коломенской?» Теща ненавидяще посмотрела на зятя, который совсем скоро зятем быть перестанет, и показала ему кукиш:

— У тебя, Валерий, ничего нет, а потому уматывай побыстрее и ничего не проси.

После без малого двадцатилетнего периода жизни услышать подобное было неслыханным оскорблением. Однако препирательства типа «а я все купил, а вы сидели просто рядом» продолжались до тех пор, пока секретарь не пригласила всех в зал суда. Тут уже родственники сцепились основательно. Судья слушала-слушала, да и отложила заседание.

Кто-то из друзей надоумил Валерию искать адвоката, поднаторевшего на жилищных вопросах.

У настоящего специалиста в любой работе всегда есть собственные наработки, так называемые «ноу-хау», которые и делают его нужным, необходимым и квалифицированным как в глазах страждущих помощи, так и во время судопроизводства.

Одну квартиру удалось все-таки переоформить на Валерия — тем более с учетом требований нового Жилищного кодекса, действующего с марта 2005 года.

Супруги разъехались, теща осталась в своей квартире, у Валерия теперь тоже есть крыша над головой. Но желание уйти от любой социальной ответственности перед государством обернулось личной драмой.

Задумывая любое дело, строя семью и укрепляясь в своих жизненных профессиональных и финансовых позициях, не забывайте, уважаемые читатели, о трех простых правилах: 1) Обязательно устанавливайте паритетные (равные) взаимоотношения. Передавая кому-либо что-то и оформляя это на чье-то имя, вы всегда рискуете, ибо потом вернуть это **даже в части** бывает проблематично. И помочь очень и очень сложно. 2) Если уж что-либо приобретаете: квартиру, машину, иные дорогостоящие покупки, то старайтесь сделать это официально и везде все оформляя и уплачивая налоги и пошлины, иначе дешевая экономия сегодня завтра обернется невосполнимыми потерями. Сегодня ты ушел от налогов, а завтра скопленное и нажитое тобой уплывет в ставшие чужими руки. 3) В соответствии с Семейным кодексом даже нажитое в браке имущество может быть признано раздельным имуществом каждого из супругов. Не стесняйтесь оформить это документально. Лучше оплатить весьма и весьма небольшие расходы по оформлению у нотариуса, чем потом изыскивать возможности вернуть **хоть что-нибудь**.

Ведь не зря же говорил основатель династии Ротшильдов М. А. Ротшильд: «Деньги, дома и земля — это слишком большая роскошь, чтобы относиться к этому поверхностно». С подобным утверждением нельзя не согласиться.

